

Т Р У Д Ы

ВЫСОЧАЙШЕ УТВЕРЖДЕННАГО

ВОЛЬНОГО ОБЩЕСТВА

ЛЮБИТЕЛЕЙ

РОССИЙСКОЙ СЛОВЕСНОСТИ.

Miser sum miserisque succurrere disco.

1821 годъ.

ЧАСТЬ XV.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

Въ Типографіи Императорскаго Воспитательнаго Дома.

1821 года.

№ 9783/15

1891, кн. 1-3

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ

съ тѣмъ, чтобы по назначеніи, до выпуска изъ Типо-
графіи, представляемы были въ Цензурный Комитетъ:
одинъ экземпляръ сей книги для Цензурнаго Комитета,
другой для Департамента Министерства Народнаго Про-
свѣщенія, два экземпляра для Императорской Пу-
бличной Библиотеки, одинъ для Императорской Ака-
деміи Наукъ и одинъ для Санктпетербургской Духовной
Академіи. Санктпетербургъ. Іюня 10 дня 1891 года.

Цен. Ст. Сов. и Кан. Алек. Буцковъ.

53414

П Р О З А:

ДОНЪ КАРЛОСЪ.

Историческое произшествіе XVI столѣтія ().*

Несчастливая битва при Павіи и суровое обращеніе побѣдителей съ Францискомъ I возбудили въ сынѣ его Генрихѣ чувство сильной ненависти къ Императору Карлу V. — При самомъ вступленіи на тронъ Французскій онъ обратился про-

(*) Описаніе сего любопытнаго произшествія въ Испанской Исторіи заимствовано мною изъ слѣдующихъ источниковъ:

Mémoires de M. de Thou. 1572.

Histoire de Philippe II {
Histoire de Dom-Jouan { *par Cabrera.*

Histoire d'Espagne par Mayerne Turquet.

La grande histoire de Mezerai.

Histoire Ecclesiastique, par l'Abbé Fleury.

Dom-Carlos, nouvelle historique, par Saint-Real.

Часть XV. Кн. I:

†

ливъ него всѣ свои силы и блистательными побѣдами возстановилъ честь Франціи послѣ жестокаго плѣна, въ которомъ нѣсколько лѣтъ помился его родителю.

Карль, видя возрастающее торжество непріятеля и чувствуя, что преклонныя лѣта не позволяютъ ему болѣе нести тягостнаго правленія Римской Имперіи и Монархіи Испанской, вознамѣрился сложить свой санъ и въ тиномъ уединеніи, вдалекѣ отъ всѣхъ превратностей свѣта, окончить славное поприще жизни (*).

Характеръ Филиппа извлеченъ изъ книги, подъ заглавіемъ: *Mémoires pour servir à l'histoire des hommes illustres dans la République des lettres.*

Впрочемъ, для показанія, изъ какихъ Авторовъ почерпнуты чрезвычайныя мѣста въ семь произшествій — сдѣланы ссылки.

- (*) Карль V, сложивъ съ себя Императорское достоинство, удалился въ монастырь Св. Юста, находящійся въ Испанской области Эстремадурѣ. Строжайшее исполненіе обязанности инока, механическіе опыты, хожденіе за цвѣтами и прогулка были его занятіемъ. Послѣ трехлѣтняго уединенія онъ умеръ 21 Сентября 1558 года, на 59 году отъ рожденія, царствуя 36 лѣтъ.

Но, дабы не подвергнуть сына своего Филиппа мстительнымъ ударамъ Генриха, копорому счастье совершенно благопріиспывало, онъ заключилъ перемиріе съ Франціею на пять лѣтъ, и, въ продолженіе сего времени, предприимчивый Императоръ, величайшій полишкъ того вѣка, успѣлъ утвердить миръ — и, въ залогъ постояннаго дружества, положено было соединить бракомъ Донъ Карлоса, сына Филиппа II опъ первой его супруги, съ Изабеллою, старшею дочерью Генриха II и Екатерины Медичисъ.

Принцесса была еще въ самой цвѣтущей юности; но очаровательная наружность и всѣ дары, быспро развившіеся опъ совершеннаго воспитанія, превосходили ея возрастъ. Слыша о достоинствахъ Инфанша и узнавъ о своемъ назначеніи, Изабелла не скрывала нѣжности, наполнявшей ея сердце къ юному Принцу. Таковы всегда свойства невинности, копорая, предаваясь первому стремленію чувствъ, не думаетъ найти ничего превосходнѣ предмета своей любви. Что касается до Д. Карлоса, онъ былъ въ во-

спорть. Присланный къ нему портретъ Изабеллы удостовѣрилъ его, что ея прелести оправдывали общую о ней молву. Впрочемъ удивительно, что воображеніе Принца, при самой зарѣ благополучія, наполнялось мрачными предчувствіями: знаменитость произхожденія была ему тяжгоспина; онъ завидоваль соспоанію частнаго челоуька, полагая, что счастье души не всегда сближается съ величіемъ порфиры и нерѣдко убѣгаетъ отъ чертоговъ вѣнценосца.

Совершенство брака, предназначеннаго торжественнымъ договоромъ, казалось несомнѣннымъ; — но есть предопредѣленіе, котораго никто изъ смертныхъ отврапипть не можеть, которое раждаетъ события, совершенно непредвидѣнныя и опровергаетъ намѣренія, тщательпо обдуманныя.

Герцогъ Альба, военачальникъ Испанскій, стоялъ предъ стѣнами Рима и держалъ въ осадѣ Папу Павла IV. Сей Первосвященникъ, дабы избавить столицу свою отъ опасности, склонилъ лестными общаніями короля Французскаго растор-

гнушь съ Филиппомъ миръ и послашь войска для завоеванія Фландріи. Герцогъ Альба, по сей причинѣ, принуждёнъ былъ снять осаду, — но преступное покушеніе Генриха не имѣло успѣха. Французы потеряли два сраженія. Величайшій уронъ, причиненный имъ Графомъ Эгмондомъ, былъ при Сенль-Кантеръ: войска пришли въ расстройство; храбрѣйшіе полководцы и офицеры были или убиты, или взяты въ плѣнъ. Сіе пораженіе заставило Генриха искупить свое вѣроломство какою бы цѣною ни было.

Въ продолженіе новыхъ переговоровъ, Марія, королева Англійская, скончалась, и Филиппъ, соединенный съ нею вторымъ бракомъ, остался вдовъ. Сей государь принялъ намѣреніе вступить въ претій бракъ. Восхищенный портретомъ прелестной Изабеллы, онъ самъ рѣшился требовать ея руки, не смотря на то, что она назначена была его сыну. Король Французскій, при всемъ желаніи видѣль дочь свою супругою Д. Карлоса, бывшаго почти однихъ съ нею лѣтъ, принуждёнъ былъ покориться счастью сильнаго со-

нерника; слѣсненныя обстоятельспва за-
спавили его дашь согласіе на предложе-
ніе Филиппа, включившаго бракъ сей въ
спашью мирнаго договора.

Ожидаль ли Д. Карлосъ, что миръ сей
уничпожитъ его надежды и похипитъ
у него все, чѣмъ польстила ему благопрі-
ятная судьба? Не возможно изобразить
отчаянія Принца, когда онъ узналъ о сей
перемѣнѣ; но ему ничего болѣе не оспа-
валось, какъ скрывать сердечную горестъ
и терпѣль. Онъ не смѣлъ никому обнару-
житъ жалобъ своихъ на жестокость от-
ца, похищавшаго предметъ его обожанія.
Любовь, споль нагло оскорбленная, произ-
вела въ немъ невольное отвращеніе къ
Филиппу. Онъ нечувствительнo впалъ въ
задумчивость; общества сдѣлались для
него несносными. Когда необходимость
обязывала его являться къ отцу, тогда
лице и видъ его обнаруживали мрачную
печаль и внутреннее смущеніе. Филиппъ,
котораго порочное сердце не одушевля-
лось родительскою любовію, движимый
властолюбіемъ и сильнымъ побужденіемъ

страсти, Филиппъ не постигаль, отъ чего происходишь въ сынѣ его такая холодность. Онъ заключаль объ Инфантѣ по собственнымъ чувствамъ, и уныніе его приписываль скрытному, неперпѣливому желанію царствованія. Съ того времени, наследникъ короны сдѣлался для него предметомъ ненависти.

Характеръ Филиппа представляль странныя и ужасныя черты: онъ попеременно казался вѣжливымъ, дерзкимъ, обходительнымъ и свирѣпымъ; ему ничего не было легче, какъ склонить въ пользу свою тѣхъ, въ коихъ имѣль надобность, и когда болѣе не видѣль въ нихъ нужды, то снова принуждалъ себя ненавидѣть. Безмѣрная скупость унижала его величіе: онъ былъ чрезвычайно надмѣнъ; но, для выгодъ своихъ, вдавался въ презрительную низость. Властолюбіе было сильнѣйшею его страстію; для ней онъ готовъ былъ всѣмъ на свѣсѣ жертвовашь. Не признавая никого другомъ, не имѣя въ виду ничего, кромѣ собственной пользы, Филиппъ любилъ и награждалъ только ласкателей. Воспитанный въ кругу

суевѣрнаго духовенства, онъ не приобрѣлъ ни одного достоинства, ни одного изъ шѣхъ счастливыхъ свойствъ, которыя опличаютъ добраго государя; изсшупленный фанатизмъ, почиаемый имъ за вдохновеніе небесъ, управлялъ его спрасьями. Онъ предавалъ грозному суду Инквизиціи всѣхъ, которые были ему подозрительны, или противорѣчили образу мыслей окружающихъ его кардиналовъ. Филиппъ зналъ безчеловѣчіе сего судилища, зналъ жестокость пыпокъ, ожидавшихъ тамъ и преступнаго и невиннаго; рѣдко кто выходилъ изъ сего ужаснаго царства смерти, изъ сего гроба, сооруженнаго безумнымъ понятіемъ ученія превосходнѣйшей религіи, — онъ зналъ это, но суевѣріе брало верхъ надъ его чувствами. „Для умилоствленія Бога, правосудіе требуетъ крови преступныхъ“ говорилъ главный Инквизиторъ, и король, не разбирая вины осуждаемыхъ, подписывалъ предспавляемый списокъ несчастныхъ: — казнью не медлили.

Итакъ Государь сей, не имѣвъ врожденной склонности къ добродѣтели, а

припомъ развращенный грубымъ воспитаніемъ, былъ и недоувѣрчивъ и мстительнъ; онъ не умѣлъ проникать въ сердце человѣка, не могъ постигать его свойствъ, и, въ минуты не понятныхъ для него случаевъ, подозрѣніе, обманывая его разумомъ, грозило гибелью всѣмъ, его окружающимъ. Не удивительно, если и Д. Карлосъ, будучи не въ силахъ скрывать своей горести, обратимъ на себя строгое вниманіе недоувѣрчивости отца, который, безпокоясь неосновательными подозрѣніями, ни мало не колебался сдѣлаться въ послѣдствіи первымъ гонимелемъ своего сына.

Изабелла, съ живѣйшею радостію принявшая извѣстіе о бракѣ съ Д. Карлосомъ, почувствовала неизъяснимую печаль, узнавъ, что будетъ имѣть супругомъ отца, вмѣсто сына, — но, какъ дочь Короля, она, по необходимости покорилась участи, ея ожидавшей, и любовь уступила требованіямъ политики. Французы, увѣренные, что Филиппъ согласился на миръ единственно для пріобрѣтенія супруги, столь очаровательной красотою, привѣщ-

сповоади Принцессу самыми лестными, самыми выразительными похвалами; они намяновали ее *мирою Изабеллою*. Сердцу свойственно чувствовать удовольствіе, встрѣчая признательность и любовь, но Изабелла была не утѣшна. Она слышалась о свойствахъ Короля Испанскаго, и мысль, что соединяется съ врагомъ своего родителя, съ человѣкомъ жестокосердымъ, — одна мысль сія ужасала ея душу и наполняла горестными предчувствіями.

Еще въ Іюнь 1559 года, заочно обрученная Филиппу чрезъ Герцога Альбу, она долгое время, подъ различными предлогами, отлагала свой отъѣздъ. Наконецъ она должна была покориться печальному жребію — и отправилась изъ Парижа уже въ Ноябрь; но и тушь, какъ бы желая продлить послѣднее время своего счастья, она продолжала путь свой весьма медленно и останавливалась во всѣхъ городахъ, чрезъ которые проѣзжала. — Напослѣдокъ она достигла предѣловъ Испаніи.

Донъ Карлосъ отправился къ ней на встрѣчу; узнавъ о приближеніи Инфан-

та, Изабелла пришла въ непонятное смя-
 шеніе. Послѣ взаимныхъ привѣтствій,
 Королева и Принцъ оставались безмолв-
 ными; сопровождающіе не прерывали се-
 го горестнаго молчанія. — Д. Карлось
 смотрѣлъ на Королеву съ видомъ удивле-
 нія, и чѣмъ болѣе находилъ въ ней пре-
 лестней, тѣмъ сильнѣе чувствовалъ свою
 потерю; чувство сіе обрапилось нако-
 нецъ въ мучительную тоску. Руи-Гомезъ,
 Герцогъ Инфаншадо, сопровождавшій ихъ,
 думая, что Королева ожидала изъ учпи-
 восли, пока Д. Карлось захочетъ ѣхать,
 и что Принцъ съ своей стороны медлитъ
 по таковой же причинѣ, доложилъ Коро-
 левѣ, что время отправиться въ дальнѣй-
 шій путь, и вывелъ ихъ обоихъ изъ за-
 мѣшательства. Принцъ сѣлъ въ каретѣ
 съ Королевою; въ продолженіе пути они
 испытали то состояніе, когда человекъ
 отъ полношны сердечныхъ чувствованій
 не находить словъ къ выраженію. Иза-
 белла была въ задумчивости; Д. Карлось
 тщетно хотѣлъ казаться спокойнымъ.
 Они понимали взаимную склонность, но
 не отваживались объясниться. Въ семь пе-

чальномъ положеніи Королева прибыла въ Мадридъ.

При выходѣ ея изъ кареты, Король вышелъ на встрѣчу и проводилъ супругу въ назначенные покои. Послѣ первыхъ привѣтствій, Изабелла устремила на него внимательный взоръ, желая проникнуть, не примѣчаетъ ли онъ ея замѣшательства. Самолюбивый Филиппъ не умѣлъ постигнуть причины сего безпокойства, но съ видомъ нѣскольکو суровымъ сказалъ ей: *Государыня, не смотрите ли вы на мои сѣдые волосы?* Всѣ окружающіе приняли рѣчь сію за предвѣстіе неблагопріятное и не безъ причины думали, что союзъ двухъ особъ столь различныхъ лѣтъ никогда не можетъ быть счастливъ.

Испанцы, предваренные о красотѣ Изабеллы, со всѣхъ концовъ Мадрида стекались ко дворцу, дабы увидѣть свою Государыню. Прелестная наружность, образованный умъ и кротость нрава привлекли къ ней сердца и вельможъ и народа. Всякой разъ, когда она показывалась въ публичныхъ собраніяхъ, всѣхъ взоры

обращались къ ней; она была предметомъ общаго вниманія и удивленія.

Сладострастный Филиппъ пльнялся красотою супруги, но его самолюбіе не позволяло ему видѣть въ ней душевныхъ достоинствъ. Въ самый первый день ея прибытія онъ обошелся съ нею съ видомъ важнымъ, даже спрегимъ, показывая себя болѣе повелителемъ, нежели супругомъ.

Такое спранные обращеніе произвело въ сердце Изабеллы совершенное равнодушіе къ Филиппу. Она взирала на него, какъ на человека, преданнаго одной гордости, которій не заслуживалъ другихъ чувствъ, кромѣ хладнаго исполненія обязанности. — Напротивъ того, обращая взоры къ Д. Карлосу, она находила его всегда печальнымъ и задумчивымъ; видъ молодаго Инфанта выражалъ любовь благородную, нѣжную. Спргій долгъ запрещалъ Королевѣ бытъ внимательною къ его спрасти. Но, одаренная сердцемъ чувствительнымъ и сострадательнымъ, сими свойствами всегда неразлучными, она не могла лишиться себя отрады раздѣлять

съ Принцемъ его горесть. Д. Карлосъ проклиналъ свою несчастную страсть, — но можно ли располагать сердцемъ? Онъ старался проникать мысли Королевы, замѣчалъ ея обхожденіе; не смѣя полковашъ его въ свою пользу, долгое время искалъ случая къ объясненію — случай сей наконецъ открылся.

Филиппъ еще не отдалъ послѣдняго прощанія браннымъ остаткамъ своего отца, который окончилъ жизнь и погребенъ былъ въ монастырѣ Св. Юста, за нѣсколько дней ѣзды отъ Мадрида; повелѣно сдѣлать приугошвленія къ отъѣзду. Королева, любопытствуя обзрѣть мѣстоположеніе, прелестнѣйшее во всей Испаніи, и припомъ знаменитое опшельническую жизнью Карла V, вызвалась сопутствовать супругу въ семь путешествіи; желаніе ея было исполнено. — Прибывъ въ монастырѣ, Филиппъ по совершеніи моленій и поклоненія святой обители, желалъ видѣть инока, любимаго покойнымъ его отцемъ. Сказывали, что Императоръ однимъ утромъ, въ свою очередь, пошелъ звать опшельниковъ на

молитву и, увидѣвъ молодого спящаго послушника, съ трудомъ могъ его разбудить. Проснувшійся юноша съ досадою сказалъ ему: *Вы бы должны быть довольны, надбавѣ безпокойства во время царствованія, и не приходите тревожить покоя удалившихся отъ свѣта!* Сей смѣлый отвѣтъ юноши понравился Государю, который съ того времени спалъ чрезвычайно къ нему привязанъ.

Между тѣмъ, какъ Филиппъ бесѣдовалъ съ симъ инокомъ, всѣ придворные разошлись осматривать прелестныя окрестности монастыря, а Изабелла, упомянутая отъ дороги, оставалась почти одна съ Д. Карлосомъ. Свита ея стояла въ отдаленности. Принцъ предложилъ Королевѣ отдохнуть въ померанцовой рощицѣ, находившейся позади комнасть, занимаемыхъ нѣкогда Императоромъ Карломъ. Инфантъ вступилъ въ разговоръ съ благородною твердоспшою. Прежде всего онъ просилъ ее не безпокоиться и быть увѣренною, что онъ въ словахъ не пресупитъ предѣловъ своего къ ней уваженія; напомнилъ по счастливое время, ко-

Частъ XV. Кн. I.

гда обманчивая надежда общала ихъ соединить узами супружества; изобразилъ сладостное чувство, которое тогда, наполняло его сердце: — Государыня, прибавилъ онъ, ужасный оборотъ судьбы не испробилъ сего чувства, и я увѣренъ, что пламенная, гибельная страсть моя кончилась только съ моею смертию. Тронущая сею вѣжностію Изабелла сама открылась, что, вспоминая время, когда любилъ съ бытъ его супругою, она не въ силахъ видѣть безъ искренняго участія его спрдацій и оказашъ въ утѣшеніи, которое можетъ общать, не пресупая своего долга. — При сихъ словахъ Королева, безъ сомнѣнія опасаясь сказашъ чтонибудь болѣе, нежели позволяла обязанностію, встала и приблизилась къ Князю Пармскому, шедшему къ ней съ Руи Гомезомъ. Удаляясь, она сказала Д. Карлосу, что благоразуміе и даже самая любовь его къ ней, истребуютъ, чтобы онъ избѣгалъ подобнаго съ нею объясненія. Но разумъ и добродѣтель уступаютъ любви. Королева и Инфантъ видѣлись не однократно, особенно предъ возвращеніемъ въ Мадридъ, и взаимная оп-

жрвенность болѣе и болѣе усиливала безплодную спраснь Принца. Увѣрсь въ чувстввахъ Изабеллы, онъ начиналъ забывати о своемъ несчастіи, какъ неожиданный случай нарушилъ его спокойствіе.

Принцесса Эболи, супруга Руи-Гомеза, прелестнѣйшая изъ всѣхъ дамъ Мадрида; была первымъ лицомъ при дворѣ, какъ по своей красотѣ, такъ и по знаменитости ея мужа, бывшаго въ великой силѣ и довѣренности у Короля, — но прелести и душевныя качества Изабеллы ошвякли взоры обожателей высококомѣрной Принцессы. Эболи не могла простишь высокой соперницѣ сего торжества. Любя блескъ и роскошь, въ увѣренности покоришь все пріянной наружностью, она сперва старалась уловить пресшарѣлаго Короля, но красота Изабеллы уничтожила ея надежды. Не ожидая найши въ юномъ Карлосѣ подобнаго претягствія, она рѣшилась употребить всѣ средства къ пріобрѣтенію его сердца.

Супругъ ея Руи-Гомезъ былъ наславникомъ Принца и жилъ съ нимъ въ одномъ отдѣленіи дворца. Пользуясь случаемъ къ

частому свиданію съ Д. Карлосомъ, она спаралась примирять его съ своимъ мужемъ, съ копорымъ Принцу почти ежедневно не лзя было обойтись безъ ссоры. Инфантъ, видя доброе содѣйствіе прекрасной супруги Руи-Гомеза, не могъ быль не признашельнымъ и обходился съ нею съ особенною вѣжливостію и уваженіемъ.

Симъ ободренная Эболи не сомнѣвалась достигнуть своей цѣли, и въ одинъ день забылась до того, что Принцъ, сначала принимавшій разположеніе ея за одну дружбу, не могъ уже не примѣнить настоящихъ ея намѣреній. Въ сердцѣ Д. Карлоса, обожавшемъ Королеву, не было мѣста для другой любви. Взаимность его къ Принцессѣ Эболи ограничивалась однѣми учтивостями. Но если женщина, простирающая виды за предѣль добродѣтели, обманется въ своемъ ожиданіи; то оскорбленное ея самолюбіе дѣлается непримиримымъ, и порочная спрасишь переходишь въ чувство мщенія.

Въ сіе время явился при Испанскомъ дворѣ побочный сынъ Карла V Донъ Жуанъ Австрійскій. Съ перваго свиданія очаро-

ванный прелеспямц Королевы, онъ спрашно въ нее влюбился. Но, при всей пылкости, свойспвенной его лѣпамъ, юный Принцъ былъ очень оспороженъ, и нѣжнымъ чувспвамъ своимъ, придавалъ видъ услужливости, копорая, хотя и безпокоила Инфанпа, но Королева съ своей стороны была къ этому совершенно равнодушною.

Д. Карлосъ не умѣлъ постоянно скрывать своего неудовольспвія, встрѣчая преспіспвія къ свиданіямъ съ Изабеллой. Взоры влюбленныхъ соперниковъ пронцательны. Д. Жуанъ сіе примѣнилъ, оспгадалъ причину и рѣшился всѣми средспвами узнать— соопвѣспспвуетъ ли Королева спраспи Инфанпа? Чшобы въ томъ успѣшь, онъ припворился влюбленнымъ въ одну Француженку, копорая при ней находилась и пользовалась ея милоспями. Дѣвица пріятной наружности легко могла думать, что Д. Жуанъ ее искренно любитъ. Лаская ее, Принцъ старался вывѣдать о сердечныхъ чувспвахъ Изабеллы; но это было ей неизвѣспно. Супруга Филиппа не открывала никому своего разположенія къ его сыну. Д. Жуанъ, усмапривая, что по-

средствомъ своей любимицы не успѣлъ сдѣлать желаннаго открытія, принявъ другія мѣры. Онъ старался войти въ довѣренность къ самому Инфанту, котораго добродушный и опкровенный характеръ въ помощь его обнадеживали. Ославя прежнюю свою важность, свойственную дядѣ, онъ обходился съ нимъ, какъ съ другомъ, предупреждалъ всѣ его желанія, перевозносилъ вездѣ его доспоинства, надѣясь шѣмъ увѣришь въ своей искренности. — Д. Карлосъ проникалъ его намѣренія; по наружности онъ оказывалъ ему взаимное расположеніе, но въ опкровенности не преспупалъ предѣловъ сердечной тайны.

Видя въ обоихъ случаяхъ неудачу, Д. Жуанъ изыскалъ прешій способъ къ удовольствованію своего любопытства. Прекраснѣйшій изъ мущинъ того времени, онъ безъ затрудненія понравился Принцессѣ Эболи, съ которою былъ близокъ и по свойствамъ. Полагая, что ея содѣйствіе и совѣты могутъ быть полезны, онъ возобновилъ припворство влюбленнаго, сдѣлался съ нею опкровеннымъ, сообщилъ ей свое подозрѣніе о преспупномъ разположеніи Д. Карло-

са къ Изабеллѣ — Мспипельная супруга Руи Гомеза приняла сію новостію съ злобною радостію, не проникая причины заботливости Д. Жуана. Они условились замѣчать съ величайшимъ вниманіемъ бращеніе Королевы съ Инфантомъ, думая, что любовь, какъ бы ни была оспорозна, но рано или поздно себя откроетъ.

Такъ разсуждали коварные Эболи и Д. Жуанъ. Они пылали равною злобою: первая мучилась завистію, видя поржеспвую ющія достоинства Королевы и помня свою опринутую любовь; второй, шревожимый подозрѣніемъ, завидовалъ счастію Инфанта и оскорбился равнодушіемъ Изабеллы. Съ непримиримымъ самолюбіемъ оба они рѣшились мспипеть, спарались только проникнуть шайну, и воспользоваться удобнымъ случаемъ.

Разнесся слухъ, что Императоръ Карлъ V, при концѣ своей жизни, преклонился къ ученію Реформатовъ и предпочелъ уединеніе шрону только для того, чтобъ остатокъ дней своихъ посвящать сей Религій. Молва подшверждалась выборомъ людей, которые тогда при немъ находились; наде-

но, что завѣщаніе его совершенно проотивно было духу ревностнаго Каполика. — Ожесточенная симъ Инквизиція, ободряемая Королемъ, приговорила къ смертной казни всѣхъ послѣдователей Реформы. Первое стремленіе мщенія обратилось на Архіепископа Толедскаго, Епископа Дрозскаго и на многихъ другихъ любимцевъ покойнаго Императора въ послѣднее время его жизни. Филиппъ, упреждая судъ, повелѣлъ всѣхъ обвиняемыхъ заключать въ шемницу. Изступленная ревность его къ Каполической религіи, сопровождаемая споль явнымъ безчеловѣчіемъ, прославляема была шолько въ Испаніи; но изумленная Европа взирала съ негодованіемъ на заключеніе въ оковы и смертный приговоръ Конспаншина Понса, добродѣтельнаго Епископа Дрозскаго, духовника Карла V, на рукахъ котораго Государь сей скончался. Такое неуваженіе къ памяти ошца возбудило въ просвѣщенныхъ Монархахъ справедливое презрѣніе къ сыну. Самъ даже Папа угрожалъ ему небеснымъ гнѣвомъ за сихъ двоихъ паспырей; но Филиппъ, шолько же самовластный деспотъ, шоль

и упорный фанатикъ, разослалъ ко всѣмъ Государямъ письма, совѣшая имъ не смѣшиваться въ добрыя дѣла, кои онъ производитъ во славу Божию, а преспарѣлому Папѣ Пію IV оповѣчалъ, что въ сновидѣніи слышалъ гласъ покровителя Испаніи Св. Іакова Компостельскаго о скоромъ упраздненіи Папскаго престола, на который онъ король Филиппъ по благословенію цюгодника имѣетъ право и силу (*).

Между шѣмъ Инквизиція спѣшила обвинить и другихъ знаменитыхъ приверженцевъ Карла V. Бранпомъ повѣсшвуесть, что дерзость и жестокость сего судилища просперлась до того, что пристрадцвдцать жершвъ осуждены были на созженіе медленнымъ огнемъ вмѣстѣ съ духовною сего Государя. Однакожь самъ Филиппъ не опважился ушвердить цакаго приговора, и сею мѣрою (какъ объявлено было главному Инквизишору) онъ желалъ болѣе спасти честь Инквизиціи, нежели жизнь осужденныхъ.

Д. Карлосъ, привыкшій опъ самага младенчества любить своего дѣда, испы-

(*) Mémoires de M. de Thou. 1572.

шавъ доказательствъ его нѣжности, оплакивая его кончину, чтя его память, не могъ равнодушно видѣть несправедливости и быть свидѣтелемъ, что въ сиротѣ, возведенной и прославленной симъ знаменитымъ Государемъ, стараются очернить его поступки. Д. Жуанъ и Принцъ Пармскій съ такимъ же благороднымъ рвеніемъ приняли участіе въ оскорбленіи великаго челоѣка и присоединились къ споронѣ Д. Карлоса. Всѣ они явно осуждали слабостъ Короля, не могшаго укропитъ свирѣлости Инквизиціи — и, увлекаясь пылостію характера, поносили судей Инквизиціи оскорбительными ругательствами. — Возмущаемый происками духовныхъ, народъ ропсалъ и раздражался поступками Принцевъ. Филиппъ, опасаясь послѣдствій, могущихъ произойти отъ волненія духовенства и черни, поручилъ Руи-Гомезу объявить Принцамъ свой гнѣвъ за безразсудное ихъ поведеніе. Д. Жуанъ и Принцъ Пармскій, чувствуя, что они несравненно менѣе могутъ ожидать снисхожденія отъ Короля, нежели Инфантъ, и что для нихъ можетъ быть весьма опасно немилостъ

Государя и ненависть народа, просили Гомеза исходатайствовать имъ прощенье; на прощивъ Д. Карлосъ остался непреклоннымъ, и, увѣренный въ правоту своихъ чувствъ, не могъ признасть себя виновнымъ.

Между шѣмъ Архіепископъ Толедскій былъ сожженъ вмѣстѣ съ чучелой, представлявшей Епископа Дрозскаго (*); почитенный духовникъ Карла V избавился смертію отъ сей ужасной казни. За нѣсколько дней предъ шѣмъ, обремененный оковами, онъ кончилъ жизнь въ холодной пемницѣ отъ изнеможенія.

Филиппъ пожертвовалъ невинными пашырами съ шѣмъ, чтобъ Инквизиція уничтожила смертный приговоръ трехъ сотъ двадцати реформатовъ и пощадила отъ сожженія духовный актъ покойнаго Императора. Определеніе сіе нѣсколько успокоило Инфанта; но Инквизиціи, сохраняя непримиримую ненависть, возбуди-

(*) Относительно сожженія Архіепископа Толедскаго, нѣкоторые ласкашли Филиппа утверждать, что дѣло его было послано на сужденіе въ Римъ; но въ казни сей удословляешь Кабрера. *Hist. de Philippe II.*

ли пропивъ него шакое негодованіе въ народѣ, что Король не нашель другаго средсва къ предваренію мяшежа, какъ удалишь Принцевъ на нѣкоторое время изъ столицы.

Онъ отправилъ ихъ въ славный того времени Алькальскій Университетъ. Д. Карлосъ, видя необходимость разлучишься съ Королевою, впалъ въ величайшее уныніе. Власъ любви сидѣше чешполубія. Поздно раскаивался онъ въ своей опромѣшчивости; опѣздъ былъ неизбѣженъ, и надлежало скрывать чувства, которыя къ несчастію преодолевали всю его швердосшь и благо-разуміе.

По пріѣздѣ ихъ въ Алькалу, Депушашы тамошняго дворянства подвели Д. Карлосу въ подарокъ молодую Арабскую лошадь. Принць приказалъ ее объѣзжать, и, бывъ недоволенъ берейпоромъ, самъ рѣшилъ приучишь ее къ бѣгу, и едва понудилъ шпорами, какъ разгоряченный конь помчался съ такою быспропѣю, что Карлосъ упалъ спремглавъ на землю; его подняли безъ чувствъ и опнесли во дворець. Паденіе его было споль сильно и головная рана споль опасна, что докшоры опчаялись въ его жиз-

ни. Ожидая приближенія смерти, Д. Карлосъ призывалъ своего друга Маркиза Позу; открылъ ему тайну сердца, и просилъ утѣришь Изабеллу, что онъ, прощаясь съ нею, умираетъ съ извѣстными ей чувствами.

Едва узнали при дворѣ о несчастіи Инфанша, какъ Принцесса Эболи поспѣшила къ Королевѣ бытъ свидѣтельницею, съ какимъ участіемъ она приметъ сей случай, дабы проникнуть тайну ея души. Слезы Изабеллы убѣдили ее въ прежнемъ подозрѣніи. Жишели Мадриша не жалѣли о бѣдствіи, постигшемъ Принца, полагая, что гнѣвъ Божій покаралъ ругателя святой Инквизиціи. Самъ Филиппъ не изъявилъ сожалѣнія о злополучной участи сына; онъ даже не согласился отпустить своего медика для пользованія Инфанша. *А при мнѣ кто останется?* возразилъ онъ на представленія Королевы. — *Велите берегъ лошадь,* сказано было Маркизу Позѣ, при обратномъ возвращеніи его въ Алькалу, *она пригодится для моего завода!* (*)

Волъ черта, по которой можно судить о родительскихъ чувствахъ хладной

(*) Mémoires de Mr de Thou. 1572.

души Филиппа! Но Королева, думая только объ умирающемъ Принцѣ, рѣшилась доставить ему послѣднее утѣшеніе. Она чрезъ Маркиза послала къ нему письмо, въ которомъ было выражено все, что можетъ сказать любовь и горестъ. — Кто бы подумалъ — но такая сила спросити: письмо сіе. воскресило изнемогавшаго Принца; силы его оживились и здоровье мало по малу возвратилось. Съ согласіемъ Филиппа, онъ допущенъ въ столицу. — При первомъ свиданіи Изабелла убѣждала его отдать ей письмо сіе, но ни какія предспавленія не могли склонить Инфанта лишиться сего залога чувствъ: „*Государыня*“, сказалъ онъ, *позвольте свидѣтельству чистой любви напоминать, что она возвратила мнѣ жизнь, и что сила ея преодолѣла цсилія смерти*“! — Несчастный не предвидѣлъ, что сіе роковое письмо опредѣлило нѣкогда его гибель.

Случай, по которому Филиппъ обратилъ вниманіе на привязанность супруги къ его сыну, особенно достоинъ замѣчанія. Въ испущенной ревности къ вѣрѣ, онъ, по совѣшу своихъ вельможъ, вознамѣрился

захватишь покровителей ненавистныхъ ему пропешпаншовъ Иоанну д'Албертъ, Королеву Наварскую, и ея сына (царствовавшего попомъ во Франціи подъ именемъ Генриха IV.), привезти ихъ въ Испанію и предать суду Инквизиціи. Первѣйшіе Гранды, Герцогъ Альба и Руи-Гомезъ вызвались исполнить сіе коварное предпріятіе. Но великодушная Изабелла, узнавъ съ негодованіемъ о семъ злоумышленіи, сколько по связи родства, не менѣе и по внушенію сердца, спѣшила предупредить Королеву Наварскую — и адское покушеніе Филиппа не имѣло успѣха. Д. Карлосъ, при извѣстіи о семъ заговорѣ, объявъ былъ ужасомъ. *Будетъ время: я дамъ это вспомнить Королевскимъ Советникамъ*, сказалъ онъ въ первомъ движеніи гнѣва (*) — и, свидѣтельница сихъ словъ, Принцесса Эболи не замедлила предварить о томъ своего мужа, а сей предупредилъ Герцога Альбу. Два Министра, пользуясь неограниченною властію и довѣріемъ Короля, какъ обыкновенно случается, одинъ къ другому питали вражду; но угрозы Инфанта опино-

(*) Mayerne Turquet, Histoire d'Espagne.

силие къ нимъ обоимъ, и общая опасность примирила ихъ и соединила дружбою. Чѣмъ оградить себя отъ мщенія Д. Карлоса, котораго могущество, утверждаясь съ его лѣтами, поселяло въ нихъ справедливый страхъ, и желая въ поже время лишиться его сильной поддержки въ особѣ Королевы, они умыслили вооружить Филиппа противъ супруги и сына; внушили ему подозрѣнїе о близкой связи между Принцемъ и Королевой; присоветовали къ довершенію своихъ видовъ, что вѣроятно Изабелла, по родству съ Наварскимъ домомъ, извѣстила свою родственницу объ опасности, ей предсказавшей, и шѣмъ уничтожила благочестивое предпрїятіе.

Недовѣрчивое ли самолюбіе, или испительная оспороженность управляли Филиппомъ: но онъ, при семъ извѣстїи, не показалъ ни жестокосердія, ни свойственной ему ревности. Съ тѣхъ поръ только обратился онъ строгое вниманіе на поступки своего сына, а Принцессѣ Эболи поручилъ тайный надзоръ за супругой, еще не убеждаясь въ справедливости сдѣланнаго доноса.

(Окончаніе въпредъ). 111

ЗАПИСКИ О ГОЛЛАНДИИ

1815 года.

Письмо I. Гельветъ-Слюйсъ.

Мы въ Голландіи. — Миръ вспрѣшилъ насъ, — и надежды, за коими гнались мы сюда, исчезли, какъ ночные призраки съ восхожденіемъ солнца. Еще въ Копенгагенѣ узнали мы, что Наполеонъ разбилъ при *Ватер-Лоо* и что войска наши подъ спѣнами Парижа. Пылкія чувствованія юности, заставлявшей желать продолженія войны, вспревоженные скорымъ и неожиданнымъ переворотомъ, съ коимъ опрокинулись наши замыслы, не могли быть упѣнены благоразуміемъ, пвердившимъ, что миръ лучше войны; и мы, съ грустію въ сердцѣ, въ борьбѣ съ бурями, въ сопровожденіи четырехнедельной скуки, при-

Часть XV. Кн. I.

3

шли на своихъ фрегатахъ къ туманнымъ берегамъ Голландіи.

Я не стану описывать своего путешествія отъ Копенгагена; да и что о немъ сказать можно, не видѣвъ ничего въ продолженіе мѣсяца, кромѣ неба и воды? — Если скажу, что на Доггеръ-бангѣ, во время двухдневныхъ маловѣтрій, мы ловили вкусную рыбу; что пропивъ Текселя, ошибкою Лоцмана, едва не попали на мѣль: шупъ будетъ все, что случилось съ нами, и что случается на морѣ почти со всѣми плаващелами.

Мы вошли въ рѣку Маасъ упрямъ, и, при помощи Лоцмановъ, часовъ черезъ шесть, были уже въ Гельвер-Слюйсѣ, маленькомъ городкѣ, стоящемъ на одномъ изъ острововъ, образуемыхъ Маасомъ. Здѣсь ожиданіе мое было обмануто вполнѣ; вмѣсто топкихъ болотъ, вмѣсто городовъ, висящихъ на сваяхъ надъ моремъ, какъ я заключалъ изъ неясныхъ описаній Голландіи, — увидѣлъ море, висящее надъ землею, увидѣлъ корабли, плавающие выше домовъ, и, вмѣсто болотъ, воздѣланные поля, тучныя пажити, чм-

стые и красивые городки, прекрасныхъ мушницъ, прекрасныхъ женщинъ.

Насъ встрѣтили довѣренный опъ Правительства, Флотской Лейтенантъ Ванъ-Эссъ, умной, образованной молодой человекъ, какихъ я вообще видалъ во Флотахъ Шведскихъ, Датскихъ и Французскихъ. Всѣ попеченія употреблены были къ спокойствію и удовольствію нашему. Свѣжая пища для людей, долгое время на морѣ бывшихъ, госпиталь на берегу для больныхъ и усердіе самаго Ванъ-Эсса обезпечили команды нашихъ фрегатомъ.

Руской флагъ еще впервые развѣвался на водахъ Мааса; берегъ усѣянъ былъ любопытными. Я съехалъ съ фрегата съ Ванъ-Эссомъ уже подъ вечеръ, и радовался виду сего городка, расположеннаго по сторонамъ канала, ведущаго въ докъ Адмиралтейства. Чрезвычайная чистота, дома маленькіе, но красивые, съ блестящими стеклами, мостовая, на которой не видно ни соринки, довольственный видъ жилищей, которые высыпали смотрѣть на небывалыхъ гостей, удобство объяснялась въ сей сторонѣ (ибо всѣ

почти говорятъ по Французски) — все это, послѣ четырехнедѣльнаго започенія, веселило меня чрезвычайно.

Мы пили чай въ пракширѣ на крыльцѣ; мнѣ не хотѣлось сойти съ онаго и лишиться себя удовольствія смотрѣть на сей прекрасной городокъ. Однако любезный Ванъ-Эссъ припомнилъ, что завтра рано нашъ экипажъ выступитъ сухимъ путемъ въ Роттердамъ, куда фрегатъ, за малою глубиною рѣки, идти не могутъ, и что вечера остается уже немного, дабы осмотрѣть достойное примѣчанія Адмиралтейство.

Въ довольно просторной гавани стоитъ гребной флотъ — отъ 60 до 70 канонирскихъ лодокъ и нѣсколько яхтъ. Докъ, оконченный въ 1804 году, назначенъ для починки фрегатовъ и мѣлкихъ судовъ; вода изъ онаго выбрасывается огненною машиною, строеніе которой, равно какъ и ворота дока, совершенно особенное.

Въ магазинахъ есть все нужное къ вооруженію кораблей, строящихся въ Роттердамъ и проводимыхъ опшуду на каменяхъ. — Рѣка доставляетъ спокойный

рейды, гдѣ дають имъ половину груза и вооруженія и отправляютъ за оспальнымъ въ Амстердамъ: успѣе Мааса не позволяетъ кораблямъ проходить въ полномъ грузѣ.

Въ каналъ, ведущемъ въ гавань и докъ, спущаютъ нѣсколько пакетботовъ, отправляющихся по очереди, каждую среду и воскресенье, въ Англiю, куда, при попутномъ вѣтрѣ, можно приплыти часовъ въ 15 съ небольшимъ. — Каналъ и рѣка покрыты рыбачьими лодками, выѣзжающими ежедневно въ море за промысломъ, составляющимъ торговлю сего маленькаго городка, обитаемаго 1200 жителей.

Рыболовныя учрежденія строго наблюдаются въ Голландiи; особенно сельдиной промыселъ имѣетъ свои законы. Начало ловли, во время хода сельдей, определено съ почносiяио, и со всего берега Голландiи, въ одно время, по условнымъ знакамъ, послѣ многихъ торжественныхъ обрядовъ, промышленники выѣзжаютъ въ море. Изловленное количество сельдей необходимо должно быть посолено въ шопъ же день; оспальныя же, сколь бы много

онихъ ни было, выбрасывающся опять въ воду. Сія нѣжная рыба пребуесть необходимой почности: пробывъ два или три часа на воздухѣ, она ржавѣеть и въ семь положеніи посоленная никогда не бываетъ хороша. — Отъ того Англичанѣ, Шведы и Норвежцы, копорые въ поже самое время оную ловящъ, соля безъ остатку и не разбирая свѣжей съ сонною, никогда не имѣють такихъ сельдей, какъ Голландцы. Припомъ же, послѣдніе, какъ сказывалъ мнѣ одинъ словоохотной промышленникъ за пайну, имѣють обычай вырывать жабры у сельдей, что, хотя замедляетъ работу, но дѣлаеть ихъ гораздо вкуснѣе.

Адмиралтейство и сельди составляютъ всѣ достопамятности сего городка. Но, болѣе всего, я запомню въ немъ Ванъ-Эсса. Ласковый привѣтъ спраннику въ землѣ чуждой примиряеть его съ раздукою. —

Письмо 2. Роттердамп.

Вы знаете, как нечаянно я вырвался изъ круга вашего, друзья мои, и пошелъ въ Голландію. — Фрегаты готовились давно конвоировать транспорты съ провіансомъ для арміи; но нашъ экипажъ вдругъ былъ назначенъ, сверхъ комплекта фрегатской команды, для препровожденія сихъ провіансовъ по Рейну въ главную квартиру союзниковъ и тамъ бытъ употребленнымъ, какъ употреблялись прежде морскіе экипажи при арміяхъ.

По прибытіи въ Голландію, огромной конвой нашъ, состоявшій изъ 70 купеческихъ судовъ, отправился прямо рѣкою въ Роттердамъ; а мы, надѣвъ ранцы и оставивъ домашнія удобства корабельной жизни, были высажены съ экипажемъ на берегъ — и выступили въ походъ къ Роттердаму, куда, по прекрасной дорогѣ, чрезъ многія селенія и городъ Бриль, пришли въ полъ же день, часовъ въ 12 ночью, уславъ, сколько можно устать, ошъ 18 часовой ходьбы.

Тамъ развели насъ по квартирамъ, а

я, попавшись по билету къ хозяину, у котораго, въ минушу нашего вспуленія въ городъ, разрѣшилась жена, и, не желая его обезпокоить, долженъ былъ успалый шацииться на край города въ пракширь, гдѣ, не дождавшись ужина, копорымъ подчивалъ пракширщикъ, и не раздѣваясь, бросился въ постель.

Поутру я пошелъ на зборную площадь — и тамъ, къ неудовольствію общему, узналъ, что мы не поидемъ шеперь въ армію: война кончана взяшемъ Париза, и провіаншы оспаюцца здѣсь. Однакожь намъ сказано ждашь дальнѣйшаго повелѣнія.

И пакъ мы живемъ здѣсь праздно. Не раздѣляя опасностей съ войсками, не будемъ раздѣляшь и славы. — Время шепеть; повелѣніе не приходить; оплагаемая надежда охладѣваетъ — и мы печально бродимъ посреди Голландцевъ, радующихся успѣхамъ союзнаго оружія и собственной свободѣ.

Одни только чудеса земли сей развлекають насъ; мы разсмаприваемъ оныя

— удивляемая силъ духа и терпѣнія чело-
вѣческаго.

Но отъ чего море выше всей Голлан-
дїи; откуда сей валъ, удерживающій оно
отъ низверженія? — Какъ возвысилось мо-
ре, и какъ упала земля споль низко со
всѣми городами и общинами?..

Сего чудеснаго явленія не лзя иначе
объяснить, какъ сказавъ нѣчто изъ ис-
торїи Голландской, цѣсно связанной съ
созданіемъ царства, сотвореннаго не
природою, но руками челоѣческими.

Батшы, народъ Германскаго поколѣ-
нїа, еще за 100 лѣтъ до Р. Х., наскучивъ
властію Гессовъ или Гессеновъ, опложи-
лись отъ нихъ и основали Батавію на
островѣ, образуемомъ рѣками Вааломъ и
Рейномъ. Здѣсь начальники удѣловъ, вы-
бираемые общими голосами, болѣе власт-
вовали совѣтами, нежели силою, надъ симъ
воинственнѣмъ народомъ, готовымъ все-
гда къ собственной защитѣ. Каждое се-
мейство образовало часть войска и под-
чинялось своему старѣйшинѣ.

Цезарь, перешедъ Альпы, побѣдилъ
Гельветовъ, многихъ народовъ Гальскихъ,

Бельговъ, Германцевъ: все покорялось чудесному оружію побѣдителя — и многіе народы, боясь рабства, искали покровительства Цезарева. Батты также предложили свой союзъ, съ тѣмъ однако же условіемъ, чтобъ остались при всѣхъ своихъ правахъ и чтобъ единственная ихъ подать состояла во вспоможеніи Римлянамъ военными силами. — Вскорѣ Цезарь отличилъ Баттовъ отъ прочихъ данниковъ Римскихъ, и когда, отверженный Римомъ, но соупотребуемый славою, воевалъ онъ противу Гипацинцевъ, Ипацианцевъ, простиравъ свои завоеванія въ Азіи, то Батты, оружію коихъ онъ обязанъ былъ большею частію своихъ побѣдъ, получили славное имя *друзей и братьевъ народа Римскаго*.

Вмѣстѣ съ паденіемъ Имперіи, вмѣстѣ съ ослабленіемъ ея нравственныхъ и физическихъ силъ, варвары, подвигнушыя къ Сѣверу страхомъ оружія Римлянъ, воспріяли бодрость свою, наводнили снова Югъ и захватили многія провинціи Римскія. Франки похитили Галлію, и Баттавія досталась въ удѣлъ обширному Го-

сударству, основанному сими завоевателями въ пятомъ вѣкѣ.

Новая Монархія претерпѣла многія перемѣны: безпрестанныя войны внѣ Государства, частыя возмущенія внутри, приобрѣтеніе чужихъ земель, а чаще вторженіе непріятеля въ собственную, слабость многихъ королей, злоупотребленія ихъ любимцевъ, пограніе законовъ и религій распушными прелатами, безначаліе и деспотизмъ потрясали попеременно государство.

Наконецъ, при всѣхъ усиліяхъ Пепина и сына его Карла Великаго утвердись престоль Франкской Монархіи, она раздѣлилась между внуками послѣдняго. Одинъ изъ нихъ, вмѣстѣ съ Германією, наслѣдовалъ Баварію, которую послѣ Норманны, въ набѣгахъ своихъ, назвали Голландією.

Отрасль Карла въ Германіи пресѣлась въ срединѣ IX столѣтія. Германцы свергли чуждое иго и избрали себѣ начальника или Императора изъ среды правителей, властвовавшихъ пятью областями. Не употребляя во зло власти, дан-

ной сими людьми, Императоры ограничились феодализмомъ.

Графы Голландскіе, воспользовавшись симъ переворопомъ и присвоивъ себѣ также власть, подобную власти удѣльныхъ владѣтелей Германіи, посягнули противу свободы своего народа; но твердые Голландцы уничтожили ихъ замыслы. — Они продолжали управляться Графами, дворянами и гражданами и сохранили свою независимость. Въ сіе время, съ прекращеніемъ мужеской линіи, судьба вручила участь Голландіи, съ рукою Жано-бинны Брабантской, Филиппу Бургундскому, по прозванію Доброму.

Мужеское наслѣдіе прервалось и въ семъ домѣ: Марія, единственная дочь и наслѣдница послѣдняго Бургундскаго Герцога Карла Дерзновеннаго, въ 1447 году, принесла Голландію въ приданое Австрійскому Императору Максимилиану.

Въ сіе время, столь славное въ исторіи, Голландія, или Нидерланды, раздѣлялась на 17 провинцій, управляемыхъ каждая своими законами, своими постановленіями, отдѣльными властителями.

Не было единства, нужнаго къ благоденствію республики; народъ, привыкшій къ сему роду правленія, не почиталъ нужнымъ перемѣнять оное; а Максимилианъ, Филиппъ и Карлъ, первые Австрійскіе Государя, убѣждаемые предразсудками, торжественно клялись не вводить никакой новизны въ наслѣдіе Бургундскаго дома.

Однако же Голландцы, управляемые премо властями, а слѣдственно шревожимые и частыми несогласіями, многократно бывали жертвою междоусобныхъ браней и непріятельскаго оружія. Необходимость заставила ихъ наконецъ соединить сіи власти въ одну и учредить верховнаго правителя, подъ именемъ Шпайгалшера.

Но уже приготавлился въ Европѣ важный переворотъ. Возрожденіе наукъ, разпространеніе торговли, изобрѣшеніе книгопечатанія и компаса приблизили эпоху, въ которую разумъ человѣческой долженствововалъ свергнуть иго предразсудковъ, положенное на него временами варварства. Уже переславали вѣрять, безгрѣшности Папъ; открыто жаловались на злоупотребленіе ихъ власти, на

продажу отпущенія грѣховъ, а наиболѣе на приписанія ихъ, преступавшія мѣры.

Обиженный Папами монахъ, буйнымъ краснорѣчіемъ, достойнымъ тѣхъ временъ, воздвигъ сѣверные народы. Изъ Европейскихъ Государей одни приняли сторону Реформации, другіе Рима. Одни, примѣромъ своимъ, увлекли подданныхъ за собою; другіе, всею властію, едва могли удержать своихъ отъ послѣдованія новымъ мнѣніямъ. Строгость мѣръ породила фанатизмъ; а сей истребилъ Саксонцевъ, Албигойцевъ и Гусситовъ. Эшафоты воздвигались и костры пылали повсюду.

Императоръ Карлъ V былъ внукъ Максимилиана и Маріи, отецъ всемірной монархіи и Филиппа II, коему Голландія dospалась въ наслѣдство. Сей превзошелъ своихъ современниковъ въ широкость и гоненія прошиву Реформатовъ. Обширная его монархія спралада отъ изувѣрства; Нидерланды наиболѣе дымилась кровію и пепломъ своихъ гражданъ.

Филиппъ поручилъ управленіе Голландіи Вильгельму Нассау, Принцу Оранско-

му. Будучи шолько Графомъ Голландіи, Филиппъ захотѣлъ бытъ самовласнымъ правителемъ оной: низпровергъ законы, поспановилъ Епископовъ, учредилъ Инквизицію, — и жестокость сей послѣдней, поощряемой Филиппомъ, сдѣлала больше Протестантовъ, нежели все ученіе Лютера и Кальвина. — Начался ропотъ; послали просить Филиппа объ удаленіи Кардинала Гранвеллы, перваго Министра: — онъ отправилъ къ нимъ Герцога Альбу съ войсками, дабы наказать мятежниковъ. Послѣдняя капля терпѣнія Голландцевъ и возмущеніе разлилось повсюду. Нассау первый поднялъ знамя свободы, и, съ оцѣвненною головою, бѣжавъ во Францію и Германію, набравъ тамъ преслѣдуемыхъ Протестантовъ, вступилъ съ войскомъ въ Голландію. Пожертвованіе имуществъ доспавило ему способы къ продолженію войны. Революція началась съ прекраснѣйшихъ провинцій твердой земли: Брабанта, Фландріи и Гейнау; но зависть Графовъ сихъ земель къ Оранскому дому заставила ихъ отложиться отъ союза и

сохранила десять лучших провинцій власти Филиппа. Уменьшенные въ силахъ своихъ, въ числѣ семи бѣднѣйшихъ провинцій (*), но твердые духомъ Голландцы, стоя, шакъ сказать, одной ногою въ водѣ, пѣснимые войсками Филиппа, должны были избирать или пламень костровъ, или море. — Нечего было дѣлать: надлежало искать убѣжища въ послѣднемъ; надобно было побѣдить природу, дабы противостать людямъ — и Голландцы повели съ берега въ море огромныя насыпи, отрѣзали себѣ часть онаго, и, осушивъ отдѣленные сими насыщами пространства, сдѣлались обитателями дна морскаго. — Здѣсь то, согнанные съ лица земли, Голландцы показали свѣту, къ чему способно человѣчество, и до какой степени можешь вознесися духъ людей свободныхъ; — показали, какъ уголокъ земли, почти затопленный моремъ и едва существовавшій рыбнымъ промысломъ, опразивъ Филиппа, побѣдивъ его преемниковъ, наконецъ сдѣлался ихъ покровищемъ.

(*) въ 1579.

Вопль произхожденіе сего подводнаго царства, которое послѣ, будучи руководимо крошкими законами умѣренности, снротоспи нравовъ и терпимоспи вѣрв, спало на ряду сильнѣйшихъ державъ Европы.

~~~~~

Письмо 3. Роттердамъ.

Идучи моремъ вдоль береговъ Голландіи, не видишь ничего, кромѣ непрерывнаго вала, изъ-за коего выспавляюпся часпья мѣльницы и шпилы церковные. — Валь сей просшираепся во всю длину сѣверной часпи Голландіи и держиптъ на себѣ всю шягоспъ моря. Въ шѣхъ мѣспахъ, кои очень низки ошъ повержноспи онаго, есптъ двойные валы, на случай, ежелибъ чрезмѣрная шягоспъ воды прорвала первой оплотъ. Осушенное проспранство перекопано каналами, въ кои скопляепся вода, проникающая плопины и при излишеспвѣ выбрасываемая опяпъ въ море безчисленными мѣльницами. Содержаніе плошинъ, шлюзовъ, находящихса во многихъ мѣспахъ, и мѣльницъ споиптъ ежегодно

около 5,000,000 гульденовъ. Каналы служатъ также для внутренняго сообщенія всей Голландіи и наполнены судами, перевозящими повары, почшовыми бошами и проч.

Рѣки, долженствовавшія бы давно исчезнуть въ морѣ, если бы не было Голландіи, продолжены въ своемъ теченіи искусственными берегами, копорые, провождая рѣку, часто верста на 15 и болѣе, доставляютъ сладкую воду жителямъ сей земли. Въ низкія мѣста рѣчная вода спускается посредствомъ шлюзовъ, и часто случается видѣть два канала, въ близкомъ между собою разстояніи, одинъ съ прѣсною, другой съ соленою водою.

Высокіе валы, удерживающіе иногда 35 фузовъ воды въ вышину и на коихъ спроехся дома, представляютъ страннѣйшій видъ: домъ, спроехій на валѣ и обращенный къ морю, или къ рѣкѣ, имѣетъ съ сей стороны два, или три этажа; съ другой же, спускающійся до самой подошвы вала, часто бываетъ въ пять, или шесть этажей. Ипакъ безпрестанно по чши случается видѣть корабли, плаваю-

щими, по одну сторону дома, прошивъ шрешьяго, или че-пвершаго эшажа, а по другую, прошивъ нижняго.

Роттердамъ примыкаетъ къ площади праваго берега рѣки Мааса и называется по имени *Роты*, маленькой рѣчки, впадающей въ Маасъ выше города; не великъ въ окружности, однако населенъ 54,000 жителей и не имѣетъ никакихъ укрѣпленій. Городъ сей, впрочемъ по Амстердамъ торговлю, считается самымъ красивымъ во всей Голландіи. Улицы довольно широки, хорошо вымощены; каналы, выложенные камнемъ и обсаженные густыми деревьями, пересѣкаютъ городъ во всѣхъ направленіяхъ; одни идутъ изъ Мааса между искусственными берегами, другіе просшираются по низу, тѣ и другіе покрыты судами. Изъ судовъ въ верхнихъ каналахъ выгружаютъ въ нижніе; изъ нижнихъ передаютъ въ верхъ; колоніальные товары замѣняются шеземными; промышленность кипитъ на водѣ и на сушѣ.

Строеніе города все каменное и красивое; дома не большіе, но высокіе; полированной и намазаной киричь, смѣшеніе

старой архитектуры съ новою, мѣстами дикой камень, коимъ выкладываютъ углы и окна домовъ, красивыя лѣспницы составляютъ какое-то пріятное разнообразіе. — Не совсѣмъ прямыя улицы, часто пресѣкаемыя площадями, безпреспанно новыя виды на каналы, для меня гораздо пріятнѣе, нежели улицы въ правильно спроектированныхъ городахъ, упомняющія взоръ своею прямочерпною длиною. — Особенный видъ придають городу деревья.

Деревья сіи опшимають однакоже солнце у жилищей, живущихъ въ вѣчномъ сумракѣ, усугубляемомъ вѣчно опущенными до половины оконъ спорами.

Но эти же деревья очищаютъ воздухъ, зараженный опъ нездоровыхъ испареній низменной земли, опъ споячихъ каналовъ, шурфанаго дыму и множесшва жилищей.

Прекрасное мѣсто! Вы видите вдругъ городъ, висячіе сады и море со всѣми чудесами и со всѣми сокровищами.

Письмо 4. Роттердамъ.

Пора осмопрѣшь городъ. —

Пойдемте опть Брильскихъ ворошь, въ копорья мы вспунили. Видише ли на площади подвижной рынокъ, на копоромъ торгують женщины живностью, рыбою, зеленью? Посмотрише, какъ забавно деруся эши двѣ бабы за нѣсколько копѣекъ, переданныхъ покупщикомъ; обѣ рыбныя порговки, у каждой въ рукахъ по живому угрю, копорыми онѣ другъ друга бичують. Угорь скользокъ; однакоже онѣ умѣють этому помочь, схвативъ его рукою, наперпоку пескомъ... Угри и лица окровавлены — пойдемте далѣ. Повернувъ направо, вы приходише къ каналу, чрезъ копорой надобно переѣхашъ въ паромѣ и заплашишь за по дойшу. Есть ли у васъ сія монета? — Вы еще не знаете Голландскихъ денегъ? Ихъ полько пять разборовъ: червонецъ, шалеръ, гульденъ, шпиверъ и дойца. Въ червонцѣ два шалера; въ шалерѣ два съ половиною гульдена; въ гульденѣ двадцать шпиверовъ; въ шпиверѣ шестнадцать дойщъ: слѣдственно сія дойца сосшавишь почти шри полушки нашихъ.

Эта набережная называется Испанскою. Видите ли, здѣсь подъ крышею, складываемый провіантъ съ нашихъ транспортовъ? — Здѣсь самая лучшая часть города. Маась величественно капишь волны свои въ море; корабли окружають берегъ лѣсомъ мачтъ своихъ и спорящъ пѣнью съ густыми пополями, по краю широкой набережной стоящими; бриліаншовыя окна въ красивыхъ домахъ, съ выспавленными зеркалами (*), повшоряють въ тысячѣ видовъ жизнь и дѣятельность сей набережной, волнуемой бездною народа.

Вопъ пракирь съ прекрасными банями. Вопъ Жидовская Синагога; вопъ шесъ пушекъ, стоящихъ здѣсь на углу, но не для убійствъ — для возвѣщенія городу достопамятныхъ дней.

На сію набережную вступили Французы въ 1794 году, Декабря 19, н. с., перешедъ чрезъ Маась, покрывшійся льдомъ; съ сего мѣсяца распроспранили они владычество свое, продолжавшееся почти 20 лѣтъ.

(*) Въ чужихъ краяхъ за окна выспавляютъ зеркала, дабы въ комнатахъ видѣшь произходящее на улицѣ.

Голландцы съ ужасомъ воспоминають оное, и благословляють Россійское оружіе, избавившее всю Европу отъ деспотизма Наполеонова.

Переправимсьеь опятьъ чрезъ каналъ— и вы увидите Гойдскія вороша, откуда отправляющся дилижансы въ Парижъ чрезъ Гойду и Ушрехль. — Въ 36 часовъ спокойной ѣзды вы можете быть въ Парижѣ. — Выглянемъ за вороша и посмотримъ на сей рядъ фабрикъ, окружающихъ городъ за каналомъ. Вотъ сахарная фабрика моего пріятели Бейера-Топа; вотъ бѣльничная; вотъ игольная и булавоочная. Посмотрите вдоль дороги: вотъ, на правой сторонѣ, стеклянныя заводы; вотъ кожевня и фабрика крепкой водки: сильный запахъ чувствительнъ даже здѣсь — пойдемте назадъ.

Здѣсь по набережной спойте *Groot Schippers Huis*, пракширь, въ коемъ я жилъ сначала, и коего пракширщикъ съ самою безобразною фигурою, какую только можете создать природа, имѣеть самый ослѣпый умъ. Его присловица, споль пріличная пракширщику: *c'est clair comme du*

chocolat à l'eau, заставляла меня много смѣяться сначала. — Поклонись въ этомъ домѣ сичь двумъ дѣвицамъ, дочерямъ здѣшняго Нопариуса, первымъ въ городѣ красавицамъ, — а потомъ поворошимъ на право въ Адмиралтейство. — Въ ономъ вы увидите три, заложенныхъ къ постройкѣ, фрегата, нѣсколько спарыхъ галеръ, канонирекихъ лодокъ и шлюбокъ; — кораблей нѣтъ; камели споятъ въ Маасѣ. — Посмотрише, какъ нашли Голландцы тайну сохраняющъ долговременно свои зданія и доки; увидите ли, что они подновляютъ пазы между кирпичами, вымазанные алебастромъ. — Какъ скоро пазъ начнетъ крошиться, пощчасъ вычищаютъ спарую мазку и кладутъ новую.

Теперь мы пройдемъ Жидовскою слободою, которая не запирается здѣсь по вечерамъ, такъ какъ въ другихъ старинныхъ Голландскихъ и Нѣмецкихъ городахъ; улица числа не пожидовски и одна изъ лучшихъ въ городѣ; направо Дельфшскія ворота — и ежели вы хотите спокійно и дешево доѣхать до Амстердама, то садитесь въ любой изъ сихъ пакешбошовъ, оцѣ

правляющихся каждые при часа съ почтою и путешественниками. На оныхъ есть мѣста разной цѣны: ежели хопите бысть въ добромъ сообществѣ; то нѣскольکو лишнихъ копѣекъ доставляютъ вамъ оное, и вы въ 18 часовъ въ Амстердамъ. — Здѣсь вы видите огромное зданіе ученаго общества; подлѣ домъ призрѣнія. — Пробремпесь шеперь мимо газетнаго клуба на площадь предъ биржею.

Какое движеніе кругомъ, въ каналахъ и на улицахъ! — Подъемные мосты безпрестанно пропускаютъ корабли; деревянной башмакъ, привязанной къ веревкѣ на палкѣ, безпрестанно наполняется въ рукахъ мостовщика дойпами, плашными за пропускъ. — Подъемныя лошади пянутся одна за другою непрерывно и спускатъ по мостовой огромными подковами. Дѣятельная промышленность изобрѣшаетъ всѣ средства замѣнять недостатокъ силы искусствомъ: вы видите одного человѣка, удобно вскапывающаго тяжелую бочку на дровни посредствомъ двухъ оплотившихъ клиньевъ, къ онымъ приставляемыхъ. Высокая лошадь для увеличенія силы подкo

вываеяся высокими шреножниками, и шащипь дровни по каменьямъ. Вы удивляеяся и думаете, что это шяжело; но загляните впередь дровней, и увидите въ заголовкѣ оныхъ боченокъ съ водою, провернушый пропиву полозьевь двумя дырочками, изъ коихъ безпрестанно изливаетя вода на мостовую, и опть сего дровни весьма легко вдушь по скользкой спруѣ. — Телѣга съ овощами, носилки съ зеленью, — колясочки, запряженныя козами и собаками, мелькають предъ глазами, не перемѣжаясь. Биржевые крикуны, съ колоколомъ въ рукахъ, съ печашными листьями на груди и за спиною, возвѣщаютъ шаксу новымъ шоварамъ; шолпы народа слѣдуютъ за ними и увлекають насъ до биржи. — Туда привезли паршю новаго чаю: — купцы собираются оцѣнить оный; — посмотримъ, какъ будутъ пробовать?

Вдругъ распанавливетя множество маленькихъ фаянсовыхъ чайничковъ, подобныхъ дѣлскимъ игрушкамъ; развѣшивающя на аптекарскихъ вѣсахъ золотники чаю и кладутся въ сии игрушки; мѣра горячей воды наливаетя; часы у всѣхъ

вынушы, — счищаютъ секунды, и, по испеченіи срочнаго времени, всѣ купцы, непременно съ шощими желудками и свѣжимъ вкусомъ, пробуютъ на языкѣ Кишайскую жидкость, — бракуютъ — опкладаваютъ — и назначаютъ цѣну.

Вы подумаете, можете быть, что чай, копорой они пробуютъ — ханской, цвѣшочной, разныхъ соршовъ? — Нѣтъ: вся эпатмѣлочная внимательность для одного только проспаго чаю. Руской купецъ возьметъ на ладонь, разжуетъ нѣсколько листковъ — и опредѣлитъ вамъ цѣну и доброшу чаю; но Голландецъ, копорый моремъ получаетъ только самый обыкновенный чай, непременно долженъ шакъ поступать, дабы въ самомалѣйшей разницѣ доброшы опредѣлитъ ему цѣну.

Здѣсь на биржѣ Голландецъ — въ Государшвенномъ совѣтѣ: ничего не лѣзя сдѣлать слегка, сказать не обдумавъ, приняться за шоварь безъ общаго мнѣнія; — проба чаю служить вамъ образчикомъ дѣла на биржѣ.

Посмотрите, какимъ прекраснымъ портикомъ мраморныхъ колоннъ окруженъ

сей пространный дворъ. Широкой помостъ и обширные переходы сполупъ отъ множества людей; эхо сводовъ сливается въ одинъ невнятный шумъ голоса аукціонистовъ, оцѣнщиковъ и крикуновъ. — Не занимаетъ ли васъ сія картина оживающей торговли Голландской?

Но, годъ пому назадъ, биржа сія не наполнялась такимъ множествомъ народа; одни только подозрительные служители Наполеоновой шаможни расхаживали по поршикамъ и косо смотрѣли на купечество, лишенное почти всѣхъ своихъ выгодъ. Не гордые республиканцы, — но данники Буонапарте съ прелепомъ внимали шаксъ поваровъ и воспоминали съ горестію прѣшедшее время величія республики.

Но благотворное дѣйствіе мира и возвращенной свободы не замедлило, въ продолженіе одного года, оказатъ своего вліянія. — Уже дѣятельность пробудилась; — уже каналы полны кораблей, и довѣренность прочихъ народовъ къ характеру Голландцевъ довершила оспальное.

Теперь пропѣсимся до этой великолѣпной лѣспницы и пройдемъ на верхъ сего прекраснаго зданія: — ламъ кунспкамера. — Въ ней нѣтъ уже ничего любопытнаго; муміи, рѣдкія окаменѣлости, восковые кабинеты, коими славилась Голландія, украшаютъ теперь Парижскіе музеумы. — Всѣ сіи элекприческія машины, банки съ уродами, камеръ-обсктуры не заслуживаютъ большаго вниманія. — Посмотрите только на сіи семдесятъ разборовъ писчей бумаги изъ всѣхъ веществъ, на коей нѣкогда писали и пишутъ теперь — и выйдемъ изъ сего жилища уродовъ подышать свѣжимъ воздухомъ.

Назъво площадь Эразмова, такъ называемая по бронзовой спашуѣ извѣстнаго ученаго Эразма. Подойдемъ къ оной ближе: несчастный Эразмъ, опягощенный шолстою книгою, закушанный въ священническую пѣхъ, времянь одежду, къ безславію художника, похожъ болѣе на соляной сполбъ, нежели на монументъ славы Эразмовой. — Разскажутъ ли вамъ что нибудь объ Эразмѣ?

Онъ родился здѣсь въ Ропшердамъ въ 1467 году; девяти лѣтъ онъ уже удивлялъ всѣхъ соотечественниковъ своихъ; 14 лѣтъ писалъ самымъ лучшимъ языкомъ Латинскимъ; 17 былъ принятъ въ духовное званіе — и столько прославился своею ученостію и оспроною во всей Европѣ, что, вызванный въ Англию; въ короткое время заслужилъ значный пожизненный пансіонъ. Послѣ сего онъ путешествовалъ по всей Европѣ и, возвращаясь опять въ Англию, былъ принятъ съ великою честью отъ Короля Генриха VIII. Пришедъ однажды къ знаменитому Канцлеру Томасу Морусу и не давая о себѣ знать, столько обворожилъ Томаса своею любезностію и умомъ, что сей, поговоривъ съ нимъ часа полтора, вскричалъ въ восторгѣ: „ты или Эразмъ, или самъ дьяволъ!“ Изъ его твореній извѣстнѣйшія суть: Похвала дурачества и Сапирическія сочиненія. Онъ умеръ въ 1536.

Хопите ли войши въ сію кирку? — Еще обѣдня не кончилась. Посмотрите на добрыхъ пропесчанцовъ, сидящихъ въ шляпахъ: они снимаютъ оныя тогда, какъ

пасторъ чищаетъ *Отче нашъ* и благословляетъ ихъ. — Высокія и узкія окна, мѣлкія стекла, индѣ граненныя, индѣ разцвѣченныя разными красками, разливаютьъ какой-то благоговѣйной свѣтъ по сей мрачной церкви. Нехотя берешься за шляпу при входѣ; но Голландцы привыкли къ симъ впечатлѣніямъ и, слѣдуя своему обряду, не скидаютъ шляпъ своихъ. — Въ прошедшую субботу былъ я въ Жидовской Синагогѣ: тамъ мнѣ не позволили снять шляпы, и послѣ попросили выпить вонъ, когда надобно было имъ читать Священные Скрижали Моисеевы.

Здѣсь есть церкви всѣхъ вѣръ. Голландія покровительствуетъ терпимости; но господствующія исповѣданія суть: Католическое и Протестантское.

Вы уснули? — Вошь славный шпакширъ Тюреня: — войдемте отдохнувши — мы обошли весь городъ.

Письмо 5. Роттердамп.

Здѣсь, какъ и вездѣ въ чужихъ краяхъ, ежели войска споятъ въ городѣ, каждому офицеру и солдату чрезъ три дни перемѣняютъ билеть на кварширу, чтобы необременить жителей.

Желая видѣть домашнюю жизнь Голландцевъ, я рѣшился терпѣть лучше безпокойство, переходя съ кварширы на крарширу, нежели жить въ пракширѣ. Однако, вмѣсто трехъ дней, у перваго хозяина моего я прожилъ три недѣли, у втораго мѣсяць, а у третьяго полшора.

(*Продолженіе впереди*).

ОПЫТЪ РАЗБОРА РУСКИХЪ
СИНОНИМЪ (1).

Ждать. Ожидать. Дождаться. Выжидать (2).

Общее значеніе сихъ глаголовъ есть — съпріятнымъ, или непріятнымъ, чувствомъ желать, или спрашиваясь приближенія чего либо. Но *ждать* говорится тогда, ко-

-
- (1) Изъ вновь составляемаго Словаря синонимъ, или подобозначущихъ словъ Рускаго языка.
(2) Нѣкоторые изъ нашихъ литераторовъ думаютъ, будио словъ, происходящихъ ось одного корня, не можно назвать синонимами. Мнѣ кажется, что сіе несправедливо: ибо, по моему мнѣнію, *всѣ тѣ слова, кои, хотя въ нѣкоторыхъ не многихъ слѣтахъ могутъ быть употребленой одно вмѣсто другаго безъ значительной разности, суть синонимы; а сіе не таже*

гда сіе приближеніе намъ по чему нибудь извѣстно; *ожидать*, когда мы его только предполагаемъ. *Дождаться* значитъ: дѣйствіе *ожиданія* продолжитъ до самаго совершенія онаго, или до истеченія времени, къ тому назначеннаго. *Выждать* есть еще далье продолженное *ожиданіе*, сопряженное со всевозможнымъ изысканіемъ случаевъ къ достиженію желаемаго успѣха (3).

Прибѣры: Я ждалъ тебя, по твоему обѣщанію; я *ожидалъ*, не зайдешь ли ты; я *дождался* тебя до самаго вечера; я *выждалъ* случая поговорить съ тобою.

ли случается съ словами, отъ одного корня происшедшими, неже ли съ словами, совершенно разнородными? К.

- (3) Если еще два глагола: *пожидаете* и *пережидаете*; но значенія ихъ шакъ опредѣленны, что нѣтъ, кажется, нужды стараться оплечить ихъ отъ другихъ подобозначущихъ имъ словъ. *Первое* есть: *дождаться* того, что должно совершиться въ самомъ скоромъ времени; а *второе*: *ожидать* прощеченія какаго нибудь срока, или окончанія одного дѣянія, чшобъ начать другое. К.

Ждать чегонибудь значить быть увѣрену въ полученіи или доспуженіи онаго; *ожидать* — надѣяться. *Дождать* или *дождаться* есть, какъ изъ самаго словопроизводствѣ видно, *ждать до* чегонибудь; *выждать* — выискивать всѣ средства, употребляя всѣ силы, чѣмъ *дождаться* желаемаго. — Я жду награды — есть почти то же, что требую ее, или увѣренъ, что она мнѣ принадлежишь и дана будетъ. Я *ожидаю* награды — надѣюсь получить ее. *Дождаться* награды значить: награды *ждать до* тѣхъ поръ, пока получишь ее. *Выждать* награды нельзя, но можно *выждать* времени, случая, обстоятельствомъ, чѣмъ выпросишь или вышребовать оную.

Я *жду* М. въ два часа — значить, что онъ въ это время бышь обѣщаль и непременно приши долженъ; я *ожидаю* его въ два часа — значить, что это только мое предположеніе, и что онъ можетъ приши раньше или позже. Я *дожидаясь* его до двухъ часовъ, значить, что позже этого времени онъ или не будетъ, или я *жду* его не сдану. *Выждать*, завися

*

опъ случая, не можешъ бышь опносно къ опредѣленному времени.

Ждать можно всего. Но когда дѣло идешь о чемъ нибудь оплично, внезапно, чрезвычайномъ, непріятномъ, упошрѣбляется чаще слово *ожидать*. *Дожидаются* обыкновенно съ какимъ нибудь намѣреніемъ; *выжидаютъ*, по большей части, съ какимъ нибудь умысломъ.

Глаголы: *ждать* и *ожидать* не имѣютъ совершеннаго однокрашнаго времени; прочіе ихъ, синонимы имѣютъ; ибо первые не предполагаютъ успѣха, совершенія дѣянія; у послѣднихъ естъ эшо необходимое условіе.

Основываясь на сказанномъ здѣсь, легко можно усмотрѣшь, почему, при какомъ нибудь внезапномъ, чрезвычайномъ происшествіи не лзя сказать: *кто бы этаго ждалъ?* но должно говорить: *кто бы этаго ожидалъ?* ибо въ первомъ случаѣ предполагалось бы, что сего внезапнаго нѣкоторымъ образомъ ожидали.

Не трудно также на изложенныхъ мною правилахъ показашъ и различіе между фразами: *неожиданный гость* и не-

жданый гость. Первый естъ попъ, кшо пришелъ нечаянно, кого *не ожидами* видѣшь; но видяшь охотно, встрѣчаюшь съ радостію. Напрощивъ того, не дай Богъ бышь *нежданымъ* гостемъ. Кого не ждали, того не хопѣли ждашь, не желали видѣшь, попъ приходишь не впору, попъ, какъ говоришь старинная Русская 4) по-словица — хуже Тапарина.

Еще нѣсколько примѣровъ въ подкрѣпленіе моего мнѣнія.

А. Ты обѣщаль вчера зайпи ко мнѣ и я ждалъ тебя цѣлый вечеръ. *Б.* Прости меня! Я не *ожидалъ*, чшобъ ты, зная мою вѣтренность, спалъ *дождаться* меня. *В.* Прекрасное извиненіе! Хорошожь: я самъ *сыжду* случай опплатить тебѣ шюю же монешюю.

Уже цѣлую недѣлю (писаль ко мнѣ однажды *Ф.*) *жду* тебя, по письму швоему, любезный другъ: ко все напрасно. Между шѣмъ ужасное происшествіе, котораго я никакъ не могъ *ожидать*, довело меня почти до отчаянія. *Дождусь* ли я швоего пріѣзда, чшобъ *излить* предъ шо-

(4) И вѣроятно историческая. К.

бою всѣ горести моего глубоко пораженного сердца? Ахъ, спѣши ко мнѣ, мой другъ! Не пережидай срока своего опшпуска, не поджидай П*, не выжидай другаго какаго либо случая къ опшправленію; но, взявъ почшовыхъ, скачи сюда, чшобъ успѣшишь своего сиропшвующаго друга.

* * *

Вопш мое мнѣніе о различіи сихъ синонимъ. Предспавляя его на благоразспшрѣніе почшеннаго сословія Лшперашоровъ, я съ несперпѣніемъ буду ждатель, какое угодно будетъ ему сдѣлать о томъ заключеніе, и за честь себя посспавлю руководспвоваться его просвѣщеніемъ, опышностію и знаніемъ лзыка опечешвеннаго. Еслиже, чего я, зная слабосшь моихъ дарованій, вовсе не ожидаю, небольшой трудъ мой удоспоишся его, спшоль лестнаго для меня, одобренія; по дождателься сего будетъ верхомъ моихъ желаній — и я упошреблю всѣ силы, буду выжидать всякій удобный случай, чшобъ доказать Общешству на опышѣ, сколь дорого я цѣню его вниманіе и совѣшы.

К.

ОПЫТЪ НОВЫХЪ РАЗГОВОРОВЪ НА РУСКОМЪ И ФРАНЦУЗСКОМЪ ЯЗЫКАХЪ.

Третьяго дня поутру зашелъ я къ моему сосѣду — поному самому Г-ну Б..., съ которымъ познакомилъ уже моихъ чинашелей въ спашь о Любиспеляхъ словесности (*). Я заспалъ его за письменнымъ споломъ, съ перомъ въ рукахъ, въ глубокомъ размышленіи. „Чѣмъ вы занимаешесь?“ спросилъ я. — А вошь посмотри! — отвѣчалъ Г-нь Б..., показывая на книги, разбросанныя по всему сполу. Я взялъ одну — *Разговоры для дѣтей*; другую: *Россійская азбука*; ипрешью — опять разговоры, чешверную — рѣдиль азбука.

(*) Напечатанной 1820 года въ трудахъ С: П: б: Общества Любиспелей Рос. словесности.

„Что это значитъ?“ сказала я съ улыбкою — „не заводите ли вы школы?“

А почему бы и не такъ? Вѣдь это нынѣ въ модѣ. —

„По этому я опгадалъ?“ —

Нынѣ, не опгадали. —

„Для чего же эти книги?“

Мнѣ нужно было имѣть нѣкопорыя свѣденія о предметѣ, которыми занимаюсь. Я пишу разговоры на Рускомъ и Французскомъ языкахъ. “

„Разговоры?“

Да! и Рускую азбуку. —

„Вы шушите!“

Ни мало. Мнѣ уже давно хотѣлось испытать, нельзя ли сухіе школьные разговоры сдѣлать хотя нѣсколько занимательными. —

„А что хотите вы перемѣнить въ азбукѣ?“

Говорите пише! . . . Я хочу . . . но нынѣ, я не смѣю вамъ повѣрить этой тайны. — Почему знашь, вы не оспережитесь — о-п-к-р-о-е-н-н-е е-е-д-р-у-г-и-мъ, и тогда — чего добраго — прежде, нежели моя книга выйдешъ въ свѣтъ, какой нибудь лю-

битель ижицы убьешъ меня изъ—за угла камнемъ.

„Покрайней мѣрѣ, разговоры ваши не шайна?“ —

Вошь это другое дѣло — и, если хо-
лите, я прочту вамъ первые пять раз-
говоровъ, разумѣйся безъ Французскаго
перевода. —

„Вы меня очень одолжите.“

Гнъ Б... взялъ со стола шепрадь и
началъ чашать слѣдующее.:

РАЗГОВОРЪ I.

О долѣ, домашнихъ уборахъ и доходахъ.

~~~~~

„Какая у васъ прекрасная квартира?“

Да, это правда. Я плачу за нее очень
дешево: чепыре тысячи.

„Это не дорого! Во всѣхъ комнапахъ
паркетны; въ окнахъ цѣлыя спеклы. — А
мебель у васъ хозяйская?“

Нѣтъ, моя!

„Чего сполашъ эти споловые часы?“

Полторы тысячи.

„А эта горка съ фарфоромъ?

Около шрехъ.

„А эта бронзовая люстра и канде-
лабры?

Безъ малаго пяшь.

„Позвольте спросить, въ кошорой Гу-
бернии ваши деревни?

У меня нѣтъ деревень.

„Такъ, по этому, вы живете процен-
тами съ капиталла?

У меня нѣтъ и капиталла.

„Понимаю: у васъ фабрика?

Извѣстите! Миѣ некогда эшимъ зани-
машься.

„Некогда? Такъ вы служише? — Гдѣ,
если смѣю спросить?

Въ

„А много ли получаете жалованья?

. рублей.

РАЗГОВОРЪ 2.

Требованіе совѣта.

~~~~~

Здравствуйте, мой почтеннѣйшій! — Я просила васъ къ себѣ за важнымъ дѣломъ. — Мнѣ должно съ вами посовѣшовавша.

„Очень радъ, сударыня, что могу вамъ быть на что нибудь полезнымъ; но я желалъ бы очень, чтобы мой совѣтъ былъ совершенно согласенъ съ собственнымъ вашимъ мнѣніемъ.

И, сударь! Да можете ли у меня быть собственное мнѣніе, когда я хочу съ вами совѣшовавша; я во всемъ на васъ полагаюсь. — Вопшъ въ чемъ соспомшъ дѣло: — я намѣрена выдать дочь свою замужъ.

„Какъ сударыня? Да ей всего принадлецашъ лѣтъ!

Такъ чтожь?

„Она еще ребенокъ.

Послушайте, мой почтеннѣйшій! — Объ эпомъ говорите нечего — я рѣшилась и она будетъ замужемъ.

„Подумайте!

Да нечего думашь, сударь — я ужь вамъ сказала, что эшо рѣшено.

„О, если такъ; по, въ самомъ дѣлѣ, выдайте ее за мужъ!

И такъ вы мнѣ совѣщуете?

„Да, да! я вамъ совѣщую — выдавайте, и какъ можно скорѣе!

Теперь еще бѣда: у нея шри жениха; — пожалуйста, бапюшка, не опкажите мнѣ въ совѣщѣ: не знаю, копорого выберашь. — Первой, Полковникъ Разрубаевъ.

„Ну, чтожъ? Малой очень хорошій.

И, сударь! На что онъ годится — полько и умѣешь курить шрубку, да спучашь шпорами. — Вшорой, нашъ Дворянскій Предводишель.

„Прекрасной молодой человекъ, съ добрымъ сердцемъ.

Да что въ немъ добраго? — Наспоющій, мопъ! — Того и гляди: раздасптъ все имѣнїе нищимъ. — Третій, Совѣшникъ Гражданской Палашы, Кушейкинъ.

„Кушейкинъ? Да ему за пятьдесятъ лѣтъ.

Тѣмъ лучше, сударь, шѣмъ лучше! —
Такаго шо мужа моей дочери и надобно.

„Никшо его не любить.

Не правда, сударь! — Я его люблю.

„Но его поведеніе . . .

„Какъ бы шо ни было — онъ мнѣ
нравится, и я говорю рѣшительно: дочь
моя ни за кѣмъ другимъ не будетъ.

Теперь, мой почтеннѣйшій, скажите
откровенно, что вы мнѣ совѣдуете?

„Я, сударыня? — Я совѣтую вамъ вы-
дать дочь вашу за Кушейкина.

Въ самомъ дѣлѣ?

„И безъ малѣйшаго оплагательства.

Ну вошь, такъ и есть — я знала
напередъ — вы мнѣ дурнаго не посовѣту-
ете — я всегда была увѣрена, что вы че-
ловѣкъ умной, почтенной. . . .

„Прощайте, сударыня!

Прощайте, мой бабюшка! — Покор-
нѣйше васъ благодарю! — Прошу и впредь
не оставлять меня вашими совѣтами.

РАЗГОВОРЪ 3.

Разныя напѣвы.

~~~~~

Какое ясное небо, какой чистый ароматической воздухъ! Неправда ли, мой другъ?

„Да, погода порядочная.

Мнѣ такъ весело — такъ пріятно! — Почеспи, я непонимаю, какъ естъ люди, копорые скучають жизнью? — Скучають жизнью — тогда, когда опъ насъ зависить безпрестанно веселишься — встрѣчаешь на каждомъ шагу новыя удовольствія! — Признаю, мой другъ: я всегда буду любить свѣтъ — и, мнѣ кажется, напрасно описывають его такими черными красками. — Еслибъ я не читалъ Романовъ, по не зналъ бы даже, что естъ на свѣтѣ злые люди: всѣ мои знакомые, пріятели, друзья — а уменя ихъ очень много — добры, опкровенны, любезны — и я, во всю жизнь, ни разу не имѣлъ причины сомнѣваться въ ихъ искренней ко мнѣ привязанности.

„Во всю твою жизнь? — А, кшати, мой другъ — кшпорой тебѣ годъ? —

„Осѣмнадцатой, мой милой!

Ахъ, башюшка! Какой холодъ — какой произищельной вѣсперь: ну ужъ погода! — Чась ошь часу все хуже — не полько люди — да и климакъ шо перемѣнился. — Бывало я, въ окпябрь мѣсяць, хожу въ одномъ фракѣ — а шеперь въ пешровки зябну; бывало яснымъ-шо днямъ щопу нѣшь — а нынѣ поглядишь — всегда небо въ шуманѣ. Нѣшь, все идетъ подъ гору! — Всѣ спали какъ шо печальны: никшо не веселился — и даже громко говоришь боялся; все шепчуть — рѣдкое слово услышишь. — Да что и говоришь: все перемѣнилось — гостепримества нѣшь, друзей не бывало, и всякой о себѣ полько думаешь; — нечего сказать, такаго груснаго времени никогда еще не бывало.

А, позволите спросить, много ли вамъ лѣшь ошь роду?

„Да безъ году девяншо, башюшка!

РАЗГОВОРЪ 4.

Хозяйка и гости.

„Какъ я вамъ благодарна — мои почтенные гости, что вы вздумали меня сего дня посѣтить! — Куда же вы, милая Вельская — не уже ли ъдете?

Извините: я боюсь опоздать къ обѣднѣ.

„Позвольте же обнять себя! — Ванюшка, проводи мой другъ! — Ошправилась — счастливой пушью! — Не правда ли, Господа, что въ цѣломъ мѣрѣ нѣтъ швари несноснѣй эпои сварой богомолки? — Дома всѣ ея зянїя сѣспоятъ шолько въ одномъ: до обѣда молишься Богу — а послѣ обѣда бишь своихъ дѣвокъ. — Никшо ее шерпѣнь не можетъ, даже нищїе, кошорыхъ она, за каждую копѣйку, принуждаетъ класъ по стпу земныхъ поклбонвъ за свое здоровье. — Какъ, Ленской, и вы хошите насъ осшавить?

Мнѣ, право, некогда: надобно завхашъ въ Губернское Правленіе.

„Да погодите.... Ушелъ ... лѣтъ лучше! Одинъ видъ эпаго челоѡвка наводитъ на меня поску — наспоащій ябедникъ!... О, я увѣрена — онъ охотно вышерпиптъ побои для того только, чтобъ завесить процессъ и имѣть удовольствіе паскаться по всѣмъ присущивеннымъ мѣстамъ!

„Какъ вамъ не спѣдно, Любской! Куда вы шоропишесь?

Я сего дни не былъ у шепушки — она не очень здорова.

„О если шакъ, то я не смѣю васъ удерживать — прощайте, Г. Любскій! — Вашъ испинно хорошій родспвенникъ! Какъ онъ любитъ и уважаетъ свою шепку! — Правда, говорятъ, что двѣ тысячи душъ, копорья шепушка намѣрена оставить ему послѣ смерти, поддерживаютъ эту родспвенную любовь; но я этому не вѣрю — шакже какъ и шому, будшо бы онъ прошлаго года, во время ея болѣзни, служилъ благодарственной молебень, когда ему сказали, что она не проживетъ двухъ дней. — И вы бѣжите, Г. Эрасповъ? — Куда эшо?

Въ Университетъ — слушать лекцію, сударыня!

„Да не поропитесь — успеете... Посмотрите, Ванюшка — ушел ли онъ? — Ушелъ! — Слава Богу! Теперь я дышу свободно. — Какъ я рада, Г. Мирославской, что оспалась съ вами одна — ну, скажите, у кого доспасть первня просидѣть съ этимъ человѣкомъ нѣсколько минутъ сряду? — Признаюсь, обыкновенной глупецъ въ тысячу разъ для меня сноснѣе ученаго дурака — и пть по крайней мѣрѣ молчать — а эптогъ Эрасповъ — эптогъ подвижной шкафъ съ книгами хочеть блиснать своимъ умомъ: — говоритъ сенпенціями — душиеть всѣхъ Лапинскимъ языкомъ, — и всякой разъ, лишь только эта воплощенная скука появилась ко мнѣ — у меня въ шуже минуточку начнешся зѣвота. — Чпо вы, Мирославской — куда спѣшите? — Побудите со мною!

Пора домой — да и вамъ надобно дать проспору, сударыня: — вѣдь очередь шо шеперь за мною.

„Чпо вы хотите сказать?

Такъ, ничего, сударыня — ничего!...
Слуга покорной!

„Что это значишь? Негодной насмѣшникъ! Помилуйте, Иванъ Ивановичъ! — Сколько разъ я говорила, чтобъ всегда опаздываешь этому проклятому человѣку?

Мирославскому? Что ты, мой другъ? — Онъ такъ любезень, уменъ....

„Не спорю...

Опмѣнно чеспень.

„Быть можешь. —

Богапъ, хорошей фамилии.

„Все такъ — да у него, сударь, злой языкъ — а я шерпѣшь не могу злословія.

РАЗГОВОРЪ 5.

Посѣщеніе больного.

„Ахъ, бапюшка, милости просимъ! Извините, что заспали меня за обѣдомъ — я человѣкъ больной, такъ ѣмъ тогда, когда аплешить придется. — Да не угодно ли вамъ чего нибудь?

Покорнѣйше благодарю: для меня еще рано. — Ну, скажите, каково ваше здорвье?

„О, охъ, отецъ мой, плохо — спранныя болѣзнь — полствю, да и полько — Богъ знаеть, опъ чего — часъ опъ часу спановлюсь шяжелъ! — Кажеться, я ли не морю себя голодомъ — подайпе-ка еще подовыхъ пирожковъ! — А все нѣтъ прибѣли; одышка спрашная, желудокъ не варить — подвиньпе-ка сюда боженину! — Не знаю, что дѣлать, — одной полько умѣренностію себя и поддерживаю — ну, что спали: подавайпе осеприну! — Никогда до сыпа не наѣдаюсь, и опъ того ѣмъ раза четьре въ день — шакъ — по кусочку — Ванька, принеси-ка съ кухни еще блинковъ пяшь — да смопри съ припекою! — Не давно еще новое опкрылось: Докпоръ говоритъ, что у меня подагра — ну, опъ чего бы, кажеться? Ужъ подлинно на кого поидеть несчастіе — ну, что ротъ разинуль — наливай — въ спаканъ, дуракъ! — Эшо, башюшка, мадера, для желудка пью — налейка другой — какъ лѣкарство, сударь, какъ лѣкарство; иногда шакже выпью бушылочку Шампанскаго: говорять, оно жидить кровь — а впрочемъ совсѣмъ опъ вина ошшаль.

Въ самомъ дѣлѣ чудно, что вы, при
 такомъ образѣ жизни, спрадаете полспо-
 шю, одышкою и подагрою.

„Вотъ пошло и есть, что чудно — а
 говорятъ, что здоровье опъ насъ зависить
 — пуськи, сударь, пуськи: въ здоровьи
 не мы, а Богъ волень. — Бушыаку порперу!

Прощайте, сударь! Я не хочу васъ до-
 лѣ беспокоить.

„Помилуйте, что за беспокойство? —
 Извините: не вспаю, бапюшка — ноги
 не держупъ. — До свиданія, опецъ мой,
 до свиданія!

Тушь Г. Б... переспаль чипать: —
 я началъ было просить, чпобъ онъ пока-
 залъ мнѣ свою азбуку, но упрямой мой со-
 сѣдъ не хотѣлъ никакъ согласиться. „ Если
 вы шакъ любопытны, сказалъ онъ, проща-
 ясь со мною, то прѣзжайте ко мнѣ на
 будущей недѣлѣ въ субботу: у меня будетъ
 поржеспвенное собраніе преобразователей

Руской азбуки — вы увидите и услышите
шутъ много любопытнаго и смѣшнаго. —
Я общался у него бышь, и безъ сомнѣнiя
сдержу свое слово.

М. Загоскинъ.

СТИХОТВОРЕНІЯ.

~~~~~

НЕДОВѢРЧИВОСТЬ.

Э л е г і я .

~~~~~

Не спрашивай, за чѣмъ я шакъ унылъ!
Ты знашь должна вину моей печали;
Мой взоръ тебѣ давно ее открылъ,
Когда объ ней уша мой молчали.
Мнѣ суждено по гробъ тебя любить;
Но, знашь, любви въ шипъ я не умѣю!
Ныпъ, счастье шобой любимымъ бышь
Не для меня: я ждашь его не смѣю!
Изъ жалосши одной къ моимъ слезамъ
Ты мнѣ швердишь любовные обѣшы;
Не вѣрю я плѣнишольнымъ словамъ:
Я не видалъ въ тебѣ любви примѣшы!

Стою ль въ дали, съ безмолвною поскою —
 Твой взоръ меня въ полпѣ не опличаетъ;
 Иль робкою коснусь къ тебѣ рукой —
 Твоя рука моею не ошвѣчаетъ.

Спокойна ты: встрѣчаешь ли меня,
 Или даришь мнѣ поцѣлуй небрежной;
 Въ глазахъ твоихъ нѣтъ пылкаго огня
 И на щекахъ румянца спрасси вѣжной.
 Когда я шелъ вчера, проснясь съ побой,
 Не для меня ты у окна спояла —
 И пусклаго сиекла не опирала,
 Чтобы взглянушь украдкой въ слѣдъ за мной!

Досель я жилъ опрадой упованья,
 Я самъ себя обманываешь хопѣль,
 И наиву коварныя мечпанья
 Любовь твою сулили мнѣ въ удѣль!
 Но ты меня лишила наслажденья:
 Мечты мои разсѣлись, какъ дымъ;
 Упала съ глазъ повязка заблужденья
 И опыль мнѣ сказала: ты не любимъ!
 Жестокая, ты хочешь бышь мнѣ другомъ:
 Любви твоею, любви желаю я!
 Когда меня ты назовешь супругомъ,
 Безъ сердца мнѣ на что рука твоя?
 Гдѣ для меня цвѣли блаженства розы,
 Тамъ буду я лишь шернія встрѣчаешь;
 Въ твоихъ глазахъ я долженъ видѣшь слѣзы
 И на лицѣ унынія печашь!
 Я, можешь бышь, подсперету случайно

Твой тяжкій вздохъ въ безмолвіи nocturno,
 И близь меня, забывшись тихимъ сномъ,
 Промолвишь ты признанье въ спрасси пай-
 ной;

Огонь любви заблещеть на челъ,
 И не супругъ, другой тебѣ приснился;
 Ты будешь днемъ, пошупя взоръ къ землѣ,
 Передо мной мечты своей спыдишься.
 О милый другъ! Проспи моимъ словамъ,
 Забудь любви слѣсныя подозрѣнья;
 Я имъ шеперь еще не вѣрю самъ,
 Но въ будущемъ ищущи себя мученья!
 Пускай меня ушѣшинъ голосъ швой;
 Пускъ нѣжный взоръ шоску души разсѣешь,
 И грудь мою надежды лучъ согрѣешь!
 Когда же нѣшь въ шебѣ любви прямой,
 Когда я ждалъ несчастья недаромъ;
 Цѣпей моихъ изъ жалости не рви,
 Но обмани меня притворнымъ жаромъ
 И дружбу дай названіе любви!

А. Крыловъ.

В О Д О П А Д Ъ.

Шуми, шуми съ крупной вершины,
Не умолкай, попокъ съдой!
Соединяй пропяжный вой
Съ пропяжнымъ опзывомъ долины!

Я слышу грохотъ водъ швоихъ:
Свисля, сливаепъ въшрѣ порывный
Свой вопль глухой и заунывный
Съ однообразнымъ шумомъ ихъ.

Съ какимъ-шо смущнымъ ожиданьемъ
Въ ихъ говоръ вслушиваюсь я;
Куда-шо вдалъ душа моя
Лешипъ надеждой и желаньемъ.

Какъ очарованный, стою
Надъ дымной бездною швоею
И, мнишся, сердцемъ разумью
Музыку важную швою.

Шуми, шуми съ крупной вершины,
Не умолкай, пошокъ съдой!
Соединяй протяжный вой
Съ протяжнымъ опзывомъ долины!

Баратынскій.

МАРІЙ НА РАЗВАЛИНАХЪ КАРѢАГЕНА.

Свѣшлый Фебъ, спѣша къ покою,
Въ бурной безднѣ упопалъ;
Молчаливый вечеръ шьюю
Брегъ пущинный облекалъ;
Ошъ воспока быспры шучи
Грозно мчались; вихрь лешучій
Возсинавалъ въ нагихъ поляхъ
И ревѣлъ во мглѣ развалинъ,
Гдѣ лежишь, забвень, печалень,
Карѣагена славный прахъ.

Кшо сей мужъ, склонень на камень,
Украшавшій храмъ боговъ?
Въ грозномъ взорѣ мрачный пламень,
На челѣ бразды годовъ:
Въшрь взвѣваешь шлемъ пернатый;
На груди спальныя лапы;

Кровь и время ржавяшъ ихъ;
 Скорбь кропяшъ слезой ланишы —
 И, уснувши, мечъ избишый
 Въ ослабѣвшей длани спихъ.

Ты ль, Италіи спасишель,
 Слава Тибра и покровъ,
 Бичъ Тевтоновъ и смиришель
 Нумидійскихъ ярыхъ львовъ?
 Ты ль, что прежде, счасья полный,
 Сквозь шумящи Римлянъ волны,
 Въ Капитолій шелъ къ вѣнцамъ —
 И, испоргнувъ ихъ у Славы,
 Посвящаль свой мечъ кровавый
 Браннымъ родины богамъ?

Одинокъ, съ своей печалью,
 Славный изгнанный гласишь:
 „Пусть Борей надъ мрачной далью
 Гнѣвомъ яроспнымъ шумишь!
 Пусть ревушь перуны бурны!
 Пусть Зевесъ изъ влажной урны
 Проливаетъ дождь рѣкой!
 Я ненаспьемъ ужъ испишанъ;
 Жребій мой бѣдой упишанъ;
 Другъ единый — мечъ со мной!

Марій — здѣсь!... Судьба нарочно
 Двухъ великихъ собрала.
 Кареагенъ, красою срочной
 И швоя весна цвѣла!
 Подъ крыломъ сѣпой Фортуны
 Здѣсь сіялъ вѣнецъ швой юный,
 Какъ лучъ Феба сквозь шумань.
 Ты просперь къ презубцу длани —
 И шебъ народовъ дани
 Несь покорный Океанъ.

Но вопще: надъ Кареагеномъ
 Грянулъ Римъ и Сципіонъ —
 И на брегъ семъ забвенномъ
 Прахъ швой плѣнью обреченъ!
 Тишиною спогны полны;
 Мрачно воюшъ сиры волны;
 На порогъ швоихъ палашъ
 Сѣло грустное молчанье;
 Змій и въпра завыванье
 Въ храмахъ сумрачныхъ шумашъ.

Такъ, увы, и Марій прежде,
 Духомъ смѣлымъ обольщенъ,
 Жизнь отдавъ злашой надеждѣ,
 Дней грядущихъ небосклонъ
 Озарилъ себя мечшамъ;
 Слава свѣшлыми крылами

Ихъ хопѣла осянись;
 Мой вѣнецъ, сплешенный спрахомъ,
 Угрожалъ — забвенья прехомъ
 Зависшь мрачную покрышь.

И граженная вселенна,
 И спасенный мною Римъ,
 Преклонивъ во прахъ колѣна
 Предъ могуществомъ моимъ,
 Лобызали мечъ кровавой,
 Сполько лѣилъ водимый славой;
 Упомленная молва
 Мнѣ лишь гласъ свой посвящала
 И название даровала
 Ярыхъ браней божества.

Но Фортуна лѣгкокрила!
 Вѣдень шопъ, кому она
 Влага вѣчныя сулила!
 Какъ мгновенный призракъ сна,
 Измѣнять онѣ украдкой.
 Дымъ побѣды, сполько сладкой,
 Улепнись, какъ всякой дымъ!
 Не гляди на солнце счастья!
 Бѣдъ внезапное венаспье
 Вскорѣ слѣдуешь за нимъ.

Какъ мгновеннаго перуна,
 Славы блескъ моей угасъ!
 Измѣнила мнѣ Форшуна
 И молва смирида гласъ;
 Мглою будущность покрылась;
 Зависль въ прахъ пробудилась;
 Зависль, мѣлкихъ душъ жилецъ,
 Счасья баловней страшится
 И безшрепелно спремится
 Рвашь низверженныхъ вѣнецъ.

Но дощце!.. Мой мечъ со мною,
 Жадный кровію враговъ!
 Сулла, къ гибельному бою
 Изведи своихъ льстецовъ!
 Какъ, изъ волнь глубокой тучи
 Свободясь, перунъ лепучій
 Мещетъ ужасъ на поля,
 Какъ левъ гладный на ловишву,
 Такъ на радостную бишву
 Изъ шепей испоргнуся я!

Низложенья укоризна
 Съ длани тибельной спадетъ;
 Ты жь, коварная опчизна...
 Трепещи! Грядетъ, грядетъ
 Наказанье за измѣну!
 О, когда я въ скорбь одѣну

Гордый духъ своихъ гражданъ,
И, на прахъ ихъ свободы,
Спросяшь съ ужасомъ народы:
„Гдѣ величіе Римлянъ?“ —

Мечъ насыщенный мой алчный!
Кровь по спогнамъ закипиль!...
Но Борей надъ далью мрачной
Гнѣвомъ яростнымъ шумиль;
Тамъ ревуть перуны бурны
И Зевесъ изъ влажной урны
Проливаетъ дождь рѣкой...
Римъ, вошь рокъ — тебѣ грозящій!
Какъ перунами Разящій,
Грянешь Марій надъ шобой!...“ —

Онъ возсхаль... Перунъ крылами
Бездну мрака разсѣкаль;
Отражаясь облаками,
Онъ, горящій, осыпаль
Яркимъ блескомъ племь пернатый.
Зазвучали бранны лашы;
Марій шестивіемъ своимъ
Былъ подобенъ богу брани;
Злобный мечъ сверкнулъ во длани...
Трешечи, свободный Римъ!...

П . с . р . ѡб .

Часнь XV. Кн. I.

7

АВТОРСКАЯ КЛЯТВА.

Какъ часно я слыхалъ, что главный нашъ
порокъ —

Любовны кляшвы всѣ и нѣжны увѣренья
Писашь лишь на песокъ: повѣшь вѣшерокъ,
И мигомъ спрасшныя исчезнушь выраженья,
А съ ними и любовь. Такъ шочно иногда
Поэшь, обиженный судомъ несправедливымъ,
Клянелся съ Музами разшашься навсегда,
Навѣкъ *прости* сказашь мечшамъ любимымъ,
И, чшобъ вѣрнѣй свой выполнишь обѣшь,
Объ эшомъ онъ друзьямъ въ посланьи объяв-
ляешъ —

И, разругавъ пушемъ коварный, злобный свѣшь,
Спиховъ онъ написашь... спихами общашешъ.
Чшо эшу ишшину не шрудно доказашъ,

Въ шомъ спора нѣшь ни мало,
Лишь шолькобъ въ васъ, друзья, шерпѣнїя до-
спало
То выслушашъ, чшо вамъ хочу я разсказашъ.

Однажды въ скукъ я (пому назадъ недѣлю)
Дремалъ у комелька; десящый часъ пробилъ —

И я собирался на постелю,
Какъ вдругъ вбѣжалъ ко мнѣ Людмилъ,
Сипаринный мой пріятель,
Изрядный малой и съ умомъ,
А ремесломъ
Комической писашель.

„Что вижу — я вскричалъ — шы блѣдень и
смущень!

Взглянувши на себя, нельзя не испугаться.“
Ахъ, дай притши въ себя и съ мыслями со-
бращься:

Я шакъ замучень, разбѣшенъ!

„Да сказывай скорѣй, что сдѣлалось съ побюю?“

Ничпожный вздоръ: къ чему рассказывашь его?

Я шолько въ дуракахъ — и больше ничего! —

Осмѣянъ, посипраменъ, и самъ пому виною!

Какой нечиспый духъ... „Да полно не нужи!

Садись-ка лучше здѣсь — и все мнѣ расскажи!“

— Ты хочешь знашь? — „Весьма желаю.“

— Такъ слушай же, мой другъ, и смѣйся надо
мною!

Ошъ Вельскаго вчера письмо я получаю,

Въ кошоромъ просишь онъ — *любовію одной*

Къ моимъ талантамъ побужденный —

Протестъ въ кругу его лишъ искреннихъ друзей

Мой новый трудъ, итто, заранъ восхищенный,

Творца онъ завтра ждетъ съ супругою своей.

Попушаль грѣхъ меня: подумаль, соблазнился
 И, давши мой опвѣшь на сей прокляшой зовъ,
 Сего дня вечеромъ я, ровно въ семь часовъ,
 Съ піэсою моею у Вельскаго явился:
 Вхожу — и чшожь? полна госпиная людей.
 Кой чорщъ, подумаль я, поклоны раздавая,
 Какъ много искреннихъ у Вельскаго друзей!

Межь пѣмъ хозійка пожилая,
 Извѣстная своимъ умомъ,
 Ужасно суспилась

Вокругъ спола, покрышаго сукномъ —
 И вопъ толпа госшей по кресламъ размѣспи-
 лась.

Умолкли всѣ — и качаль я чишашъ.
 Увы, языкъ госшей не долго былъ спокоенъ!
 Чшобъ тонкій вкусъ вполнѣ свой оказашъ,
 Знашчокъ прямой ни чѣмъ не долженъ бышъ
 доволенъ.

Хвалишъ! и — вспаши ли себя унизишъ шакъ!

Хвалишъ вѣдь можешъ и дуракъ:

Но шотъ, кто смѣло все бранишъ и охуждаешъ,
 Ужь вѣрно умница — и все на свѣшъ знаешъ.
 Едва лишь первый акшъ окончишъ я успѣль,
 Какъ вдругъ одинъ, словесности любишель,
 Извѣстный Меценашъ, шаланшовъ покрови-
 шель,

Своимъ блеснушъ умомъ и вкусомъ захопѣль.

Окинувъ взоромъ всѣхъ надменно,

„Я вамъ — сказала онъ мнѣ — признаюсь оп-
 кровенно,

Что экспозиція ужасно не ловка.“

Бышь можешь, что долга? „О нѣтъ! Ее бы
можно

Еще пораспянуть.“ Что, вижу, коротка?

„И эшаго въ ней нѣтъ, признашьсѣ должно.“

Скучна? „Ни мало, нѣтъ!“ Такъ, видно, не

вѣрна,

Фальшива, сбивчива? „О, нѣтъ, совсѣмъ

другое!

Такъ чтожь, скажише мнѣ! „Она сударь...

дурна

И лучшебъ бышь могла конечно вдвое...“

„Позвольте мнѣ сказать — приспала пупъ

одна

Премудрая жена,

Которая вездѣ по городу считаласѣ

Игрицей первою въ босшонъ и модный виспъ—

Мнѣ кажешся у васъ языкъ не очень чистъ:

Я это замѣчаю, по чесши, не стараласѣ,

Но, признаюсѣ, мой слухъ давно уже опвыкъ

Опъ всѣхъ тяжелыхъ выражений.

Въ комедіи у васъ слуга совсѣмъ мужикъ,

Вездѣ онъ говоритъ безъ всякихъ украшений

Такимъ преподлымъ изыкомъ:

Признайшесѣ сами въ шомъ!

Вѣдь я не вовсе виновата —

И если крипика вамъ кажешся спрога.....“

Помилуйше! Да онъ не Принцъ — простой
слуга! —

„Такъ чтожь — не важная упрата —

Моглибъ и выкинуть его!

А впрочемъ — знаете ль — прочтите Мариво!
 Вошь испинный шаланшъ — вездѣ въ немъ
 превосходство!

Какой прелестной шонъ, какое благородство!
 Служанка, Госпожа, Лакей и Господинъ:

Пріятно слушать всѣхъ — у всѣхъ языкъ одинъ!¹⁴
 „А я совсѣмъ не то замѣшите вамъ желаю —

Прервалъ съ улыбкою и нюхая табакъ
 Мудрецъ, котораго на зло вездѣ встрѣчаю,

Педаншъ несносный и чудакъ —

Искусвомъ вы меня своимъ не обманули:

Сюжешъ въ Теренціѣ вы почно почерпнули.“

Въ Теренціѣ? „Ну, да! Я вздора не скажу;

Повѣрьте, сходство есть большое:

Вы спросите какое? —

Постойте, докажу:

У васъ...“ — Нѣтъ силъ шерпѣшь, хозяйка
 закричала:

Вы шолько спорите, а время все идетъ! —

„Позвольте доказашъ!“ Нѣтъ, нѣтъ! Ужъ я
 уснула,

И шпотъ долгой споръ шоску лишь наведешъ —

Прошу васъ, продолжайте!

Успѣемъ, можешъ бышь.... Ахти, десятой часъ!

Что еслибъ вы.... иль нѣтъ, послушайте: для
 васъ

Конечно все равно, вы все плаки читайте,

А я межъ шѣмъ могу госшей заняшь въ бо-
спонь! —

Хотя шерпѣнъемъ я изряднымъ одаренъ;
Однакожь, чоршъ возьми, всему вѣдь ешь гра-
ница:

Я вышелъ изъ себя, вскочилъ, схватилъ те-
шрадъ —

И, прежде, чѣмъ могла проклятая игрица

Опомнишься пушемъ, ударилъ бѣжашъ;

Кой-какъ до улицы добрался;

Забывши о госпяхъ, не помня о себѣ,

Прыгнулъ въ карешу и помчался

Прямехонько къ шебѣ.

И вошь, мой милый другъ, судьи, копорыхъ
мнѣня

Вездѣ, всеобщаго доспойныя презрѣнья,

Оракуломъ, закономъ чшущъ;

Копорые, къ спыду насъ всѣхъ признашь
должно,

Хвала безъ шолку все, иль все брагя безбожно,

Безславіе и славу раздають!

И послѣ зшаго за славою гоняйся!

Забудь веселье и покой,

Пиши комедіи — будь мученикъ — спарайся:

Но льстишь себя не смѣй наградой никакой!

Чишашъ въ домахъ — бѣда! — ошдашь играшь —
другая;

Да что и говоришь — скажу безъ дальнихъ словъ,

Театръ, гдѣ царствуешь посредственоспъ
злашая,

Сшрашнѣе для меня и самыхъ знапоковъ.

У насъ хоть не пройдетъ безъ новости недѣли,
 За то ужъ нечего — не ѣзди подь качели (*)!
 Играють масперски — ну любо посмошрѣшь!
 А если примушся Арписпы наши пѣшь,
 Иль шанушь въ оперѣ при всѣхъ мѣняшь ку-
 лисы,

То вонъ бѣги!

И словомъ — отъ царя до самаго слуги —
 Пѣвицы и пѣвцы — актеры и актрисы,
 И даже самая суфлера западня
 Терзають все и мучишь лишь меня.
 Нѣтъ, конечно! Писать я больше не намѣрень,
 Клянусь — и клятвѣ сей, конечно, буду вѣренъ:
 Да, да, мой другъ! — Клянусь ... а жаль! — вѣдь
 ешь сюжешъ,

И еслибъ только я рѣшишься могъ.... да нѣтъ!
 Все кончено!.... А планъ и сцены ужъ гошовой —
 Придуманъ и конецъ,

И всѣ характеры шакъ новы!

Прекрасный резонёръ — чувствительный о-
 щецъ;
 Коншраспы рѣзкіе — съ природы, а не
 съ сказки!

Тутъ будетъ все: и плунть и честной человекъ,
 Интрига чудная... а веселѣй развязки
 Не лзя придумашъ вѣкъ,

(*). Прошу не п. гнѣваться, Г. Людмила! Тотъ, кто ви-
 дѣлъ игру нашихъ лучшихъ Актеровъ и слышалъ
 пѣніе Сандуновой, Самоилова и Климовскаго, никог-
 да не согласится съ вами: по обиженнымъ Поэтамъ
 рѣдко бываешь справедливъ!

И иншересныхъ сценъ, конечно, будетъ съ
двадцать!

Да впрочемъ.... почемужь? ага! ужъ бьешъ
двѣнадцать!

Пора домой! „Такъ шы рѣшился не шушя?“

— Прощай! — „Да погоди, кареша не гошова!“

Но мой Людмилъ въ отвѣтъ ни слова;

Поклонъ и, шляпу ухващя,

Ошправился домой — домой? конечно спать?

Ахъ, вѣшъ, мой друзья: комедию пишашъ!

М. Загоскинъ.

С М Ъ С Ь.

П Р И К А З Ъ,

*данный войску Графомъ Суворовымъ, въ
Варшавѣ 1795 года, по случаю праздника
Св. Пасхи (*).*

Въ Суботу вечерней, и утренней въ Воскресенье зори нѣшь, также и фронту, кромѣ часовыхъ; всѣ караульные въ церковь, и были бы чисто одѣты, особливо на праздникъ.

(*) Сей приказъ полученъ Г. Предсѣдателемъ Общества Ф. Н. Глинкою изъ Саратова отъ Г. отставнаго Маіора Якова Васильевича Прошопцова, который имѣлъ счастье быть подъ начальствомъ безсмертнаго Суворова при штурмѣ Праги и покореніи Варшавы, гдѣ онъ и получилъ сей Приказъ или ордеръ отъ близкихъ къ Графу, сохраняя его до сихъ поръ между своими бумагами. Общество, изъявляя за сей подарокъ благодарность свою Г. Прошопцову и сошлася съ нимъ, что все касающееся до Суворова должно быть любопытно и пріятно соотечественникамъ нашимъ, надѣется доставить удовольствіе Публикѣ напечатаніемъ сего оригинальнаго Приказа, гдѣ каждая строка характеризуетъ нашего Аяябала.

Дѣяніе по колоколу. Оміамъ; входить и выходить; спулья; чшецы смѣняющся.

Къ заупренѣ сигналъ пушечной въ 12 часовъ. Барабаны по улицамъ съ флейтами бьютъ на молишву, и послѣ люди идутъ въ церковь. Благовѣспть часъ. Начало ушрени — 3 выспрѣла. Обхожденіе — 3 выспрѣла. Христосъ воскресетъ — 9 выспрѣловъ. *И намѣ дарова* — 3 выспрѣла.

Обѣдня не выходя. Благовѣспть полчаса. Начало Лисургии — 3 выспрѣла залпомъ. Евангеліе — 9 выспрѣловъ. (Священники Молдавскіе чинали бы по споронамъ Евангеліе по своему). *И намѣ дарова* за обѣднею — 3 выспрѣла.

Обѣдъ въ спавкѣ большой Турецкой, развѣ холодъ — шакъ въ землянкѣ. Ужинъ послѣ вечерни легкой молочной.

Къ вечернѣ сигналъ пушечной благовременно.

Хриспосоваться съ Графомъ въ заупреню.

Пѣвчимъ въ сей день не консертовашъ: коли же не гошovy, шо крашкіе консершы.

Зорю ветернюю раньше.

Пѣвчіе въ Понедѣльникъ вѣрнѣ бы были, и зашвердили, что пѣшь. Скоро и крашко. Что до консершовъ, голосу прибавишь гораздо болѣе, но мальчиковъ не заглушивашъ. Приложенія Благовѣщенскія скоро пѣшь. *Архан-*

гелескій гласъ вопієлю Ти мальчики зашвердили бы.

Въ Понедѣльникъ сигналъ къ заупрениъ изъ пушки, по немъ и зоря, шакже и на молишву въ барабанъ. И всѣ люди — спарой и новой карауль — въ церковь. По заупрени, не выходя, и обѣдня.

Послѣ къ разводу.

Обѣдъ въ пракиширѣ. Послѣ обѣда гости въ каршы и билиарь. И Пруской ужинъ — буштеръ-бродъ.

Прочіе дни на разсвѣтѣ заупрениа съ обѣднею вмѣстѣ.

1 и 2 Гласы на обонихъ крылосахъ шихо.

Г у л я н ь е.

На свѣшлой Праздникъ послѣ обѣдни къ качелямъ караульные и всѣ: играють въ свирѣлки, въ мячъ и рѣзвящяся; кашаюцца яицами; Цыгане; музыка; пляшущъ; медвѣдъ. Опъ Графа рубль въ день. И кто хочешъ, можешъ даришь денежкою.

О НѢКОТОРЫХЪ ОТКРЫТІЯХЪ ВЪ НАУКАХЪ, ИСКУСТВАХЪ И МАНУФАКТУРАХЪ, ВЪ ПРОШЕДШЕМЪ 1820 ГОДУ.

Мѣсторожденіе янтаря, открытое въ Сициліи Г. Феррарою.

Мѣсторожденіе янтаря, въ слояхъ глины, открыто въ Сициліи на берегахъ Симеша. Г. Феррара собралъ большіе образчики янтаря, заключающіе въ себѣ опломки минераловъ, части распеній и наибаче насѣкомыхъ, совершенно сохранившихся. (Journal de Pharmacie, avril 1820).

О сложности Воданія.

Г. Лампадіусъ недавно открылъ особенный мешалль, который назваль *Воданій*; но Спроейеръ новымъ разложеніемъ доказалъ, что сей Воданій союпоишь изъ никеля, кобальта, желѣза, мѣди, свинца, висьмуша, мышьяка и сѣры. Примѣчашельно, что уже не

въ первый разъ соединенія никеля представляющъ обманчивые признаки особенныхъ металловъ. (Gilberts, Annalen der Physick. St. 3. 1820).

*Амблигонитъ, новый минералъ, открытый
Г. Брейшгауптомъ.*

Г. Брейшгауптъ открылъ новый минералъ, названный имъ *Амблигонитъ*, въ копоромъ, по причинѣ удобной плавности, онъ подозрѣвалъ существованіе щелочи. Блескъ, твердость и относительная тяжесть сего минерала равномерно заславляли подозрѣваніе въ немъ главною составною частію глину. Г. Берцелиусъ, которому Г. Брейшгауптъ сообщилъ сіи замѣчанія, предпринялъ разложеніе сего минерала и нашелъ, что онъ состоитъ изъ фосфорной и плавиковоѣ кислоты, глины и лишіона (11 частей сего послѣдняго во 100 и 33 глины). По сему Амблигонитъ есть минералъ, наиболѣе содержащій въ себѣ лишіона изъ всѣхъ донинѣ извѣстныхъ. (Annales générales des Sciences physiques. Septembre 1820).

Альпійскій Сафиръ.

Глыба, заключавшая въ себѣ кристаллы сафира, недавно найдена около Шамуни. Сія глыба принадлежишь къ горной породѣ, копорую Журинъ называетъ *Протогиномъ* для ош-

личія отъ гранища. По всѣмъ направленіямъ оной глыбы проходящъ правильныя шестигранныя призмы сафира, изъ коихъ нѣкошорыя оканчиваюцца шестигранными пирамидами. Сіи кристалы прозрачны или просвѣчивающъ, прекраснаго синяго цвѣща. склоняющагося иногда къ зеленому Сіи признаки описаны Г. Сорешомъ (*Journal de Physique*, mai 1820).

Карбоній, новый металлъ, открытый Г. Доберейнеромъ.

Самое простое средство для полученія сего металла состоишь въ томъ, чтобы пропускать черезъ раскаленную стеклянную шрубку равныя объѣмности углекисленнаго и водосворнаго газовъ; при семъ образуется вода и внутренняя поверхность шрубки покрывается кристаллами углешвора. Существованіе сего металла отвергаецца нѣкошорыми химиками. Г. Доберейнеръ думаетъ, что алмазь есть окисель углешвора, соединенный съ большимъ количествомъ Карбонія. (*Annales générales des Sciences physiques*).

Существованіе Литіона въ Лепидолитѣ, утвержденное Г. Гмелинымъ.

Сплавляя Леподолишь (изъ Утона въ Швеціи) съ основнымъ углекислымъ баритомъ,

Г. Гмелинъ примѣшилъ, что платиновой игель прешерпѣлъ поврежденіе. Онъ пошчасъ заключилъ о нахожденіи Липіона и разложеніе представило ему сей мешалъ и въ тоже время кали. Лепидолишь изъ Моравіи оказалъ шѣже слѣдствія.

Испышанія, предричныя Г. Гмелинымъ по сему случаю, представили ему случай подшвердитъ, что солянокислый Липіонъ окрашиваетъ пурпуровымъ цвѣшомъ пламя виннаго спирта, въ которомъ онъ растворенъ; сѣрнокислый Липіонъ производитъ подобныя явленія. (Тошъ же журналъ).

О натуральной окислѣ золота.

Приводя въ порядокъ Минеральный кабинетъ Горнаго Корпуса, въ С. П. бургѣ, Г. Оберъ-Гитшенфервальшеръ Соколовъ нашель, въ числѣ камней, соспавляющихъ свипу самороднаго золоша, одинъ образчикъ кварца, окрашеннаго съ поверхности веществомъ пурпуроваго цвѣша, подобнымъ Кассіеву пурпуру. Сіе вещество почиашеть Г. Соколовъ натуральнымъ окисломъ золоша. Однакоже до сего времени подозрѣнія его не ушверждены химическимъ испышаніемъ; ибо одинъ шолько сей образчикъ въ музей Корпуса находишся, куда съ

прочими золотыми шпугами доставленъ изъ Березовскихъ золотыхъ промысловъ.

О нахожденіи циркона въ Сибири.

Въ числѣ минераловъ, соспавляющихъ мѣспорожденіе малиноваго шерла въ деревнѣ Шайшанкѣ, доставлены въ Горной Корпусъ образчики гранипа съ венисою. При внимательномъ разсматриваніи оныхъ Г. Соколовъ нашель, что сія мнимая вениса еспь не что иное, какъ цирконъ. Въ эпомъ убѣждаютъ его слѣдующіе признаки онаго минерала: кристаллизація, которая предспавляетъ чепырестороннія призмы, заощренныя чепырья плоскостями; жирный къ алмазному приближающійся блескъ; большая твердость; шакъ что сей минералъ царапаетъ венису. Собраніе сихъ признаковъ и гіацинповый цвѣтъ довольно опличаютъ его отъ венисы; кромѣ того онъ имѣетъ большое сходство съ нѣкошорыми изъ Норвежскихъ цирконовъ.

*О нахожденіи синяго шпата (blau spath)
и корунда въ Сибири.*

Разбивая образчики синяго шпата, находимаго при рѣчкѣ Слюдянкѣ, около Байкала; Г. Соколовъ примѣшль въ оныхъ кристаллы;

образующіе шестистороннія призмы евфлого-зеленаго цвѣта съ явственнѣмъ листоватымъ сложеніемъ, сильно царапающіе кварць. Сіи кристаллы почипаешъ Г. Соколовъ за корундъ, шѣмъ болѣе, что оныя имѣють совершенное сходство съ Бенгальскимъ корундомъ.

*Неизвѣстный минералъ, находящійся въ
Бѣломъ морѣ.*

Рыбаки, забрасывая сѣти около береговъ Бѣлаго моря, нерѣдко вытаскивають особенный неизвѣстный минералъ, имѣющій слѣдующіе наружные признаки: онъ представляешъ весьма правильные октаэдры, желтовато-сѣраго цвѣта, имѣешъ тусклую неровную поверхность, совершенно непрозраченъ, въ изломѣ плосень. Сіи октаэдры скоплены бывають на подобіе шаровъ, иногда образующь креспы: въ послѣднемъ случаѣ шочку пересѣченія окружаешъ обыкновенно сѣрая масса рухляка. Сей минералъ легко вскипаешъ съ кислотами и, по изслѣдованію Г. Соколова, соснойтъ изъ извести, кремнистой земли, окисла желѣза и углекислоты: слѣдовательно долженъ бытъ причисленъ къ углекислымъ известковымъ породамъ, соспавя между оными особенный доселъ неизвѣстный видъ, пошому что образуетъ кристаллизацию, ни одной изъ

углекислыхъ породъ не свойственную. Его нельзя причислить къ смѣшаннымъ известковымъ породамъ, въ коихъ, кромѣ углекислой извести, составляютъ поспоронную примѣсь глышь, палкъ, марганецъ и проч., ибо въ сихъ послѣднихъ породахъ случайныя примѣси ни малѣйшаго не производятъ двѣсвѣя на первоначальную кристаллизацію: на прим: песчанистой известковой камень изъ Фонпенебло, Горькой шпашъ и бурой шпашъ удерживають всегда кристаллизацію чистаго известковаго шпаша.

О нахожденіи пренита и окристаллизованнаго змѣвика въ Сибири.

При разработкѣ мѣсторожденія малиноваго шерла въ деревнѣ Шайпанкѣ, Г. Маркшейдеръ Моръ нашелъ змѣвикъ, окристаллизованный въ видѣ шестисторонней призмы; вмѣстѣ съ онымъ находился и пренитъ частію въ сплошномъ видѣ, а частію окристаллизованный.

О физическихъ свойствахъ Эвклаза.

Г. Гаю открылъ, что эвклазь производитъ двойное преломленіе, только въ меньшей степени, нежели Исландскій шпашъ;

*

въ семь отношеніи и въ физическомъ свойствѣ сохраняяъ электричество (употребляя поспешенно для наэлектризованія онаго давленіе и шрение) только по-пазъ можешъ съ нимъ сравнишься: кристаллы эвклаза черезъ 24 часа только перестаютъ дѣйствовать на маленькую исплательную свѣчку. (Изъ Archives des Découvertes. 1821.)

*Опыты, произведенные Г. Файфолдъ (Fyfe),
для узнанія, какія вещества содержатъ въ
себѣ Іодъ.*

Изъ сихъ опытовъ слѣдуетъ:

1) Что морская вода не содержишь въ себѣ Іода.

2) Что Іодъ находишь только въ морскихъ произведеніяхъ.

3) Что Іодъ, получаемый изъ соды, не есть произведеніе горѣнія.

4) Что только распенія шайнобратныхъ содержишь въ себѣ Іодъ, если не допускаяъ съ нѣкошорыми натуралистами, что губки должны бышь причислены къ жившнымъ.

5) Что Іодъ не существуетъ въ губкахъ въ томъ же состояніи соединенія, какъ въ прочихъ веществахъ: получаемый изъ распенія шайнобратныхъ растворяешся легко

въ водѣ, между тѣмъ, какъ извлекаемый изъ губокъ совершенно въ водѣ не растворяется.

Г. Файфъ употреблялъ для открытія присутствія Іода слѣдующій способъ: онъ сушилъ распеція при умѣренной теплотѣ, сожигалъ ихъ въ большемъ тиглѣ, осматки ошъ горѣнія растворялъ въ водѣ, растворя выпаривалъ до сухоспи и сухою массою наполнялъ стеклянныя шрубки, копорыя нагрѣвалъ, вливъ прежде въ оныя сѣрной кислоти. Если шущъ находилея Іодъ, то онъ отдѣлялся въ видѣ паровъ. (Edimburg philosophical Journal, No 2.)

Объ употребленіи газа азота.

Въ Лондонѣ употребляютъ новой способъ убивашъ животиныхъ; ихъ умерщвляютъ посредствомъ азотнаго газа. Ошъ сего мясо бываешъ свѣжѣе, пріятнѣе для вкуса и долше сохраняется. Большая часть Лондонскихъ мясниковъ употребляютъ уже сей способъ: (Revue Encyclopédique. 1820).

Дашурій, новая растительная щелочь, открытая Г. Брандомъ (Brandes).

Дашурій находилея въ семенахъ дурмана (rotte épineuse) въ соединеніи съ яблоч-

ною кислотою. Онъ почти не растворяется въ водѣ и въ холодномъ винномъ спиртѣ; кипящій винный спиртъ растворяетъ его въ большемъ количествѣ; опъ охлажденія дашурій осаждается въ видѣ тонкихъ хлопковъ. Онъ совершенно насыщаетъ кислоты и образуетъ съ сѣрною кислотою соль, кристаллизующуюся призмами и удобно растворяющуюся въ водѣ. Если присоединить Іодъ къ дашурію, облитому водою и если смѣсь сію вскипятить, то цвѣтъ Іода исчезаетъ и въ иное время дашурій растворяется. Концентрируя сей растворъ, получаютъ водородо-Іодовой дашурій, который не кристаллизуется и сильно привлекаетъ изъ воздуха влагу.

Г. Брандъ удостовѣрился своими опытами, что дашурій есть вещество образующее новую щелочь. (*Annales générales des Sciences physiques, février 1820*).

Пиперинъ, новая щелочь, открытая Г. Эрштедомъ (Oersted).

Главнѣйшія свойства сей щелочи, находящейся въ перцѣ, суть слѣдующія. Мало растворяется въ кипящей водѣ, и почти не растворяется въ холодной; образуетъ съ

виннымъ спиртомъ растворъ слабого желшаго цвѣта, подходящаго къ зеленому; имѣешь въ высокой степени горькой вкусъ перца; примѣнно дѣйствуетъ на синіе цвѣты растений; образуешь съ сѣрною и уксусною кислотами почти нерастворимыя соли. Для полученія сей щелочи должно извлечь посредствомъ виннаго спирта смолу, содержащуюся въ перцѣ; растворъ оной сего происходящій, содержишь въ себѣ *пиперинъ*; сюда приливаютъ соляной кислоты, а потомъ воды. Смола оной воды осаждается, солянокислой пиперинъ осѣдается въ растворѣ; тогда винной спиртъ испаряють. Процеженная жидкость содержишь въ себѣ солянокислой пиперинъ, который можно разложить чистымъ кали, осаждающимъ пиперинъ. (*Journal de Physique, février 1820*).

Употребленіе остатковъ соды.

Одинъ мыльный фабрикантъ, не зная, что дѣлать съ горнымъ и сѣрновашымъ остаткомъ, производимымъ оной выщелачиванія шорговой соды, покрылъ онымъ, еще влажнымъ, аллей своего сада. Сей слой зашвердѣлъ и скоро сдѣлался почти неприсущнымъ для дожда: аллей навсегда осушился. Ника-

жая шравка не выросла на сей почвѣ и сѣвѣ-
 сшвенныя распенія, находившіяся на нѣ-
 сколько вершковъ опъ оной — погибли. Онъ
 покрылъ сей слой снова пескомъ и такимъ
 образомъ совершенно осушилъ аллеи. Послѣ
 того симъ же веществомъ онъ вымошилъ
 дворъ своего дома и самыя тяжелыя экипа-
 жи не производили надъ нимъ ни малаго вре-
 да. (Annales générales de Sciences physiques, oc-
 tobre-1820).

(Продолженіе будетъ).

АНЕКДОТЫ.

1.

Во время Бородинскаго сраженія, на лѣвомъ флангѣ, гдѣ въ лѣсу соединены были шпрѣлки разныхъ полковъ первой гренадерской дивизіи, при Француза успремались Лейбъ-Гренадерскаго полка на Поручика Ад..... Не подалеку отъ него случившійся тогда Графа Аракчеева полка Гренадеръ Пегушевъ, бросившись къ нему на помощь, перваго Француза тошчасъ закололъ; впорой также немедленно сдѣлался жертвою его руки, а прешій погибъ отъ шпаги Поручика Ад.... „Жаль, Ваше Благородіе, сказалъ тогда Пегушевъ, что ихъ мало: теперь уже и бить некого.“ Сей храбрый Гренадеръ, за шаковой подвигъ свой, по предсшавленію достойнаго Поручика Ад...., получилъ знакъ отличія.

2.

Въ бывшемъ близъ Парижа сраженіи Графа Аракчеева полка храбрый Поручикъ Яковлевъ, командовавшій ротой, ударивъ рѣшительно въ штыки на непріятеля, вышедшаго изъ деревни Бельвиля, прогналъ его шуда оброчно; но, бывъ къ сожалѣнію при семъ случаѣ раненъ въ грудь насквозь, по окончаніи сраженія, сказалъ лѣкарю: „я знаю, что мнѣ

непремѣнно должно умереть: пропу вась, ежели можно, продолжишь жизнь мою только до завтряннаго дня, чшобъ я могъ быть свидѣтелемъ, какъ Рускіе въ Парижъ войдушъ.“

3.

Во время непрестаннаго къ городу Красному преслѣдованія непріятеля, по изгнаніи его изъ Москвы, доставленіе провіанша для продовольствія войскъ никакъ не могло въ слѣдъ за ними послѣвать, и войска продолжительно чувствовали большой недостатокъ въ пищѣ. Тогда безмерной Князь Купузовъ, во время марша войскъ, объѣзжая Рускихъ Гренадеръ, сказалъ: „Друзья мои, я знаю, что вы терпите большую нужду въ пищѣ; но скажите: лучше ли хощите остановиться на нѣсколько времени и подождать привозу провіанша, или терпѣть голодъ и, преслѣдуя непріятеля, бить его?“ Всѣ Гренадеры единодушно провозгласили: „Ваша Свѣшлость! Мы не чувствуемъ тогда никакой нужды, когда сную терпимъ за славу Государя и свое ошечество.“

4.

1814 года 21 Іюля (Н. С.) въ Берлинѣ.

Въ Берлинѣ Прусскій офицеръ, разговаривая съ офицеромъ Рускимъ, сказалъ: „признайтесь, что, при всемъ достоинствѣ вашего войска, можетъ быть, Рускіе безъ Прусаковъ не были бы въ Парижъ?“ — Легко могло бы спаться,

опивчалъ Рускій офицеръ, что безъ Пруоаковъ не были бы Рускіе въ Парижъ; но Прускія войска безъ Рускихъ конечно не были бы въ Берлинъ.—

5.

При вспуленіи въ С. Петербургъ нѣкошорыхъ армейскихъ полковъ, возврапившихся, по окончаніи прошедшей войны, въ свое опечество, многіе изъ офицеровъ, увидя однихъ только Гвардейскихъ полковъ имяна, написанныя на новыхъ поржесивенныхъ воропахъ, сооруженныхъ въ знакъ признапельности опъ С. Петербургскаго Общества, сказали храброму Генералу М.: „ намъ бы не должно было вспупашъ въ споллицу чрезъ эти воропа: на оныхъ написаны имяна однихъ только Гвардейскихъ полковъ.“ — Вы себъ соорудили воропа близъ Паржа въ Бельвилъ, опозвался на то храбрый Г. М. — “ Ваше Сіапельсшво, они опивчали ему, въ шѣ воропа вы опкрыли намъ дорогу.“

6.

Въ Богеміи, Австрійскій солдатъ, увидясь въ корчмѣ съ Рускимъ Гренадеромъ и вынувъ червонецъ своего государсшва, спашъ хвасповашъ монешой; „ну чшо за денъги у васъ, сказалъ Рускій Гренадеръ: ихъ можно въ блинокъ свернуть.“ При семъ словѣ, вынувъ изъ кармана пшпакъ, прибавилъ: „ а вошъ, брашъ, посмотри ка машушку Русъ: шакъ ея ужъ никакъ не погнешъ!“

ЗАПИСКИ ОБЩЕСТВА.

I.

На основаніи §§ 99 и 100 первой части **ВЫСОЧАЙШЕ** ушвержденнаго Устава, Общество имѣло въ 13 день Іюня 1821 года полугодичное собраніе свое.

По прибышій Г. Членовъ, Г. Предсѣдатель **Ө. Н. Глинка** открылъ застаніе объявленіемъ причины оного, а Г. Секретарь Общества **А. А. Никишинъ** представилъ собранію подробный отчетъ о всѣхъ дѣйствіяхъ сего Сословія по ученой и распорядительной части, объ оборотѣ денежнаго капитала, пожертвованіяхъ и оказанныхъ Обществу пособіяхъ въ теченіе первой половины 1821 года.

Послѣ сего, во исполненіе §§ 44 и 45 той же части Устава, избраны по балотированію на 2 половину 1821 года:

Предсѣдателемъ **Ө. Н. Глинка.**

Помощникомъ Предсѣдателя **Н. И. Гвѣдичъ.**

Цензоромъ прозы А. Д. Боровковъ.

Цензоромъ поэзіи Баронъ А. А. Дельвигъ.

Цензоромъ библиографіи Д. М. Княжевичъ.

Секретаремъ Обществу А. А. Никипинъ.

Секретаремъ Цензуры и Комитета П. А.

Плетневъ.

Библиошекаремъ И. К. Аничковъ.

Казначеемъ И. Д. Боровковъ.

Исполнителемъ Ал. К. Дуропъ.

Членами Цензурнаго Комитета:

М. Е. Лобановъ.

Н. Ѡ Кашанскій.

Ѡ. В. Булгаринъ.

II.

Въ семь засѣданіи Г. Дѣйствительный членъ Н. И. Гнѣдичъ произнесъ Рѣчь, по случаю переименованія его Обществомъ въ Дѣйствительные члены, на основаніи §§ 26 и 34 ВѢСОЧАЙШЕ утвержденного Устава.

Послѣ сего Г. Дѣйствительнымъ членомъ Г. И. Спасскимъ прочтено Письмо къ нему Г. Почетнаго члена А. Н. Оленина, по предмету, изображенія Ермака Тимофеевича, Завоевателя Сибири, и предшавленъ Обществу опъ имени А. Н. Оленина рисунокъ, изображающій поршреть Ермака въ его наслоящемъ Рускомъ вооруженіи, слѣдуя рисункамъ Сибирской дѣлописи, по списку Ремезова; а въ за-

ключеніе засѣданія Г. Дѣйствительный Членъ
 Ѳ. В. Булгаринъ читалъ Записки свои объ
 Испаніи.

Въ семь собраній, къ удовольствію Об-
 щества, присутствовали Гг. Почетные Чле-
 ны: Князь П. А. Вяземской, Графъ Ѳ. П. Тол-
 стой и А. Ѳ. Воейковъ.

III.

Во исполненіе § 22 второй части Устава
 Общество долгомъ считалось извѣстить по-
 чтенныхъ читателей Соревнователя о по-
 снутившихъ суммахъ, причисленныхъ къ кас-
 сѣ, на благошвореніе опредѣленной.

Ошъ Г. Члена — Корреспондента И. П.

Менделеева	-	-	-	-	5 р.
— Его Высокоблагородія П. И. Рикорда	20.	—			
Изъ кружки для бѣдныхъ	-	-			24 р. 60 к.
Всего					49 р. 60 к.

IV.

На основаніи §§ 15 и 17 второй части
 Устава, выдано Пансіонерамъ Общества за
 Май и Іюнь мѣсяцы сего 1821 года.

Г. Ск . . . му	-	-	-	-	-	50 руб.
Г. Аникину	-	-	-	-	-	50 —
Г. Новоселову	-	-	-	-	-	50 —
Г. Захарову	-	-	-	-	-	30 —
Всего					-	180 р.

V.

Общество, уважая отличный талант и превосходныя произведенія въ Поэзїи Г. Почепнаго Члена своего Н. И. Гнѣдича, на основаніи §§ 26 и 34 Устава, присоединило его къ числу *Дѣйствительныхъ Членовъ* своихъ.

Сверхъ того Гг. Члены-Сопрудники Я. М. Лыкошанъ и Н. А. Беснужевъ, особенными трудами и усердіемъ обратившіе на себя вниманіе Общества, по существу §§ 26 37, переименованы *въ Дѣйствительные Члены*.

VI.

Общество, уважая отличныя познанія въ наукахъ и опечесивенной словесности Гг. Коллежскихъ Совѣтниковъ: Федора Федоровича Корошкина, Владиміра Васильевича Измайлова и Николая Михайловича Шапрова, на основаніи § 33 Устава, избрало ихъ *въ Почетные Члены* свои.

За представленные сочиненія и переводы, Обществомъ одобренныя, приняты:

По существу § 26, въ *Дѣйствительные Члены* Г. Надворный Совѣтникъ и Кавалеръ Дмипрій Максимовичъ Княжевичъ и Г. Артиллеріи Полковникъ и Кавалеръ Абрамъ Сергѣевичъ Норовъ.

Сообразно съ § 35 въ *Члены-Сотрудники*: Капитанъ Нейшлошскаго Полка Николай

Михайловичъ Коншинъ и 14 класса Александръ Ивановичъ Писаревъ

На основаніи § 38, въ Члены — Корреспондента Адъюнктъ-Профессоръ и Кавалеръ Иванъ Михайловичъ Снѣгиревъ, *въ Москвѣ.*

VII.

Обществу, имѣвъ честь получить для Вибліотеки своей слѣдующія книги: отъ Совѣта ИМПЕРАТОРСКАГО Казанскаго Университета — *Рѣчи, говоренныя разными лицами при торжественныхъ собраніяхъ 1814, 1815, 1816, 1817 годовъ и Историческія замѣтанія Профессора Френка отъ Г. Оберъ-Гипшенфервалпера Ивана Маріѣиновича — Шпернберга — I. F. le Bret Geschichte von Italien, и отъ Г. Гипшлярнаго Совѣтника Герасима Ивановича Лузанова Басни и Сказки его сочиненія, — изъявляешъ имъ за сія приношенія искреннюю свою благодарность.*

П Р О З А

Р Ъ Ч Ъ (*).

Дружба внушила вамъ благосклонность, съ какою вы, ММ. ГГ., наименовали меня Дѣйствительнымъ членомъ Общества. Благосклонность ваша для сердца моего не бремя: съ нею равны чувства его благодарности. Я благодарю васъ, ММ. ГГ., за честь, которая сближаетъ меня съ вами. И если одна любовь къ писателямъ

(*) Произнесена въ полугодижномъ собраніи Общества (13 Іюня нынѣшняго года) Помощникомъ Предсѣдателя Н. И. Гябдичемъ, по случаю переименованія его изъ *Почетныхъ* въ *Дѣйствительные* члены сего сословія. См. № VII. С. П. и Б. 1821. стран. 125.

можешъ сдѣлать меня достойнымъ сочленомъ вашимъ; но смѣю увѣрить, что она можешъ быть столько же пламенна во мнѣ, какъ и въ тѣхъ, копорые сославляютъ славу нашей словесности. И охладѣешъ ли съ вами? Высокія мысли, какія всегда я питалъ объ искусстввахъ изящныхъ, страстное почтеніе, врожденное во мнѣ, къ ихъ благороднымъ произведеніямъ, и мои занятія, не важныя, но постоянныя, конечно возрастуть при дѣятельности и намѣреніяхъ Общества, копорого письма и науки составили союзъ, а цѣль наукъ — благо людей — цѣль дѣйствія.

Союзъ благородный! Цѣль, достойная людей просвѣщенныхъ! Такъ, ММ. ГГ., если соединяющіе силы рукъ своихъ на враговъ покоя общественнаго достойны хвалы гражданъ и вѣнцовъ славы; то люди, соединяющіе силы разума, сіи безоружные воины, ведущіе брань съ пороками, предрасудками, невѣжествомъ, со всѣми невидимыми, но опаснѣйшими врагами общества человѣческаго, имѣють не менѣе правъ на его признательность.

Но когда еще люди сии, какъ труды, такъ и плоды трудовъ своихъ приносятъ на жертву общую; когда они упражняютъ силы свои не для выгодъ, какія могутъ приобрести, но для добра, какое могутъ сдѣлать: кто откажетъ въ уваженіи симъ добродѣтелямъ гражданскимъ? И въ то же время, видя самой источникъ сихъ добродѣтелей—науки и просвѣщеніе, кто не признаетъ божественности ихъ вдохновенія, святости ихъ наслажденій? Чистыя и невинныя, онѣ принадлежатъ всѣмъ возрастамъ, всѣмъ годинамъ жизни; свободныя, онѣ общаются съ каждымъ, проспирающимъ къ нимъ руку; благородныя, онѣ ведутъ насъ къ наслажденіямъ совершеннѣйшимъ, къ наслажденіямъ добродѣтели. И если кто либо краснорѣчивѣе доказываетъ все сіе, такъ безъ сомнѣнія вы, ММ. ГГ! — Богатые, добрые граждане, соединяясь для цѣли благотворенія, удѣляютъ избытки свои въ пользу неимущихъ. Хвала друзьямъ челоуѣчества! Но люди, изъ которыхъ почти у всѣхъ, или, по крайней мѣрѣ, у почтенныхъ

учредителей сего Общества, все достояние — одни дарования и любовь къ чело-вечеству, сии люди, не по минувшему дви-женію сострадательности, но съ рѣши-мостью постоянною, не одни избытки, но все свое лучшее, и дарованное и при-обрѣтенное, и таланты и плоды ихъ, посвящаютъ бѣдному чело-вечеству. Бла-городнѣйшее употребленіе, какое чело-вѣкъ можетъ сдѣлать изъ сокровищъ души своей! Такимъ употребленіемъ даровъ не-бесныхъ мы совершаемъ истинное, вы-сокое ихъ назначеніе — мысль Бога, Ко-торый въ безпредѣльномъ царствѣ Своего творенія ничего не восхотѣлъ произвестъ, чтобы не было пріятно и вмѣстѣ по-лезно.

Такое благородное направленіе ума чело-веческаго не извѣстно было древно-сти. Слава сего принадлежитъ Христіан-ству. Съ тѣхъ поръ, какъ святое Оп-кровеніе озарило землю, разумъ чело-вѣка возвысился до неба. Науки и искусства поставили мѣшу высшую, избрали для своей дѣятельности цѣль благороднѣй-шую: истину и добродѣтель; и такимъ

образомъ, введя въ союзъ умъ и сердце, споржественно являють міру божественное ихъ предопредѣленіе. Напрасно ложная философія усиливалась разорвать счастливый союзъ сей. Опыты вѣковъ доказали, что безъ добродѣтели — геній ничтоженъ. И Религія Христіанская, не имѣющая другой цѣли, какъ сдѣлать насъ добрыми, улучшаетъ нашу природу, возвышаетъ наши способности, и какъ бы доказываетъ, что добродѣтель есть ничто иное, какъ геній. Союзъ сей вѣченъ, какъ Религія; какъ она, дѣятели и живопоренъ: ибо съ тѣхъ поръ, какъ опкровенія небесныя проповѣданы міру, опкровенія человѣческія перестали бытъ таинствами. Пламенникъ истины изъ мраковъ пирамидъ вынесенъ на поверхность земли; права на него, составившія преимущества, отданы всѣмъ въ обществахъ Христіанъ, въ великомъ семействѣ брашьевъ. И пока останеся истина къ изысканію, не угаснетъ въ сердцѣ чловѣка пламенное желаніе искашь ее, и шѣмъ болѣе теперь, ко да самыя усилія дѣлаются извѣстными свѣшу, а успѣхи

награждаюся уваженіемъ народовъ чужеземныхъ. Вопь причины, опь чего дѣятельность ума въ обществахъ Христіанскихъ ознаменовалась въ нѣсколько вѣковъ успѣхами, копорые измѣнили порядокъ тысячелѣтій! И вопь причины, копорымъ мы думаемъ, что никакое могущество земное не сильно уже погаситъ свѣта наукъ и оспановитъ благородной дѣятельности ума и сердца! Свѣтлая мысль одного человѣка, съ помощію печатанія, принадлежитъ всей землѣ. Нѣтъ, не возвращаясь уже тѣ печальныя времена, когда свѣтъ, горѣвшій у народа, угасалъ съ новымъ его поколѣніемъ, и вѣковые опыты его погребались новымъ мракомъ. Съ Религією Христіанскою возшелъ свѣтъ незаходимый, настала вѣчный день, и живошворное сіяніе онаго, разливаясь изъ спраны въ спрану, передастъ въ наслѣдіе вѣкамъ опдаленнымъ истины и добродѣтели вѣковъ минувшихъ.

Пророчество сіе внушается мнѣ и при самомъ возрѣніи на ваше Общество. Любители письменъ составляютъ союзы, что бы благодѣтельствовать; Литера-

шоры украшающся именами благопвортелей, разширяющъ и облагороживающъ поприще своей дѣятельности. —

Благопвореніе, сладкая нужда сердець добрыхъ, будь навсегда основаніемъ и союзомъ всѣхъ Обществъ человѣческихъ! Дѣйствуйте, сердца благородныя! И еслибъ вамъ нужна была награда, не сомнѣвайтесь въ ней: не одинъ слѣпецъ Аникинъ (*) придесть сказать вамъ: *я не вижу моихъ благопворителей, но ихъ видитъ Богъ!* — Слепецъ указалъ вамъ — гдѣ ваша лучшая награда!

Между тѣмъ, М.М. ГГ., дѣйствіе непосредственное Общества вашего, т. е. соревнованіе благопворенію, сколь ни благородно, но, въ отношеніи къ любезному опечеству нашему, едва ли столь важно, какъ его дѣйствіе прямое, т. е. соревнованіе просвѣщенію: вліяніе послѣдняго ограничивается не одними современника-

(*) Читатели Соревнователя, конечно, помняшь описаніе прогашельнаго произшествія, помѣщенное на 372 страницѣ въ VI книжкѣ сего журнала 1820 года. Прим. Со

ми, но проспираешся и на потомство.— Я хочу остановишься на семь предметъ; не для того, чтобы внушать о немъ мысли вамъ, но чтобы показашь, чувствую ли я важность обязанности, какую буду раздѣлять съ вами.

Не считаю нужнымъ изображать вамъ, какимъ орудіемъ владѣеть толтъ, кто принимаетъ въ руки свѣшильникъ наукъ, чтобы озарять души себѣ подобныхъ. Ревнующимъ успѣхамъ просвѣщенія конечно извѣстна Исторія письменъ. Извѣстно, что распространеніе оныхъ есть одно изъ средствъ разума, болѣе всего способствующее славъ и счастію народовъ; а тѣмъ паче въ наше время, когда средства сіи умножены и ускорены до чрезвычайности. Какъ въ древности пламенный игръ священныхъ быспро переходилъ изъ рукъ въ руки, переходить теперь отъ народа къ народу пламенный искусство и познаній. Въ такое время перо писателя можетъ быть въ рукахъ его оружіемъ болѣе могущественнымъ, болѣе дѣйствительнымъ, нежели мечъ въ рукъ воина. Я не о тѣхъ говорю писате-

ляхъ, людахъ впрочемъ съ дарованіемъ, которыми, усиленъ и навыкомъ приобретающая известную легкость въ слогъ, заставляющъ читать себя и слушать. Таковой писатель есть почти каждой образованной гражданъ въ странахъ просвѣщенныхъ; они обыкновенно составляютъ, такъ называемую, Литературу свѣта — и, ласкатели его, угодники всѣхъ прихотей моды и духа времени, они рабы мнѣнія.

Вы, М.М. ГГ., пишете намѣренія высшія, вы желаете способствовать просвѣщенію согражданъ. Но, зная однакожъ, что должно быть приятнымъ, что бы быть полезнымъ, вы, для распространенія своихъ намѣреній, избрали словесность изящную. Что же можетъ быть важнѣе, что можетъ быть священнѣе обязанности, какую каждой изъ насъ на себя принимаетъ? Каждой изъ насъ есть, или быть долженъ, виновникомъ или свѣтлой мысли, или благороднаго чувства въ душѣ юной, которая, можетъ быть, глубоко пусливъ корни свои, сдѣлають вдохнувшего ихъ, такъ сказать, шворцомъ

нравственнаго бытія человѣческаго. Если таково вліяніе писателя на человѣка, таково и общее дѣйствіе письменъ на народы. Да размышляютъ воздѣлыватели ихъ о важности служенія своего; да будутъ они чисты сердцемъ, какъ служители Божества, или шѣ, которые приближаются къ священнымъ олтарямъ его.

Писатель своими мнѣніями дѣйствуетъ на мнѣніе общества; и чѣмъ онъ богаче дарованіемъ, шѣмъ послѣдствія неизбѣжныѣ. Мнѣніе есть власпишель міра. Да будетъ же перо въ рукахъ писателя то, что скипетръ въ рукахъ царя: швердъ, благороденъ, величественъ! Перо пишешъ, что начертается на сердцахъ современниковъ и потомства. Имъ писатель сражается съ невѣжествомъ наглымъ, съ порокомъ могущимъ, и Сильныхъ земли призываетъ изъ безмолвныхъ гробовъ на судъ потомства. Что бы владѣть съ честью перомъ, должно имѣть болѣе мужества, нежели владѣть мечемъ. — Но если писатель благородное оружіе свое преклоняетъ передъ врагами своими, если онъ унижаетъ его, что бы ласкать мо-

гуществу, или, если прелестію цвѣповъ покрываетъ разврагъ и пороки, если, вмѣсто огня благошворнаго, онъ возжигаетъ въ душахъ разрушительный пожаръ, и пищу сердець чувствительныхъ превращаетъ въ ядъ: перо его или оружіе убійства! — Чѣло бы памяти своей не обременить сими грозными упреками, писатель не долженъ отдѣлять любви къ славѣ своей отъ любви къ благу общему. — Да будетъ же первою спрастію, насъ одушевляющею, вдохновеніемъ нашего ума и сердца — любовь къ человѣчеству, сія любовь, незнакомая, непоспимая сердцамъ необразованнымъ, сіе чувство небесное, которое, даже однимъ желаніемъ сдѣлать счастливыми насъ окружающихъ, дѣлаетъ и насъ самихъ болѣе счастливыми.

Сердцемъ добрый, духомъ возвышенный и свободный, да не измѣняетъ себя служитель Музъ ни въ какихъ случаяхъ жизни; да не рабствуетъ предъ фортуною и не спрашится бѣдности! Бѣдность — превосходнѣйшее училище людей. Если она усѣваетъ путь жизни терніями

жестокими, что на каждомъ шагу открываемъ шакіе опыты, шакія испины, шакія невидимы съ высоты чертоговъ. На семь пути человекъ узнаеть человека, и научається любить его: ибо видишь, что большая часть людей — несчастны; на семь пути, привыкая ожидать всего единственно ошь себя, убогий пріобрѣтаешь мужество и силу души, первыя свойства Геніевъ благородныхъ, свойства, чуждыя сыновъ счастья, которые возрастають, какъ вѣлви на опорахъ, слабые, чтобы выносишь удары бури. Я не говорю, что богатство бесполезно для ума, но что умъ не долженъ раболѣпствовать фортунѣ. — Если жь писателю такое опреченіе шягосно; да оставишь онъ поприще письменъ, да ищеть другаго пути: ихъ много, что бы приносишь пользу опечеству и заслуживаешь доброе имя. Фортуна жь и Меценаты, копорыхъ онъ будешь искашь, продають благосклонности свои за шакія жертвы, кошорыхъ почти нельзя принесть не на счетъ своей чести. —

Наконецъ писатель да любить болѣе

всего языкъ свой. Могущественнѣйшая связь человѣческихъ обществъ, узелъ, которой сопрягается съ нашими нравами, съ нашими обычаями, съ нашими сладостнѣйшими воспоминаніями — есть языкъ отцовъ нашихъ! И величайшее униженіе народа есть то, когда языкъ его пренебрегають для языка чуждаго. Да вопіетъ пропиву зла сего каждый, ревнущій просвѣщенію, да гремитъ немолчно и поэзіей и краснорѣчіемъ! Пусть онъ въ жолчь негодованія омачиваетъ перо и всѣмъ могуществомъ слова защищаетъ языкъ свой, какъ свои права, законы, свободу, свое счастье, свою собственную славу!

Слава! . . . Посреди людей, у которыхъ, при одномъ этомъ словѣ, сердца, конечно, бьются живѣе, не имѣю нужды я говорить: да любите писатель славу! И какое благородное сердце не любитъ ея? — Но да не обманываемся; да не сливаемъ въ понятіяхъ извѣстности со славою, или да не почищаемъ славы современной за попомственную. Славу между современниковъ, челоѣку не безъ дарованій, а что еще

важнѣе, не безъ друзей, приобрести нетрудно, а извѣстность можно даже купить: опытнымъ Спрашегикамъ Парнаскимъ способы эти знакомы. Но какую извѣстность при жизни приобрѣлъ Омеръ, или Мильмонъ? Или, напрошивъ, кто изъ современниковъ не рукоплескалъ въ славу Бальзаковъ, Воашюровъ, Марини — имена, о которыхъ, еслибъ я говорилъ не въ Обществѣ вашемъ, долженъ бы сказать, что это имена писателей, вѣкогда до небесъ возносимыхъ (*)? — Слава — богиня безъ памяти, она, какъ эхо земли, повторяетъ единственно, что слышитъ; умолкаютъ уста друзей и современниковъ, съ ними умолкаетъ и хвала ихъ любимцу. — Слава, не слыша его имени, забываетъ и повторяетъ имена только пѣхъ Геніевъ, которымъ хвала

(*) Кончеша Марини, Италіанскаго стихоповода, впрочемъ съ необыкновеннымъ талантомъ, но со вкусомъ испорченнымъ, наполнили во всей Европѣ бесѣды Дворовъ, залы избранныхъ Обществъ, испещряя книги ученыхъ и Литераторовъ въ продолженіе почти всего семнадцатаго столѣтія. *Прим. Сот.*

громче и громче раздается до народовъ новыхъ, до предѣловъ чужеземныхъ; пѣхъ Геніевъ, копорые сквозь пѣму вѣковъ возвышаюся, какъ гордыя главы Кавказа, еще поражающаго взоръ пушника и на пѣхъ долинахъ опдаленныхъ, гдѣ уже не видить онъ его подошвы кремниспой.

Что бы имя писателя переживало вѣки и народы, да посвящаетъ онъ перо свое предметамъ, копорые составляютъ неизмѣнную пищу ума и сердца во всѣхъ вѣкахъ, у всѣхъ народовъ! Пусть онъ пишеть не для челоука, но для челоучества. Платоны и Омеры, Шакспиры и Данцы, Расины и Шиллеры, въ какія бы новыя краски и новыя формы ни облекалось искусство словесное, будупъ вѣчными пишателями ума, воображенія и чувства. — И въ самомъ дѣлѣ, кромѣ любви, единственной страсти, какую поэты нашихъ времянь возвысили до энтузіазма, но копорую образованность у насъ прекраснаго пола, собспвеннымъ могуществомъ, сильнѣе каждаго поэта, воспламенить и возвысить, кромѣ любви сей, или нѣтъ уже ничего болѣе въ сердцахъ

человѣка, споль же благороднаго, споль же необходимаго для его благополучія? Думы высокія, воспорги пламенные, святое пожертвованіе самимъ собою для блага людей, вы, которые напечапльваелесь и въ дѣлахъ и въ помыслахъ душъ благолюбивыхъ, и изъ существа земнаго дѣлаелее существо небесное — гдѣ вы? Ужели сердце наше не пипаелее ихъ болѣе? Уже ли оно, испребивъ сіи хранипельныя начала общеспвь, разорвало всѣ связи? Кажелее, ничто его не заботипль; кажелее, ничто его не колеблелее, кромѣ одного чувства, одной спраспи безжизненной, копороку опдѣляясь, какъ хладною спѣвною, опп общеспва себѣ подобныхъ, челорвѣкъ видипль себя — зрѣлице унылое! — одного въ мірѣ и мірѣ для одного себя.

Пѣсни любви, воспорги наслажденій! Вы всегда буделее сладоспны сердцу, если освящелены его невинноспію. — „А если нѣспль, въ эпомѣ можно ли обвиняспль пѣвцовъ ихъ?“, Писашелее, говоряспль, еспль выраженіе времени, печашелее духа и нравовъ вѣка своего. Какъ? Пѣвецъ, сынъ вдохновенія небеснаго, долженъ быспль сполько эхомъ людей? Онъ,

свободный, долженъ рабски слѣдовать за вѣ-
комъ и, самъ увлекаясь пороками его, долженъ
липать ихъ, осыпать цвѣтами и Музъ
превращать въ сирень, соблазнительницъ
человѣка? Удались, мысль недостойная ра-
зума! Въ царство ужаса, когда законы за-
претили исповѣданіе Создателя, въ дни
безвѣрія и безбожія народнаго, Делиль на
развалинахъ олтарей пѣлъ бытіе Бога и
безсмертіе души. — Вошь подвиги писа-
теля! — Пробудить, вдохнуть, воспламе-
нить спраски благородныя, чувства вы-
сокія, любовь къ вѣрѣ и опечаленію, къ ис-
тинѣ и добродѣтели — вошь, что нужно въ
такое время, когда благороднѣйшими свой-
ствами души жертвуютъ эгоизму, или,
такъ называемому, свѣту ума, когда хо-
лодный умъ сей опустошаетъ сердце, а
низость духа подавляетъ въ немъ все, что
возвышаетъ бытіе челоѣка. — Въ такое
время нужнѣе чрезмѣришь величіе челоѣ-
ка, нежели унижать его; лучше подражать
тѣмъ ваятелямъ древности, которыя про-
изведеніямъ своимъ дали образы благород-
нѣйшіе и величество, превосходящее при-
роду земную, чѣмъ поэзію уподоблять

Цирцеѣ, превратившей въ живописныхъ спутниковъ Одиссея.

На комъ, болѣе нежели на другихъ, лежишь сей долгъ превосходный? — У кого въ рукахъ сія власть завидная? Сыны Аполлона, наследники дара, копорой къ ногамъ Орфея приводилъ звѣрей и двигалъ за нимъ древа и камни — явите намъ въ древнее свое могущество, воспойте намъ пѣсни, копорыя согрѣлибъ умирающее сердце человѣка, копорыя воскресили бъ его къ жизни, достойной мужа! Вопь поприще, вопь ваши подвиги славы! — Такъ, и пошь, чей свѣтлой умъ проникаешъ тайны творенія, и пошь, кпо гармоніей лиры очаровываешъ слухъ, и пошь, кпо силою слова волнуешъ кровь человѣческую, и Философъ и Поэшь и Орапоръ — да не мечтаешъ о славѣ, когда мысль его, при самыхъ блистательныхъ произведеніяхъ, не обращаешся къ сей цѣли благородной, къ сему предопредѣленію письменъ и познаній.

Да будущъ же, ММ. ГГ., и наши всѣ шруды направлены къ сей цѣли. Хотимъ ли мы предсавить свѣспу зрѣлище доблести мирной, или геройства браннаго,

будемъ ли, прелестію Поэзіи, славить чю любовь имѣешь нѣжнаго, дружба ушннпелнаго и несчастіе свашаго, да всѣ произведенія наши носятъ на себѣ печать, если не всегда блестящихъ дарованій, по всегда добрыхъ намѣреній. Такимъ образомъ благошворители и *дѣломъ и словомъ* — вы оставите прекрасныя свидѣтельства шѣхъ благодарній, какія свѣтъ наукъ разливалъ и разливать будетъ на народы. — И надежды на память въ потомствѣ не обманушь васъ. Человѣкъ можетъ бытъ несправедливъ, но родъ человеческій — никогда. —

ДОНЪ КАРЛОСЪ.

Историческое произшествіе XVI столѣтія.

(*Оконтаніе*).

Въ сіе время прибыли Депутаты изъ Фландріи, уполномоченные просить Короля о прощеніи Фламандцевъ, копорыхъ возмущеніе было вынуждено претерпѣваемыми жестокостями. Д. Карлосъ, предвидя, что гоненіе вѣры, безчеловѣчіе и пиратства неслыханныя намѣстниковъ Филипповыхъ во Фландріи доведутъ угнетенный народъ до отчаянія, которое можетъ свергнуть тяжкое иго Испанскаго владычества и возвратитъ независимость прекрасной странѣ, присвоенной оружіемъ Карла V, просилъ отца отправить его для прекращенія безпокойствъ. Депутаты увѣряли Инфанта, что соотечественники ихъ ему преданы, и что одного присутствія его довольно будетъ къ водворенію между ними тишины и спокойствія.

Поддержавъ достоинство Испаніи, славу отца и отправитъ неминуемую

поперю богатѣйшей провинціи Д. Карлосъ поспавлялъ собственною славою. Къ отпѣзду его присоединялась еще и другая причина.

Уже болѣе года. Принцъ не находилъ въ сердцѣ отца другихъ чувствъ, кромѣ холодности. Иногда по цѣлой недѣлѣ Филиппъ не обращалъ на него благосклоннаго вниманія, даже не удостоивалъ взглядомъ; но послѣ коварнаго доноса Герцога Альбы и Руи-Гомеза отецъ поступалъ съ сыномъ, какъ съ послѣднимъ изъ подданныхъ: взоры его были гнѣвны, слова суровы; наследникъ короны, гонимый подозрѣніемъ и недовѣрчивостію своего родителя былъ едва ли не злополучнѣйшимъ изъ смертныхъ. Презрѣніе Короля къ Инфанту ободряло дерзость мстительныхъ вельможъ и Инквизиторовъ. Они не только не показывали къ нему должнаго уваженія, но даже забывали разстояніе подданнаго отъ Принца крови и, втайнѣ надзирая за его поступками, старались ихъ обнаружить предъ Филиппомъ въ шакомъ видѣ, который бы оправдалъ сдѣланный ими доносъ. (*)

(*) Cabrera. Hist. de Philippe II.

Сего довольно было, чтобъ Д. Карлосъ рѣшился искать случая къ отъѣзду, надѣясь заставить злыхъ преслѣдователей усомниться въ своихъ подозрѣніяхъ. Удаленіе изъ Испаніи пиягошило его сердце, но честь собственная, а еще болѣе честь невинно оскорбляемой Изабеллы утвердила его въ семъ намѣреніи, отъ котораго чувствительная Королева, какъ бы предвидя угрожающія бѣдствія, не отклоняла Принца, но еще убѣждала его не терять времени. —

Филиппъ просьбою сына казался довольнымъ; онъ даже обѣщаль соупствоваць ему до Байоны и повелѣль для сего сдѣлать великолѣпныя приугошвенія. Министры, видя, что съ отъѣздомъ Принца изъ Испаніи разрушаются коварныя ихъ планы къ его погубленію, представили Королю опасность сего важнаго порученія Принцу высококомѣрному, который, если отправится въ Нидерланды въ лицѣ его намѣстника, безъ сомнѣнія можешь содѣйствіемъ Королевы приобрѣсть помощь Франціи и, отклонясь отъ власи отца, сдѣлаться независимымъ власпединомъ Фламандцевъ.

Сии предспавленія сильно подѣйствова-
вали на Филиппа опть природы малодуш-
наго и власполюбиваго. Убѣжденный со-
вѣтами, онъ перемѣнилъ уже сдѣланное
назначеніе и безъ всякой причины отка-
заль изумленному Инфанпу опть началь-
ства войсками во Фландріи; а, дабы избѣ-
гнушь запруднительныхъ объясненій, ска-
зался больнымъ и подъ сию предлогомъ
запрешилъ ему къ себѣ доспупъ. — Мни-
мая болѣзнь въ послѣдствіи преврапилась
въ дѣйствительную.

Отказъ Филиппа сильно огорчилъ Д.
Карлоса; увлекаемый неудовольствіемъ,
онъ позволилъ себѣ дерзкіе опзывы о сво-
емъ родителѣ. Однажды, находясь у Коро-
левы съ Д. Жуаномъ и Принцессою Эбо-
ли, Инфантъ въ свободномъ разговорѣ
шупиль на счетъ пушешествія Короля,
кошорое предположено было для сопро-
вѣденія его въ Нидерланды. Онъ сказа-
ль, что покойный Императоръ Карль V мно-
го пушешествовалъ и для пользы соб-
спвенной и для пользы сына, но что Фи-
липпъ напросивъ и за отца и за сына

отдыхаетъ (*) При семь, взявъ со стола листъ бумаги, сложилъ его въ маленькую шепрадку и написалъ на первой страницѣ:
Важное и достопамятное путешествіе

- *) Жизнь Карла V была непрерывною дѣятельностію души и тѣла. Неупомимо-стію и мужествомъ уподобляясь Юлію Цезарю, онъ совершилъ 9 походовъ въ Германію, 6 въ Испанію, 10 въ Нидерланды, 7 въ Италію, 4 во Францію, 2 въ Англію и 2 въ Африку. — Лично предводилъ въ 46 сухопутныхъ и 24 морскихъ сраженіяхъ, одержалъ 40 знаменитыхъ побѣдъ, взялъ 800 крѣпостей, городовъ и мѣстечекъ. Предпріимчивость его преодолевала всѣ затрудненія. Счастье и отважность полководцевъ его Корнеца и Пизарро доставили ему богатые Американскія области Мексику, Хили и Перу. Двадцать милліоновъ жителей новооткрытой части свѣта заплашили жизнью, защищая свою независимость. Робертсонъ и другіе Историки Карла V повѣствуютъ, что не было Государя, искуснѣе его въ походахъ. Онъ въ дѣйствіяхъ своихъ, такъ сказать, соединялъ духовный миръ съ земнымъ, крестъ съ мечемъ, друзей съ врагами, вънося съ пресупленіемъ кляшвъ. Макиавель былъ любезнѣйшимъ его наставникомъ; онъ царствовалъ, какъ Государь — завоева-

Испанскаго Короля Донъ-Филиппа II, достойное сохранился въ лѣтописяхъ Истории; на прочихъ же страницахъ означилъ слѣдующія оглавленія: Путешествіе изъ Мадрита въ Эскуриалъ; — путешествіе изъ Эскуриала въ Толедо; — изъ Толедо въ Мадритъ; изъ Мадрита въ Аранжусъ; — изъ Аранжуса въ Пардо; — изъ

пелъ; умеръ, какъ человекъ — философъ: и еслибъ въ поступкахъ Карла не обнаруживались иногда въроломство и варварская жестокость, то онъ по широкости своего ума и знаменитымъ подвигамъ могъ бы спастись на ряду съ славнѣйшими Государями; на прошивъ Филиппъ II представлялъ разительную прошивоположность: онъ одинъ только разъ въ жизни присушествовалъ въ сраженіи при Сениль-Каншенъ — и съ того времени планы военныхъ дѣйствій насылалъ изъ кабинета, довѣряя исполненіе оныхъ Герцогу Альбъ и другимъ полководцамъ; самъ же чрезвычайно рѣдко показывался подданнымъ. Мезерай въ семъ случаѣ уподобляетъ его кумиру, кошорый Индѣйцы только въ извѣстные дни выставляють народу для внушенія вѣщаго благоговѣнія къ обоготворяемому испукану.

Робертсонъ: Исторія Карла V.

Пардо въ Эскуриалѣ и проч. — Такимъ образомъ онъ наполнилъ всѣ страницы путешешствіями Филиппа въ увеселительные замки и скрытно показалъ бумагу Королевѣ, которая не могла воздержаться отъ смѣха. При концѣ чтенія сей забавной росписи, извѣстили ихъ о приключившемся Королю болѣзненномъ припадкѣ. Изабелла отдала листки Д. Карлосу и поспѣшила къ супругу, — а Инфантъ спряталъ ихъ въ Королевиномъ кабинетѣ, который по выходѣ заперъ, не зная, что Принцесса Эболи имѣла у себя поддѣльные ключи отъ всѣхъ замковъ Королевиныхъ комнашь и шкапулокъ. Она воспользовалась коварнымъ средствомъ: въ отсутствіи Государыни вошла въ кабинетъ и отыскала шешрадку, которая сколько забавляла Королеву и Принца. Прочія оную, злобная женщина исполнилась адскою радостію, видя въ рукахъ своихъ вѣрное средство къ злополучію Карлоса; но, зная, что Изабелла по возвращеніи будетъ безпокоиться о сей пошерѣ, она сдѣлала другую шешрадку, совершенно подобную похищенной, подписала весьма сход-

но подъ руку Принца и положила ее на мѣсто подлинной, копорую ошдала своему мужу. Королева дѣйствительно о ней вспомнила и, по указанію Инфанша, отыскавъ поддѣланную, бросила въ огонь. — Шутка казалась забытою.

Мяшежники Фландріи воспользовались болѣзнію Короля. Узнавъ, что Филиппъ предполагалъ по выздоровленіи лично выступить съ сильною арміею для приведенія ихъ въ покорность, знаменитые Вильгельмъ Нассау Принцъ Оранскій и Графъ Эгмонъ вооружили народъ къ единодушному сопротивленію. — Сіе извѣстіе вспревозмогло больного; послѣ слабости ему приключилась сильная лихорадка. — Злобный Король, и въ изнеможеніи усиливался спѣснить несчастныхъ Фламандцевъ, говорилъ окружающимъ его Инквизиторамъ: *Никогда не дамъ я имъ свободы въ вѣрѣ, хотя бы и власть моя подверглась опасности!* — У меня есть тѣлницы, висѣлицы, эшафоты и костры для безбожныхъ еретиковъ (*).

(*) Histoire Ecclesiastique, par l'Abbé Fleury.

Королева, исполняя обязанность супруги, находилась при больномъ безошлучно. Чшожь касаеця до Инфанша, то Филиппъ при самыхъ сильныхъ параксизмахъ не забывалъ подшверждать дежурнымъ Камергерамъ, дабы его къ нему не выпускали.

Не видясь съ Изабеллой, Карлось для облегченія печали не нашель другаго средства, какъ повѣрялъ письмамъ своимъ чувства. Переписка производилась чрезъ Маркиза Позу, преданнаго Инфаншу друга, кошорый опличными достоинствами приобрѣлъ въ скоромъ времени полную довѣренность Королевы. Изабелла, не зная, что окружающіе ее толковали въ дурную сторону ея отношеніе къ Маркизу, при всякомъ удобномъ случаѣ осыпала милостіями вѣрнаго любимца Инфаншова — и сіе обхожденіе послужило новымъ орудіемъ злословію и коварству.

Послѣ шрехмѣсячной болѣзни Филиппъ выздоровѣлъ. Вельможи и придворные, опасаясь, дабы Маркизь, при постепенномъ возвышеніи, не оспоривалъ ихъ силы въ государствѣ, согласились увѣдо-

жить Короля, что сей молодой дворянинъ привлекательною наружностію своею успѣлъ, подобно Имфанту, преступно украсился въ благосклонность Королевы; въ тоже время Принцесса Эболи донесла ему о беремености Изабеллы. Сердце пирана воспалило ревностію; чѣмъ болѣе находилъ онъ въ Маркизѣ достоинствъ, тѣмъ болѣе вѣрилъ клеветѣ. Въ стремленіи гнѣва и мнительности онъ выходилъ изъ предѣловъ благоразумія; всѣ его наблюденія усугубляли его безпокойство, — нечаянный случай наконецъ утвердилъ подозрѣніе.

Въ числѣ увеселеній, приуготовленныхъ по случаю выздоровленія Короля, данъ былъ блистательный карусель; каждый кавалеръ, слѣдуя обыкновенію, посвящалъ себя одной изъ придворныхъ дамъ и носилъ ея девизъ. Королева наканунѣ празднества, спрашивая Маркиза о тѣхъ, копорымъ сыскались рыцари, шулкою изъявила неудовольствіе, что она лишена сей чести. Поза отвѣчала съ пришвornoю важностію, что въ семъ случаѣ должно жаловаться на природу, и еслибъ су-

пруга Филиппа была столь же прелестна, какъ прочія, шо безъ сомнѣнія приобрѣла бы и себѣ достойнаго кавалера. Придворные, находившіеся при семъ разговорѣ, приняли оспроту со смѣхомъ, но Изабелла голосомъ повелительнымъ объявила ему, что, въ наказаніе за дерзость, онъ долженъ бытъ ея кавалеромъ и предъ всѣми носить спыдъ въ турнирѣ (*).

Филиппу перешолковали, что въ шуткѣ сей скрывалась шайна взаимной снра-спы, и что разговоръ былъ ничто иное, какъ хитроспъ Королевы, дабы предсшавишь случай своему любимцу бытъ ея рыцаремъ. Сіе казалось тѣмъ боѣе правдоподобнымъ, что въ назначенный для каруселя день Маркизь появился, имѣя на щитѣ девизомъ восходящее солнце съ надписью: *Никто не смѣетъ взирать на меня безъ ослѣпленія.* — Въ семъ турнирѣ прекрасный рыцарь Изабеллы былъ первымъ изъ побѣдителей и первый долженъ былъ получишь награду; — но шоржесшво его было преддверіемъ смерти.

(*) Mezerai, dans sa grande Histoire.

Ослѣпленный ревностію Филиппъ увѣ-
рялъ себя, что одна любовь могла сдѣлать
Позу споль мужественнымъ и ловкимъ въ
присутствіи шой, котораго онъ былъ ка-
валеромъ. При каждомъ блистательномъ
движеніи Маркиза, чувства его распая-
лись яростію; онъ тщетно старался ошъ
присутствующихъ скрыть смущеніе; ему
измѣнялъ грозный его видъ—и онъ, не дож-
давшись окончанія торжественнаго зръ-
зища, подъ предлогомъ слабости, удалился
во дворець, исполненный злобы. Избирая
средства къ удовлетворенію мщенія, онъ
оспановился на смерти Маркиза.

Тремъ злодѣямъ поручено было совер-
шить убійство. Нещасный Поза про-
велъ съ чрезвычайнымъ торжествомъ и
удовольствіемъ послѣдній день своей жиз-
ни. Утромъ онъ принималъ у себя поздра-
вленія придворныхъ, какъ побѣдитель на
карусели; ввечеру у Инфанта былъ бли-
стательный балъ въ честь друга, на ко-
торомъ присутствовали Король и Короле-
ва, и гдѣ вѣроломный Филиппъ, прикрыва-
вая ласковою наружностію адскій свой у-
мысль, предпочтительно оказывалъ Мар-

кизу благосклонность, — а въ полночь, обольщенный счастьемъ, злополучный Поза, возвращаясь домой, пронзенъ кинжалами отъ руки замаскированныхъ наемниковъ лютого деспота. — (*)

Изабелла и Д. Карлосъ съ ужасомъ узнали о смерти ихъ друга; они имѣли причины подозрѣвать Короля виновникомъ сего убійства шѣмъ болѣе, что злодѣяніе сіе оставлено безъ изслѣдованія. —

Тогда Д. Карлосъ возобновилъ просьбу объ отправленіи его во Фландрію, гдѣ смущенное положеніе дѣлъ прѣбывало средствъ скорыхъ и сильныхъ. Онъ говорилъ отцу съ такимъ убѣжденіемъ, что привелъ его въ недоумѣніе. Филиппъ, опасаясь отказать раздражись горестъ Инфанта о потерѣ друга, но вмѣстѣ съ шѣмъ помня предсавленія Герцога Альбы и Руи-Гомеза, находился въ сильномъ безпокойствѣ и нервности. *Подумаю*, сказала наконецъ Король, прекращая разговоръ, *подумаю: важность твоей просьбы требуетъ размышленій!*

(*) Mezerai, dans sa grande Histoire.

Онъ обратился къ Руи-Гомезу и, представляя усиленную просьбу сына, требовалъ его совѣта. Вельможа — предатель, не забывая плана, обдуманнаго имъ съ Герцогомъ Альбою, снова употребилъ всю силу краснорѣчія къ убѣжденію Государя отказать Принцу; поколебая Филиппа, онъ наконецъ сказалъ ему, что обязанность принуждаетъ его съ прискорбіемъ открити доказательство прямыхъ чувствъ сына къ своему родителю. При семъ онъ подалъ похищенную шепрадку, которую Королева считала испребленною. Филиппъ, обзрѣвъ насмѣшливый планъ своего несчастія, безъ затрудненія узналъ почеркъ Инфанта. При свидѣтельствѣ столь явнаго оскорбленія, въ душѣ его пробудилось прежнее подозрѣніе о преслупной любви сына. Ожесточенный, непримиримый, но еще безпокоймый молвою о убійствѣ Позы, онъ скрѣпилъ на время свои чувства, чтобы въ послѣдствіи обнаружить ихъ со всѣмъ стремленіемъ свирѣпости.

Онъ велѣлъ объявить Принцу, что не соглашается на отправленіе его въ Нидерланды, замѣчая, что пылкость и опро-

мълчивость характера не могутъ замѣнить храбрости и благоразумія, пошребныхъ для возстановленія спокойствія въ мятежномъ народѣ; въ слѣдъ за симъ Герцога Альба отправленъ съ сильнымъ войскомъ привести въ повиновеніе (по словамъ Филиппа) бунтующихъ еретиковъ.

При новомъ отказѣ, ложные друзья Д. Карлоса усугубили его опчаяніе, открывъ — что неизвѣстнымъ случаемъ Королю попался сочиненный имъ планъ путешествія; что отказъ сей былъ слѣдствіемъ гнѣва и что нѣтъ надежды умиласпивши раздраженнаго Филиппа.

Увѣренный въ неизбѣжной гибели, Д. Карлосъ принялъ мѣры, внушенныя испушленіемъ. Онъ склонился на убѣжденія Фландрскихъ Депушатовъ, задержанныхъ въ Испаніи. Имянемъ соопечесшвенниковъ они предоспавляли ему полную надъ ними власть, ежели онъ защититъ гонимую ихъ вѣру и признаетъ народныя права.

Приготовляясь къ предпріятію важному и опасному, Принцъ рѣшился, въ случаѣ открытія его покушенія, прекрашитъ жизнь собственною рукою, и въ предос-

порожностью тайно поручилъ сдѣлать въ дверяхъ своей спальни внутреннюю пружину, — заказалъ карманные пистолеты новаго изобрѣненія и, ложась спать всегда клалъ ихъ подъ изголовье вмѣстѣ съ двумя шпагами. — Въ сихъ приуготовленіяхъ онъ забывалъ даже о Изабеллѣ, но менѣе несчастной.

Съ самаго умерщвленія Маркиза Позы, Король не видался съ своею супругою. Злоумышленники, опасаясь, дабы Изабелла при удобномъ случаѣ не смягчила мрачной жестокости Филиппа и не разсѣяла внушенной ему клеветы, изобрѣли самый безумный доносъ, которому только одинъ Филиппъ могъ повѣрить; они сказали ему, что братъ Изабеллы Францискъ II, тогдашній Король Французскій, подверженъ Фамильному припадку, отъ коего исцѣляютъ только напираниемъ кровью младенцевъ (*). — Болѣзнь странная и неслыханная испугала легковѣрнаго Короля, который очень дорожилъ своимъ здоровьемъ. Боясь прилипчивости онъ рѣшился удалиться отъ себя Королеву,

(*) Браншомъ, Мезерай, Кабрера.

запретилъ ей доступъ къ себѣ — и несчастная Государыня, нося залогъ супружеской вѣрности къ недостоинному Филиппу, ясно уже видѣла, что предчувствіе, которое возмущало ее при выѣздѣ изъ Франціи, начинается сбываться.

Д. Карлосъ приуговорилъ всѣ способы къ побѣгу во Фландрію. Севильскіе жигелы чрезъ присланнаго повѣреннаго доставили ему сто пятьдесятъ тысячъ ефимковъ; уже приказалъ онъ сопровождающимъ его вооружиться на случай сопротивленія въ пунти, и думалъ, что все сокрыто въ шайнѣ: но Д. Жуанъ проникъ умысль и поспѣшилъ увѣдомить Короля.

Филиппъ, приведенный въ смятеніе, думалъ, что сынъ его или рѣшился на побѣгъ, или съ вооруженными приверженцами посягаетъ на его власць; онъ не зналъ на чемъ утвердиться? Въ сіе время вывелъ его изъ сомнѣнія Директоръ почтъ, который донесъ, что неизвѣстный Французъ, присланный къ нему отъ Королевы, действительно пребоваъ, чтобъ къ двѣнадцати часамъ ночи у него были въ готовности при лошади. Сіе извѣстіе снова затруд-

вило Короля; онъ былъ въ недоумѣннн: повелѣнь ли имѣнь спрогій присмотръ за Инфантомъ, или немедленно его захва- шипъ; по долгомъ разсужденнн съ Руи-Го- мезомъ Филиппъ предпочель послѣднее.

Несчастный Принць дѣйснвншельно избраль сню самую ночь для своего опѣвз- да. — Послѣдннй вечеръ онъ цю ошель у И- забеллы и, возвращась, нашель у себя Руи- Гомеза, копорый объявиль ему о возмуще- ннн Мавровъ. Хнпрый Миннспрь шакъ умѣль искусно продолжншь разговоръ, цпо Д. Карлосу оспавалось мало времени оп- правлянься въ цупь и опдались на довольное распоянне прешде, нежели оп- кроелся бѣгснво. Сне заспавнло его оп- срочншь опѣвздъ до слѣдующей ночи.

Едва вышель Руи-Гомезъ, какъ Д. Кар- лосъ расположнлся къ покою; но въ сне время дворець его со всѣхъ сппоронъ окружень былъ спражею и ко всѣмъ выходамъ ком- нашь прнспавлены часовые. Приказано былъ Эскурнальскому слѣсарю опперешъ за- мокъ у дверей, а Графу Лермѣ войцн въ комнату Инфанта и опнобращъ оружне; ему не шрудно было исполншь сне пору-

ченіе. Принцъ уже погруженъ былъ въ глубокій сонъ; черпы его представляли душевную горестъ, но не безпокойство, свойственное порочной совѣсти; взирая на него, можно было повѣрить, что одна только сильная печаль и ненависть опца внушили злополучному смѣлость рѣшился на опчаянное предпріятіе — другія же спрасши не обольщали его въ семь намѣреніи.

Король, гнѣвный и неперпвлиный, слѣдовалъ за Графомъ Лермою, сопровождаемый шлохранишелями. Внезапный шумъ, пробудилъ Д. Карлоса. Первыя слова его были: *Небо! я погибъ!* Филиппъ объявилъ, что сіи мѣры приняны къ собственному его благу. — Инфантъ, видя въ рукахъ опца письма Изабеллы и Нидерландскихъ мятежниковъ, объявилъ былъ такимъ ужасомъ, что спремипельно бросился въ разложенный въ каминѣ огонь. Съ великимъ усиліемъ опшлекли его, но онъ былъ неушъщенъ, не находя средшвъ прекратишь свою жизнь.

Между шѣмъ поспѣшали исполнять жестокія повелѣнія Филиппа. Всѣ мебели

были вынесены изъ комнасть; оставленъ одинъ соломенной шюфякъ; Принца одѣли въ глубокий прауръ, — при немъ находилось нѣсколько людей, ему неизвѣстныхъ; они одѣты были въ черные погребальные плащи и лица ихъ закрыты были масками. — Въ глубокомъ ихъ молчаніи и во всемъ, окружавшемъ наследника могущественной короны, предсавлялся ужасный образъ смерти.

Король съ великимъ вниманіемъ перечитывалъ бумаги, захваченныя у Принца. Онъ содрогнулся отъ угрожавшей опасности, найдя предложенія Фламандцевъ, желавшихъ свергнуть иго Испанскаго деспотизма: — но ничто не могло сравниться съ его бѣшенствомъ; когда, между многими письмами Королевы къ его сыну, онъ нашелъ доставленное Маркизомъ Позою во время болѣзни Инфанша въ Алкаль. Ревность не разбираетъ чувствъ, не уважаетъ любви опчаянной. Филиппъ, читая сіе письмо, радовался только тому, что супруга и сынъ не избѣгутъ его власти, и что онъ наконецъ можетъ излить на нихъ все свое мщеніе; сія жесто-

кая радость рѣшила его бorenіе—и пылкая злоба, охладѣвая, обратилась въ неумолимую швердость.

Скоро послѣ сего повлекли на эшафотъ извѣстныхъ любимцевъ Д. Карлоса. Изъ осужденныхъ одному только Маркизу Бергу позволено было оправить себя самому, — и по предснательству его друга Руи-Гомеза. Не заботились, въ чемъ состояло ихъ преступленіе: всѣхъ осудили безъ суда и казнили для того, чшобъ придать болѣе важности открытому заговору. (*)

Сердце Филиппа опредѣлило смертный приговоръ сыну, но Европа внимательно взирала на происшествія въ Мадридѣ. Императоръ Римскій, Король Французскій и Государыня Англій, могущественная Елисавета, замѣтили Филиппу, что имя его содѣлается ненавистнымъ, если онъ рѣшится обогреть руки кровію Инфанта; — совѣты бесполезные, когда и гласъ природы не вяшенъ былъ для ширана!

(*) Cabrera hist. de Philippe II.

Донъ Карлоса предали суду Инквизиці; вся переписка, по связи его съ Фламандцами, послана Филиппомъ на разсмотрѣніе Кардиналу, великому Инквизитору Синозъ, непримиримому врагу несчастнаго Принца. Можно было предвидѣль, что Принць кромѣ смерти не могъ ожидать другой участи отъ безчеловѣчія верховна-су судилища. Допросъ его, былъ коронокъ: не разыскашь истину было нужно — но осудишь. Кардиналь, усиливаясь придашь болѣе справедливости опредѣленію, утверждая виновнымъ Принца въ мяжежномъ покушеніи, представилъ Королю подложныя докуменшы, убѣждавшіе въ приверженности Д. Карлоса къ Пропеспанско-му исповѣданію. Съ видомъ спрогаго благочестія, онъ говорилъ Филиппу, что до-еольно одного оскорбленія Божества, члпобъ жизнь признашь за долгъ правосудія, — напомнилъ ему покорность Авраамову въ принесеніи на жерпву Исаака, наконецъ благоспъ самаго Предвѣчнаго Отца, Который не пощадилъ Сына своего для искупленія рода челоѣческаго; словомъ, онъ говорилъ все то, что Король желалъ и на-

дѣлся слышать къ извиненію себя въ о-
сужденіи сына (*). —

Кабрера и прочіе Испорики, повѣсп-
вующіе ео царспивованіи сего Государя, гово-
ряпть, что Филиппъ рѣшилса прекрапнпшь
ядомъ дни несчастнаго Принца. Приказа-
но было заражашь оправой плашье, бѣлье и
самую пищу, — но, или молодоспъ, или
крѣпкое сложеніе Д. Карлоса пропвпвобор-
спвовали симъ средспвамъ, — покушеніе
остапалось нѣсколькo дней безуспѣшнымъ.
Мспшптельное перпѣнне ушомилось! Инфан-
ту повѣлно избрапть произвольную смерпъ.
— Если при семъ извѣспнн Принцъ почув-
спвовалъ нѣкопорое смущеніе, то оно не
сполькo производило опъ спраха смерпн,
къ копорой онъ давно былъ прпугоповленъ
и никогда не спрашилса, сколько опъ го-
респной увѣренноспн, что подобная жъ
учаспъ ождаешъ и пту, для спасенія ко-
ей онъ готовъ былъ все пресперпѣпть (**).

(*) С. Реаль. Исторія Д. Карлоса.

(**) Сіе одно раздпрало сердце несчастнаго, но
никакая жалоба не выходила изъ его
устъ, хопя нѣкопорые современныя пн-
сатели въ угожденіе Инквпзпціи и хопь-

Изабелла, съ препепомъ узнаеъ о гибели, предстоящей Д. Карлосу, умоляла его чрезъ Графа Лерму просить свиданія съ Королемъ; изъ одного повиновенія онъ послѣдовалъ ея совѣту, зная впрочемъ непреклонное упорство Филиппа. Когда извѣстии, что опецъ его приближается, — *скажите лучше, опвѣчалъ онъ, мой Король, а не отецъ!* Рѣшиась во всемъ исполнить волю Изабеллы, онъ упалъ на колѣна предъ Филиппомъ и просилъ о пощаду собственнотой его крови. — Опецъ не изъявилъ соспраданія. — *Когда ц. меня дурная кровь, я даю медуку ее выпустить*, опвѣчалъ онъ. Униженный сими словами, Инфантъ вспалъ и спросилъ спражей, готова ли для него смерпная ванна? — Король желалъ проникнуть послѣднія его чувства, но безнадежный Карлосъ, принявъ свойспвенное ему величје и спокойной усспремя взоръ на опца, опвѣчалъ швердымъ голосомъ: *если бы люди, къ коимъ цваженіе и привл-*

ли омрачить память сего Принца, приписывая ему при послѣднихъ минупахъ жизни недоспнойное малодушіе, какъ бы оправдывающее люпость Короля.

ванность моя конгится вмѣстѣ съ жизнью, не убѣдили меня васъ видѣть, никогда бы я не дошелъ до того, чтобъ просить себѣ помилованія. Знайте, что моя смерть принесетъ мнѣ болѣе славы, нежели вамъ, Государь, ваша жизнь!“ При сихъ словахъ Филиппъ безмолшвуя, удалился. Донъ Карлосъ вошелъ въ ванну, велѣлъ себѣ опкрыть жилы, и просилъ всѣхъ выпши. Тогда онъ снялъ съ себя миніапюрный поршрешъ, всегда носимый имъ на шеѣ, поршрешъ, дополъ съ такимъ попеченіемъ хранимый и полученный имъ въ счастливое время, когда Франція и Испанія назначали Изабеллу ему супругою. Угасающіе взоры его были устремлены на милья черпты до той самой минушты, пока смертная слабость не закрыла ихъ на вѣки.— Это было 25 Іюля, 1568 года (*).

Хотя духовные и суевѣрная Мадридская чернь не были разположены къ Инфанпу, но Филиппъ зналъ, что дворянство и жишели провинцій, гдѣ сыну его случалось бышь, всегда оказывали къ Д.

(*) Brantome, Mezerai, Cabrera.

Карлосу особенную приверженность и уваженіе, называя его *надеждою, славою и украшеніемъ Испаніи*. По сей причинѣ долго паили о смерти Инфанша. Чѣмъ пріуготовивъ народъ, прежде разглашали, что онъ опасно болѣнъ; болѣзнь сію приписывали слѣдствію порочной жизни — наконецъ объявили о его кончинѣ. Сіе извѣстіе опечалило всѣ соспоянія; самые даже недоброжелатели были пронупы поперее Принца. Благородный Графъ Лерма, по волѣ Короля находившійся при заключенномъ, былъ неуѣшенъ. Онъ въ последнее время успѣлъ проникнуть до спонства Д. Карлоса, доброту его сердца, и убѣдился на опытъ, что смертію Инфанша Государство лишилось надежды опдохнуть послѣ грознаго царствованія его ошца. Болзненный Филиппъ совсѣмъ опспунилъ опъ своихъ правилъ; для ушѣшенія наиболѣе огорченныхъ, онъ пожаловалъ Графу богатое помѣстье, наименовалъ его своимъ Камергеромъ и, къ удивленію народа, наградилъ съ необыкновенною щедростію служителей Д. Карлоса, думая милостями усыпить чувства соболзнова-

нія, изъявляемыя ими къ участи его сына но весьма обманулся. Сіе шолько обнаруживало скрываемуя шайну и увеличило справедливое подозрѣніе народа.

Не извѣстно, угрызеніе ли совѣсти, или припворство побудило Филиппа согласиться отдасть послѣдній долгъ Д. Кардосу великолѣпнымъ погребеніемъ его тѣла. Жишпели, Мадриша всѣхъ соспояній, кромѣ духовныхъ, просили Короля предоставить сіе ихъ попеченію. Тогда-то обнаружилась ихъ любовь и уваженіе къ Инфаншу. Ревность и усердіе въ пожертвованіи просширались до невѣроятности. Сверхъ чрезвычайныхъ издержекъ сего торжественнаго погребенія, оспалось еще лишней суммы восемь тысячъ шесть сотъ піаспровъ, которые были розданы девяти бѣднѣйшимъ семействамъ. — Король не присушествовалъ при совершеніи обряда, опасаясь, чшобъ равнодушіемъ не измѣнилъ себя въ глазахъ народа. Онъ находился во дворцѣ и смолрѣлъ изъ окна на печальное шествіе. Два сына Императора Карла V въ глубокомъ шраурѣ сопровождали гробъ. По приближеніи ко храму,

Кардиналь Спиноза, предшествовавший
 тѣлу, удалися подь предлогомъ внезапной
 слабости. Многие, зная, что онъ былъ о-
 динъ изъ жеспочайшихъ враговъ Д. Кар-
 лоса, говорили въ слухъ, что Кардиналь
 проспираешъ и за гробъ къ нему ненависть,
 копорую обнаруживалъ къ живому (*). —
 Между тѣмъ признапельность слышала
 почпишь память злополучнаго Принца.
 Въ преддверіи храма была начерпана зо-
 лотыми буквами слѣдующая надпись: *не-
 бо похитило его отъ насъ, чтобъ ковар-
 ство вѣка не премѣнило его сердца и леть
 не омрагилабъ его разума!* — Все, что
 глубокая печаль и приверженность могли
 вымыслишь къ выраженію чувствъ наро-
 да, все было предспавлено въ превосход-
 номъ мавзолеѣ, на копоромъ между вели-
 колѣпными украшениями начерпано было:
*Въ вѣгнцю память Донъ Карлоса, Прин-
 ца Испании, обѣихъ Сицилій, Бельгии и Ци-
 зальпинии, Наслѣдника Новаго Свѣта,
 несравненнаго по велигію души, по добро-
 дѣтели и любви къ справедливости!*

(*) Cabrera. Histoire de Dom-Juan.

Сіе поржественное свидѣтельство общей признапельности ручается за достоинства и правопу Д. Карлоса убѣдительнѣ всѣхъ полковъ современныхъ писапелей того вѣка, копорыхъ леснь къ Филиппу увлекала къ нарушенію истины въ преданіяхъ Исторіи.

Мщеніе Короля не было удовлетворено смершю сына; ему нужна была другая жертва, дабы въ короткое время осудить злодѣяніями совѣсь свою на вѣчное шержаніе. Браншомъ, Кабрера, Мезерай и другіе — согласно утверждаютъ, что Филиппъ, видя близкое разрѣшеніе беременности Королевы, принудилъ ее за лѣкарство выпить купоросъ, отъ чего она чрезъ часъ скончалась въ ужасныхъ мученіяхъ. По вскрытіи тѣла несчастной Государыни, нашли, что ея внутренность вмѣстѣ съ младенцемъ совершенно была обожена. Сіе случилось, спустя нѣсколько мѣсяцовъ послѣ смерти Инфанша. Жизнь Изабеллы угасла на двадцать четвертомъ году въ самомъ совершенствѣ душевныхъ и наружныхъ прелеостей. Красота сей Королевы охладила чувства природной любви отца

къ сыну и показала свѣшу ужасный примѣръ варварства властелина, образованнаго злобными и суетными наставниками; — но память ея оспалась благословенною для Франціи: она спасла ей Генриха! —

Судьба въ скоромъ времени опмстила смерть несчастныхъ жертвъ. Коварные гонители, успроившіе ихъ гибель, носпигнушы въ свою очередь бѣдспвіемъ одинъ послѣ другаго: Руи-Гомезъ, по связи Короля съ Принцессою Эболи, принужденъ былъ распоргнуть бракъ съ недоспойною супругою и удалиться опъ всѣхъ должностей. Донъ Жуанъ, въ достойную награду геройства, заслупившій санъ намѣстника Фландріи, по клеветамъ злобной любимицы Филиппа, отправленъ былъ въ лагеръ близъ Намура (*).

(*) Сентъ-Реаль, основываясь на преданіи писателей того вѣка, ушверждаетъ, что Принцесса Эболи, войдя въ предосудительную связь съ Королемъ, всегда опасалась, дабы прежнее поведеніе ея съ Д. Жуамомъ не обнаружилось предъ Филиппомъ опъ нескромности Принца, — умыслила страхъ свой разбѣль его смершію.

Сама Эболи, по изобличеніи клеветы, ввержена въ пемницу и уморена голодомъ. — Наконецъ Провидѣніе, освобождая міръ отъ кровожаднаго чудовища, поразило Филиппа ударомъ, отъ котораго прекратилась его жизнь на семьдесятъ вшоромъ году отъ рожденія.

Послѣдніе годы его царствованія представляли самое печальное зрѣлище: Генрихъ IV, Король Французскій, распрохъ его сухопутную силу; въ грозной его Экспедиціи противъ Англии, флотъ, соруженный неисчешными издержками и названный *Непобѣдимымъ*, весь испребленъ бурей; Фландрія совершенно опторглась отъ Испанскаго владычества и стала независимымъ Государствомъ подъ названіемъ Батавской Республики. — Словомъ, Филиппъ въ послѣдніе пять лѣтъ своей жизни уже не представлялъ Короля, но какъ бы тѣнь, или безчувственное тѣло, на которое взирали съ презрѣніемъ и обременяли проклятіями, желая скорѣе видѣть опкрытымъ гробъ, его ожидавшій.

Я. Лыкошичъ.

ЗАПИСКИ О ГОЛЛАНДИИ

1815 года.

(*Продолженіе*).

Вошь, какъ живушь Голландцы.

Разположеніе домовъ вездѣ одинаково: снизу успроены или кладовыя, или лавки, въ коихъ передняя стѣна вся спекольчашая; во впоромъ эшажъ чистые, или жилые покои; вверху спальня и дѣтскія. На лестницу, изъ краснаго дерева или изъ мрамора, идешь по ковру, заложенному бронзовыми задвижками; коридоры, находящіеся по срединѣ эшажей, выложены обыкновенно мраморомъ по полу и изразцами по стѣнамъ; на обѣ стороны разположены покои, успанные

дорогими коврами; мраморные каминны, зеркало во всю стѣну, шпофные обои и занавѣсы, прекрасная мебель и бронза, составляють принадлежность всѣхъ во-вобще покоевъ. Въ срединѣ коридора кухня, плѣняющая глаза чистотою. Въ ней вы видите маленькой мраморной очагъ, съ мѣдною рѣшеткою и маленькимъ треножникомъ, подъ которымъ горитъ плитка турфу. — На этомъ очагѣ пригощавляется все кушанье — и хозяинъ дому часто приглашаетъ васъ завпракать, или пить чай, въ кухню, гдѣ вы поджариваете сами посты, или смотрите съ какою чистотою, возбуждающею аппетитъ, вамъ хозяйка готовитъ завтракъ. Мраморный полъ и изразцы по стѣнамъ блестятъ, какъ стекло; посуда горитъ, какъ жаръ. Подлѣ очага придѣлана ручка отъ помпы; спойтъ только качнуть, три или четыре раза, — и хрустѣлая вода побѣжитъ въ мраморную чашу, имѣющую отверстіе въ трубу, для стоку всякой нечистоты изъ кухни. — Каналы на улицахъ имѣють сообщеніе съ бассейнами, находящимися подъ дома-

ми для воды, которая въ нѣкоторыхъ домахъ пробирается въ бассейнъ сквозь цѣдильной камень.

Маленькая узенькая лесенка ведетъ изъ средняго этажа на верхъ, гдѣ вы видите большею частію, особенно для дѣтей, вмѣсто кроватей шкафы съ постелями, запирающимися на день. Бѣлье чистое, спонкое и перемѣняется дважды въ недѣлю, что необходимо для здоровья въ здѣшнемъ климатѣ.

Для большихъ постели съ шелковыми завѣсами; три или четыре перины; два или три одѣяла и наконецъ пуховикъ еще вмѣсто одѣяла. Сырой климатъ, а часомъ и холодъ, прошиву коего Голландцы не имѣютъ ни двойныхъ рамъ ни печей, заставляють ихъ такъ кушаться. Фарфоровой или фаянсовой умывальникъ, съ чистымъ каждой день полотенцемъ и съ жидкимъ мыломъ, готовы для вашей услуги. Мыло это, впрочемъ добротное, пахнетъ очень не хорошо, такъ, что бѣлье, вымытое недавно, всегда имѣетъ запахъ. Снурки къ колокольчику приведены изъ всѣхъ комнашь.

Голландцы для себя живутъ хорошо, но только для себя; ибо отецъ, пришедши къ сыну, порознь съ нимъ живущему, во время обѣда, оспановишся въ дверяхъ, скажетъ свою надобность и уйдетъ, не будучи приглашенъ сѣсть за столъ. Три или четыре блюда, изъ коихъ большая половина овощей, всегдашній десертъ и доброе вино составляютъ обѣдъ. Жаркое ѣдятъ съ картофелемъ, салатъ идетъ за особенное блюдо, а десертъ, какъ ягоды или плоды, пересыпавъ сахаромъ, ѣдятъ съ хлѣбомъ, масломъ намазаннымъ. Садясь за столъ и вставая, до сердца прогаешься благочестіемъ Голландцевъ: одинъ изъ дѣпей чипаетъ вслухъ молитву, и всѣ, сложивъ руки и попуя глаза, молятся весьма благоговѣнно.

Мѣлочная точность Голландская видна на каждомъ ихъ шагѣ; иногда она хороша, иногда смѣшна. На примѣръ: мясникъ не рубитъ костей, а пилитъ ихъ, чтобы не пропадалъ для него вѣсъ, въ безчисленныхъ крошкахъ, лепящихся изъ подъ шопора, чтобы фигура мяса была лучше, и чтобы въ супѣ не оставалось

жестяныхъ крошекъ, часто производящихъ дурныя послѣдствія — и это хорошо; но по для меня весьма забавно, что Голландцы чай пьютъ съ толченымъ сахаромъ, чтобъ вѣрнѣе мѣру сахару положить ложкою.

Вечеръ соединяетъ за работою или за чтеніемъ все семейство около стола, или около камина. Въ холодные осенніе вечера женщины спавяютъ себѣ подѣ ноги ящички, въ которомъ помѣщается горшокъ съ разожженнымъ шурфомъ. Такіе ящички употребляютъ вездѣ; услужливостъ предлагаеиъ оныя за двѣ или за три дюшны въ театръ и въ церкви.

Такъ проходитъ вечеръ и оканчивается въ 10 часовъ ужиномъ — и такъ проходитъ вся недѣля. Субота назначена посѣщенію родственниковъ; воскресенье молитвѣ по утру, и гулявию за городомъ послѣ обѣда.

Однѣ женщины, можно сказать, ведутъ домашнюю жизнь. Мужчины бываютъ дома только ночью.

Голландецъ по утру бываетъ въ своей лавкѣ или конторѣ и сидитъ тамъ до

обѣда; биржа занимаетъ у него все послѣобѣденное время до пяти часовъ; а шуль онъ, напившись дома чаю, идетъ въ свой клубъ, гдѣ сидитъ до 10 часовъ, читая газетны, куря табакъ и разсуждая о политическихъ новостяхъ, до копорыхъ Голландцы великіе охотники. Если пойди по домамъ въ шесть часовъ послѣ обѣда, можно подуматъ, что городъ населенъ одними женщинами и дѣтьми. Каждый мущина, будучи непремѣнно членомъ какаго либо клуба, повсядневно присутствуетъ въ ономъ. Клубы состоятъ изъ людей разныхъ свойствъ и состояній, что можно видѣть изъ названій: мѣщанскаго, купческаго, спрѣлецкаго, и горнаго, клуба для чтенія и проч. Иногда въ клубахъ играютъ въ вистъ, боспонъ, пикетъ, употребляя наивозможную точность въ счисленіи фишекъ. Мы, въ номноженіи игры боспонной, отбрасываемъ отъдесятокъ единицы, не превышающія пяти, или прикладываемъ цѣлой десятокъ, ежели оныя выше пяти: — Голландцы не пренебрегаютъ ни чѣмъ. Азартныя же игры, не только въ клу-

бахъ, но и нигдѣ не въ обыкновеніи.

Здѣсь любятъ также театр: многіе ищутъ тамъ своего разсвѣнія. Для сего изъ Гаги прїѣзжаютъ Королевскіе актеры и два раза въ недѣлю дають Голландскія, а одинъ разъ Французскія представленія. Военные офицеры заходъ платяють половину.

Въ субботу, назначенную для родспвенниковъ, Голландцы, въ кругу женщинъ, за трубною табаку и за рюмкою вина, оживляють по немногу воображеніе свое, удрученное расчепами купеческими въ продолженіе цѣлой недѣли; и въ такой бесѣдѣ обыкновенно подають на столъ: вино, рюмки, ящикъ съ новыми трубками, табакъ, и мѣдной сосудъ съ горящею плишкою шурфу.

Въ домахъ, не строго слѣдующихъ предразсудкамъ старины, собирають иногда прїяпельскія общесства и не по суботамъ. Бываютъ ужины, за которыми Голландцы предаются всей веселоспи, къ какой они только способны, и здѣсь - то царствуетъ непринужден-

ное удовольствіе. Французы острѣ на словахъ, Голландцы въ мысляхъ. — Одно заставляетъ болѣе смѣяться; другое дѣлаетъ болѣе впечатлѣнія. Часто круговой покаяль ходитъ по гостямъ; каждый, принявъ его, долженъ пѣть что нибудь, и гитара или форто-піано аккомпанируютъ голосу поющего.

Вспаивая изъ за сполы, каждый оспавляетъ подлѣ своего прибора по серебряной монетѣ, штиверовъ пяти цѣною — для слуги, копорой впрочемъ заслуживаетъ всякое награжденіе за свою дѣятельность и распорочность.

Здѣсь по большой части дѣвушки оспавляютъ всѣ домашнія должности, и проворство ихъ превосходитъ всякое въ роде. Въ домѣ нѣтъ болѣе никого, кромѣ кухарки и служанки, копорыя, сверхъ обыкновенныхъ ежедневныхъ работъ, обязаны каждую субботу мыть полы, стекла, стѣны, посуду, серебро, словомъ: все, что мыть можно. Даже снаружи дома обливаются водою изъ ручныхъ насосовъ, даже мостовую моютъ предъ домомъ. Спудля, софы, перины, тюфяки,

ковры чистятся и выбиваются. Такая чистота необходима, потому что сырой воздухъ и вредныя испаренія заражаютъ всѣ вещи гнилостью и плесенью, ежели ихъ не держать въ опрятности.

Кто бы повѣрилъ, что иногда бываетъ по улицамъ непроходимая грязь—опъ чистоты?

Письмо 6. Роттердамъ.

Въ провинціяхъ, лежащихъ къ границамъ Французскимъ, Голландцы спановящаются полуфранцузами; къ границамъ Нѣмецкимъ они измѣняютъ также свой характеръ. Только здѣсь, въ сердцѣ Голландіи, не смотря на безпрестанное обращеніе съ иностранцами, они сохраняютъ еще въ довольной степени оригинальность свою.

Можетъ быть, продолжительная зависимость много перемѣнила ихъ нравы; можетъ быть, нынѣшнее безсиліе измѣнитъ ихъ еще болѣе, и потому просните меня, друзья мои, что я, въ запискахъ

сихъ, скучая вамъ мѣлочами, до жизни Голландцовъ относящимися, хочу оспавить память характера ихъ въ нынѣшнемъ сословіи. Каждая бездѣлица, каждая подробность, прибавляетъ нѣчто къ абрису той картины, которую изобразить вамъ намѣренъ.

Дѣйствіе внѣшнихъ обстоятельствъ необходимо образуетъ характеръ человѣческой; а для Голландцовъ было довольно важныхъ случаевъ, долженствовавшихъ дать направленіе ихъ нравамъ.

Нѣкогда, въ разговорахъ моихъ съ однимъ благомыслящимъ Голландцомъ, я ужасался тѣмъ жестокостямъ, которыя Филиппъ II употреблялъ для достиженія своихъ намѣреній, — я проклиналъ его; но пріятель мой оспановилъ меня — „удержишься, сказалъ онъ, проклинаешь того человѣка, который заслуживаетъ, чтобы мы воздвигнули ему монументы. Онъ причиною нашего существованія, причиною величія и благоденствія Республики; безъ него мы оспались бы до сихъ поръ безвѣстнымъ наслѣдствомъ какаго

либудь Графа, или переходили изъ рукъ въ руки по владѣтельнымъ Князьямъ Франціи и Германіи съ приданнымъ выморочныхъ наслѣдницъ. Если онъ шираниствомъ надъ нами хотѣлъ удручить насъ подъ желѣзнымъ скиптромъ своимъ: — мы отъ сего узнали себѣ цѣну; ежели преслѣдовалъ, — мы получили твердость духа и непреоборимое перпѣніе; ежели безчисленными войсками думалъ покорить насъ, — мы научились воевать и побѣждать своихъ непріятелей. Ежели онъ хотѣлъ пресѣчь намъ съ моря всякое сообщеніе и уничтожить единственную подпору нашу, торговлю: — мы завели свои флоты, истребили Гишпанскіе — и объ Индіи сдѣлались наградой нашихъ бѣдствій. Ежели онъ, слѣдуя своимъ честолюбивымъ замысламъ, издерживалъ сначала безчисленные милліоны на свои войска во Фландріи и Брабантѣ, — это послужило первымъ поводомъ къ обогащенію нашему. Словомъ: Филиппу мы всѣмъ обязаны; но болѣе всего характеромъ, сохранившимъ насъ при всѣхъ усиліяхъ судьбы и природы, копорья во-

оружались пропиву насъ въ продолженіе двухъ съ половиною столѣтій.

Въ самомъ дѣлѣ: отъ важнаго перевоса, основавшаго свободу Голландцовъ, они въ первые сорокъ лѣтъ своего существованія совершенно сходствовали со Спарпою— нравами, простотою, равенствомъ и чрезвычайною умѣренностію. Папріархальныя времена, казалось, снова появились въ Европѣ. Замки и запоры неизвѣстны были жителямъ Голландіи въ то время; они, имѣя только необходимое и простое, не имѣли надобности и боялись соотечественниковъ своихъ, соединенныхъ вмѣстѣ къ сбереженію отъ непріятелей общихъ стадъ и магазиновъ. Убранство и великолѣпніе хижинъ состояло въ одной числотѣ, и роскошь всего мѣнѣе была извѣстна Голландцамъ тогдашняго времени.

Безпреспанныя сраженія съ непріятелями и бурною стихіею, которую имъ преодолѣть надлежало, приучили ихъ къ внимательности, непрерывной дѣятельности и терпѣнію. Ежели можно было надѣяться на счастье съ одной стороны,

по съ другой надлежало совершенно ожидать всего только опъ перпвня. Общее несчастіе научило единодушю; немовърные труды, подъяныя для созданія себѣ опечества — любви къ оному.

Въ сей степени характеристики Голландцы быстро переступили за предѣль бѣдности къ изобилію. Они прежде сдѣлались богаты, нежели могли померять нравы; богатство сдѣчалось для нихъ общею цѣлю къ благоденствію Республики, а не средствомъ счастья частныхъ лицъ; и Голландцы богатые, изобильные, наводненные золотомъ и серебромъ, сохранили прежнюю простоту нравовъ, златую умѣренность, а слѣдственно и твердость души, исчезающую по большой части съ нѣгою и роскошью.

Таково было состояніе нравовъ при благоденствіи Республики. Но когда частныя междоусобія начали раздирать Государство; когда каждый гражданинъ, для обезпеченія приобрѣтеннаго трудами, началъ считать свою собственность опдѣленною отъ собственности Респуб-

лики: единодушіе исчезло, общественная довѣренность испребилась, и эгоизмъ, мало по малу, заступилъ мѣсто сихъ добродѣтелей. Въ Республикахъ полипическіе перевороты дѣйствуютъ на всѣхъ членовъ оной вообще, и попому въ Голландскомъ характерѣ вдругъ увидѣли смѣшеніе пороковъ и добродѣтелей. Суровость, медленность, недоувѣрчивость и скупость, соединенныя съ вѣрностью, честностью и праводушіемъ, дѣлали Голландцовъ какимъ по феноменомъ, посреди Европейскихъ народовъ.

Иго Французовъ, удручавшее ихъ въ продолженіе 20 лѣтъ, и безпреспанное обращеніе съ ними, измѣнило много наружность характера Голландцовъ. Они оспались по прежнему добры, миролюбивы, щепѣливы и хладнокровны; но научились изъ принужденія принимать на себя несвойственный видъ; сдѣлались предупредительны, надмѣру услужливы, слишкомъ внимательны; присвоили себѣ вѣтреность и легкомысліе Французовъ и, не имѣя ихъ любезности, стали опягошительны сими качествами. Ежели

они кажутся иногда любопытными, энтузиастами: но чувствованія сіи перешли къ нимъ отъ Французовъ, — они не настоящія, — они имъ не свойственны. Настоящая флегма Голландская не шерпиптъ видимаго энтузіазма, и чпобъ возбудишь оную до воспорага, то надлежишь употребишь столько же шруда, какъ и разжечь шурфъ, загорающійся весьма медленно; но за то послѣ, шотъ и другой, горятъ неугасимымъ и продолжительнымъ пламенемъ.

Со всѣмъ шѣмъ, ежели недовѣрчивость Голландская, подавленная продолжительнымъ рабшвомъ, удвоила свой эгоизмъ; ежели народная гордость молчала; ежели Голландцы сдѣлались скупѣе и корыстливѣе: то они въ самомъ дѣлѣ не были шаковыми — они были только несчастны.

~~~~~

Письмо 7. Роттердамъ.

Лѣшомъ, когда всѣ жители развѣзжающія по дачамъ, частныхъ и публичныхъ увеселеній весьма не много: но ше-

перъ ярмонка въ городъ, и увеселенія мало по малу начинаюшся. На сей разъ, по увѣренію жишелей, ярмонка открылась болѣе для забавы, нежели для торговли. Военныя обшопяшпельсшва помѣщали шранзину, и лавки наполнены были бездѣлюшками, а не шоварами. Однакоже каравлы, окруженные опряшными паланками; множество красивыхъ вещей и красивыхъ продавщиць, наполняющихъ оныя; множество людей, шолпящихъ около-шѣхъ и другихъ; шолпы площадныхъ комедіанновъ и музыканшовъ; лубочные шепары; крикъ Арлекиновъ, маріоншонъ; шумъ музыки; волны народа разныхъ націй — дѣлающъ ярмонку весьма занимательною.

Третій мой хозяинъ Полковникъ Національной Гвардіи, С. Жакобъ, бывшій также Подполковникомъ Наполеонова Почешнаго Легіона, и въ которомъ моя счастливая судьба подарила мнѣ любезнаго друга, пріятнѣйшаго шоварища и умнаго чешовъка, досшавлялъ мнѣ несказанное удовольствіе, раздѣляя прогулки мои. Съ утра до вечера я бродилъ по ярмонкѣ; ушередіе С. Жакоба, не ошсшавало ошѣ мое;

его любопытства; мы вѣшивалась во всякую толпу, вслушивались въ новости, или подходили къ красавицѣ, торгующей перчатками, снурочками, ленточками. Я покупалъ ненужную ленточку къ часамъ, или лишнюю пару перчатокъ, дабы имѣть удовольствіе поговорить съ нею, или пошрешать ее по румяной щочкѣ. Успавъ, сажались мы у дверей какаго нибудь клуба (въ каждой почтѣ я былъ введенъ моимъ хозяиномъ), — и шутъ являлись предъ нами фигляры и музыканты показывать за нѣсколько копѣекъ искусство свое. Веселье изображалось, на всѣхъ лицахъ, и оно было не припворное. Кто веселился, не имѣя опредѣленнаго времени своему веселью: никогда не чувствуешь наспоящаго удовольствія, наполняющаго сердца тѣхъ, копорые цѣлые мѣсяцы прудятся для пріобрѣшенія въ годъ двухъ недѣль веселыхъ.

Это народный праздникъ; и хотя дѣла на биржѣ продолжаются, но прочее все опложено; весь городъ съ утра до вечера живешь на улицѣ — и хладнокровные

Голландцы, можно сказать, во всей силѣ словъ, веселяшся на ярмонкѣ.

Театръ открытъ каждый день; Французскіе и Голландскіе спектакли даюцца попеременно. Въ шесть часовъ идешь въ театръ; въ 9 представленіе кончилось и воксалы уже готовы, на перемену удовольствія. Обширный садъ иллюминированъ по всѣмъ дорожкамъ, деревьямъ; огненные и цвѣпочныя гирлянды висятъ на воздухѣ; музыка гремитъ во всѣхъ углахъ сада; въ бесѣдкахъ, въ залахъ, на нарочно устроенныхъ подъ открытымъ небомъ площадкахъ танцуютъ; маленькіе театры забавляютъ своими фарсами.

Однако на одномъ изъ сихъ театровъ я видѣлъ представленіе, которое возмутило мои чувства: Жидъ представлялъ чрезвычайно сходственно Буонапарина и, подражая его тѣлодвиженіямъ и голосу, рассказывалъ о своихъ великихъ предпріятіяхъ, собирався исполнять оныя; но толпа мальчишекъ, одѣтыхъ во Французскіе мундиры, послѣ рабскаго повиновенія, отказывались слушать его, начинали издѣваться и шумить надъ нимъ самымъ

неприспойнымъ образомъ. Ненависть Голландцовъ къ Французамъ и Наполеону заставляла ихъ смѣяться эшимъ фарсамъ; но шулки сіи низки. Лежачаго не бьютъ, говоришь наша пословица, а Голландцы давно опшвыкли опъ сраженій — и не знаютъ сего правила.

Въ два часа все упихаетъ на улицахъ и въ воксалахъ; одинъ шолько спукъ деревянной щелкушки въ рукахъ ночнаго спража (Klapper-man) нарушаетъ мершвую шишину, царспвующую въ городѣ.

Къ осени всѣ загородные жипели съвзжаются, и частныя увеселенія принимаютъ начало; между мѣщаншвомъ и купечешвомъ начинаются вечера и балы — въ складчину. Нѣкоторыя, и особенно дворяне, живутъ опкрытымъ образомъ; но число ихъ не велико. — Однакожь они и мѣютъ шакже, какъ и вездѣ, лакомой спель, прихошливыхъ супругъ, щегольскіе экипажи, званыхъ и не званыхъ обѣдалъ и живутъ, какъ говоришся, умѣючи; но у нихъ, шакже какъ и вездѣ, дружелюбіе, искренность и веселость попереяны: мѣсто оныхъ заступаютъ холодная учши-

вось, застольная ошроша — и :скука. Часно за сими обѣдами предлагали мнѣ смѣшныя вопросы какъ мы пишемъ; какъ одѣвающся женщины наши; даже, есть ли у насъ воскресенье?? — Спранно, что всѣ Европейцы имѣють особенныя понятія о насъ Рускихъ, съ пою разностию, что одни думаютъ спраннѣ другихъ. Иные удивлялись чистотѣ выговора нашего и пріятности нарѣчія, воображая прежде, что Руской языкъ, есть не что иное, какъ варварское лепетанье. Мы Рускіе знаемъ даже, что въ Гишпаніи ѣдятъ Оллу-по-приду и пляшутъ Саробанду; что Турки запирають женъ своихъ; что Караобы убиваютъ ошцовъ; что Голландцы скупы и хорошо солятъ сельдей; что Французы скоры и легкомысленны: а каждый изъ Европейцовъ глядитъ на насъ до сихъ поръ, какъ на чудо: Голландецъ удивляется, что у насъ нѣтъ такой бороды, какъ у Козаковъ, по коимъ онъ судилъ о цѣлой націи; Французъ думаетъ сдѣлать вамъ чрезвычайную учтивость, сказавъ, что вы похожи на Француза; а кажется оружіе Рускихъ довольно показало харак-

перь и обычаи наши всей Европѣ.

Забава молодыхъ людей состоить въ охотѣ; льномъ Маасъ окруженный болотистыми берегами и правою, поросшею выше челоуѣка, изобилуетъ всякою дичиною. Осенью правятъ зайцовъ. Удивительное множество утокъ заспавило нѣкогда Вольпера, въ досадѣ на Голландскихъ книгопродавцовъ, при отъѣздѣ его въ Англію сказавъ:

Adieu canaux, adieu canards, adieu canailles но ему отвѣчалъ нѣкто:

Les canaux et les canards sont restés; la canaille est partie seulement.

Письмо 8. Роттердамъ.

Скажу нѣчто и о прѣсномъ народѣ, но только мимоходомъ; къ сожалѣнію, я не знаю языка Голландскаго, и потому не могу войти въ подробности ихъ жизни.

Увеселенія народныя прѣсны и невинны; полны молодыхъ мушницъ, женщинъ, ребяцъ ходящъ по улицамъ и разпѣвающихъ пѣсни; но пьянства и убійства не

видалъ я ни однажды во все продолженіе пятидесятичнаго пребыванія нашего въ Голландіи, не смотря на то, что въ каждомъ почти домѣ шинки изобилуютъ джиномъ, дешевымъ продуктомъ здѣшнимъ. Есть впротчемъ родъ кулачныхъ дракъ, увеселяющихъ чернь, особенно во время ярмонокъ: двое бойцовъ раздѣваются до пояса; въ каждой сжапой кулакѣ, между пальцевъ снаружи, всовываютъ по шпильверу, исшершемуся въ лиспокъ опъ употребленія и такъ начинаютъ сраженіе. Здѣсь искусство состоитъ не въ томъ, чтобы наносить удары: но чтобы окровавить, изцарапать, сколь можно болѣе своего противника и шѣмъ принудить его къ сдачѣ.

Одежда простаго народа состоитъ изъ куртки, корешкихъ штановъ, деревянныхъ башмаковъ и широкой шляпы; женщины убираютъ головы спраннымъ образомъ: полоса червоннаго золота, въ три пальца шириною, обгибаетъ зашылочъ и выхъ дитъ впередъ ушей завязками; уши обременены огромными сергами погоже мешалла; шея украшена нѣсколькими цѣ-

почками также изъ золота. Спранную прошивоположностъ . соспавляетъ все сіе убранство съ корошенькими, не много ниже кольнъ, юпками и деревянными башмаками.

Между проспымъ народомъ ведется еще обычай держать въ домахъ кубышки, имѣющія одно только опверсшіе, въ кошорое опускаются деньги, каждымъ членомъ семейства, по промзволу ошъ избышка. Крайняя нужда заспавляетъ разбивать кубышку и находить въ ней посильное вспоможеніе. Оныя обыкновенно или спановятся въ углу, или вѣшаютъ ихъ на цѣпяхъ, и каждый поспоронній посѣпитель можеть невозбранно класить шууда, что ему угодно.

Наши мапрузы весьма скоро подружилась съ добрыми Голландцами; и можно было удивляться ихъ разговорамъ, Богъ знаетъ на какомъ языкѣ, кошорой однако же былъ поняшенъ шѣмъ и другимъ. Сначала Рускіе, не привыкнувъ къ обычаямъ радушныхъ своихъ хозлевъ, сердились очень, что сіи хотѣли кормить ихъ правю, давали мало хлѣба и одѣляли, шак-

ими называемымъ, дыравымъ сыромъ, оставая для себя шопъ, копорой плащнѣ. Но когда мы располковали, что спаржа и дудля шравы супъ лакомства, коими хопѣли ихъ подчивашь, какъ любезныхъ госпней — они помирились, но все лучше желали какой нибудь похлебки и больше хлѣба, нежели картофеля и зелени. Что же до сыру: по они никакъ не могли убѣдиться, чтообъ сыръ съ дырочками былъ лучше плащнаго, копораго, по словамъ ихъ, одинъ фунтъ стоилъ двухъ. —

Здѣь мало употребляютъ хлѣба; картофель заснупаетъ большею частію имѣнно онаго, и потому хлѣбъ вообще не хорошъ, особенно ржаной, копорой пекутъ изъ худо перемолошой ржи.

Съѣстные припасы всѣ дешевы чрезвычайно. Въ трактирѣ, за общимъ столомъ, за 18 шпиверовъ, можно имѣть обѣдь изъ четырехъ блюдъ состоящій, десертъ изъ столькихъ же разборовъ плодовъ и полбу пылки вина. За два гульдена можно имѣть ночлегъ, чай по утру и вечеру, и обѣдь.

Такая дешевизна и промышленность

народная, сущь единственныя причины, что здѣсь нѣсть бѣдныхъ; даже въ городахъ нѣсть нищихъ; иногда встрѣчающихся за городомъ; да и шамъ мальчики и дѣвочки, опправляющіе это ремесло, просятъ милостиню боже изъ шалости, не жели изъ нужды. Очень забавны эти шолпы мальчиковъ: ежели имъ дадите двѣ или три дойны, они опспануть, не сказавъ спасибо; если же откажете, они преслѣдуютъ васъ полвершы, перевознося до небесъ щедрость, хваля великодушіе и прося Бѣга о ниспосланіи вамъ здоровья и долготпней жизни.

Простой народъ чрезвычайно любопытенъ. Сначала, нѣсколько дней, бѣгали за нами шолпами, чтобъ разглядѣть хорошенько Рускихъ; — и теперь, когда уже прошло нѣсколько мѣсяцовъ нашему пребыванію, они окружаютъ шого изъ насъ, кто опстановишя на улицѣ.

Нравственностъ народная до сихъ поръ мало уклонилась опъ законовъ цѣломудрія, честности и праводушія. — Введенный Французами развратъ гнѣздишя, какъ необходимое зло, въ двухъ или въ шрехъ ули-

цахъ. — Правительствово принужденнымъ нашлось дозволишь для своихъ гостей лучше небольшое количество жершвъ развраша, нежели запрещеніемъ онаго разлишь соблазнъ повсюду. Раннія женишьбы, сprogіе законы прошиву соблазнишелей и соблазненныхъ а болѣе всего дѣлшпельная жизнь, кошорою здѣсь каждый обязанъ, и природная флегма дѣлающъ весьма рѣдкими проспуцки сего рода.

Воровство и другіе пороки чрезвычайно рѣдки по тѣмъ же причинамъ. Важныя преспуленія наказывающся ссылкою въ колоніи, но здѣсь нѣтъ бѣдныхъ, нѣтъ нищихъ — судопроизводство кошорошко — шюрмы не образуютъ злодѣевъ, и опъ того здѣсь мало сихъ важныхъ преспуленій.

Казалось бы, несчастіямъ должно было опустошишь Голландію; но на прошивъ того оныя удвоили ея населеніе. Каждое неприяшное произшествіе, усиливая шерпннѣе Голландцовъ, умножало ихъ промышленность и симъ самимъ увеличивало размноженіе народное. При томъ же кошорошкая шерпимостъ и сprogіе законы, обезпечи-

вающіе гражданъ въ своихъ правахъ, привлекали сюда непрерывно новыхъ поселенцовъ. Нантской указъ Людвига XIV противу Гугенотовъ прибавилъ сей землѣ значную часть поселенія. Пространство 1,164 квадр. миль; не смотря на нездоровый климатъ, обитаемо 5.126,400 жителей, и пошму превосходитъ населеніе всѣхъ въ Европѣ Государствъ. Однакоже сырой воздухъ, дымъ шорфу и каменныхъ угольевъ, дѣлая Голландцовъ флегматиками, заславляетъ ихъ шарьшья прежде времени. Вы видише множество молодыхъ шариковъ, безволосыхъ, беззубыхъ, кривыхъ, хромоногихъ, горбашыхъ отъ дѣйствія климата переменчиваго и непостояннаго. Къ симъ естественнымъ причинамъ присоединяются и случайныя отъ построенія домовъ, въ коихъ вообще поков дѣшьямъ назначенные, располагаются вверху. Дѣши, за коими присмотръ не великъ, по недоспапочноу услугѣ, бѣгая часто по крушымъ и узенькимъ лешницамъ, часто падають и ушибаються — и оспаються на всю жизнь уродами.

Спранная одежда большой части Гол-

ландцовъ, держащихся еще старинны, мно-
жество несчастныхъ, обиженныхъ приро-
дою и случаемъ, и особенный характеръ
дѣлають землю сію совершенно странною
оригиналовъ.

Мущины вообще въ молодости краси-
вы собою, но малорослы и безсильны; рѣд-
ко увидите высокаго челоуѣка. Блѣдный
цвѣтъ лица и преждевременная старость
встрѣчаются вась повсюду. Однакоже
воздержаніе и трудолюбіе продолжаютъ
жизнь, предохраняя отъ болѣзней. Примѣ-
ры долголѣтняго существованія здѣсь не
рѣдки. Женщины снаны; вообще хоро-
ши собою: но я не видалъ въ Голландіи
ни хорошихъ рукъ, ни ногъ, ни зубовъ,
главнаго преимущества красоты.

Изъ простаго народа набирается ре-
гулярное войско; изъ гражданъ сослав-
ляется временное ополченіе, называемое
національною гвардіею; для предупреж-
денія по городамъ безпокойствъ въ воен-
ное время.

Забавно видѣть такое ополченіе: пол-
ковники и солдаты, оставляя фруншъ,
превращаются вдругъ въ шабашныхъ и

чайныхъ продавцовъ; спорящъ между собою на биржѣ и повелѣвающъ другъ другу на сборномъ мѣспѣ.

Вестъ-Индія испребляетъ много регулярнаго войска. Желшыя лихорадки, невоздержносшь и худой присмотръ заставляющъ комплекшовашъ каждое пятилѣтіе посылаемые шуда полки. Возвращающаея ошшуда весьма не многіе; но желаніе прибыди, хорошее жалованье и, какъ рассказывающъ, свобода — приманивающъ шуда безпрестанно новыхъ охотниковъ. При насъ возвратился одинъ изъ бывшихъ шамъ полковъ, и не могъ похваляться ни своею дисциплиною, ни нравственносшю.

Здѣсь все употреблено, дабы облегчить учасшь солдата. — Въ опечесствѣ своемъ онъ не забоишся ни о содержаніи, ни объ одеждѣ. Городъ даетъ ему первое изобильно; казна второе даже съ избыткомъ. Офицеры обезпечены также на счещъ содержанія совершенно. Служба солдата продолжается только десять лѣшъ.

Голландцы сполько щеславяшся

участиемъ 18ши тысячъ своего войска въ сраженіи при Ватер-лоо, что едва не называютъ себя избавителями Европы. Принцъ Фридрихъ, начальствовавшій войсками, былъ раненъ въ лѣвое плечо.

~~~~~

Письмо 9. Делфтъ.

На сихъ дняхъ мы шрое были въ Амстердамѣ. Дилижансы и пакетботы отправляются сюда непрерывно; однакоже мы предпочли взять особенную коляску, дабы болѣе воспользоваться крашкременнымъ позволеніемъ нашего путешествія, и лучше видѣть окрешности.

Выѣхавъ изъ Делфтскихъ воротъ и миновавъ прекрасныя предмѣстія, многочисленныя фабрики и загородные дома, очутились мы на равнинѣ, на которой, какъ на планѣ, рисовались маленькіе городки, деревеньки, мѣстечки, соединенныя между собою каналами, по коимъ подъ парусами и лошадьми шянулись безчисленныя суда. Всѣ промежутки усыяны были скопомъ, пасшимся на тучныхъ пажисяхъ. Дорога бѣжала по высокой насыпи и пошому

глазь могъ обнимать весьма обширное пространство. По обѣ стороны дороги, цѣлыми стѣнами, спояль шурфъ и отражалъ свое изображеніе въ ямахъ, изъ коихъ доспають оный. Болпливой печна-ліонъ, разумѣвшій по Французски, объяснилъ намъ, какъ дѣлается шурфъ. Рѣжутъ дернъ въ сихъ болошистыхъ ямахъ, разсѣкають паличками, сушашъ и обжигаютъ; ибо безъ сего предварительнаго дѣйствія онъ негодится къ употребленію. Это благодѣтельное вещество грѣетъ всю безлѣсную Голландію, гдѣ вязанка хворосну споймъ гульдена и болѣе. Долго надобно разжигашъ шурфъ; долго, пока не пройдетъ пламень и дымъ, пахнетъ оный очень дурно; за шо послѣ паличка горитъ часовъ шесть безъ всякаго уже запаха. Ямы зараспають опять чрезъ два года и шурфололюбивые Голландцы, не взирая на прирѣсенія ихъ мачихи — природы, не имѣють недоспашка въ пеплѣ. Угля каменнаго здѣсь много, но шурфъ употребительнѣе.

На морѣ, въ опдаленіи нѣсколькихъ миль отъ сей земли, случается часпо, при

вѣспражъ, дующихъ съ берега, чувствовашь сильной шурфяной запажъ.

Скопъ, оспавляемый на день безъ при-
смотра, къ вечеру загоняешя домой, пре-
жде паденія росы, кошора я здѣсь шакъ
сильна, чшо ввечеру ложишя гусшымъ
слоемъ шумана и промачиваешь насквозь
одежду. Дѣйствіе оной вредно, какъ для
людей, шакъ и для скопа, выгоняемого на
паспву — и не прежде упра она я под-
нимешя. Спрашно видѣшъ за городомъ
росу сію: — идучи по дорогѣ, видишъ однѣ
головы у вспрѣчающихся съ шобою; даже
не видашъ иногда собспвенныхъ ногъ.

На паспбищахъ посспавлены киповыя
ребра, около кошорыхъ скопима шрепся
для защищенія себя опъ насѣкомыхъ. Во
многихъ селеніяхъ еще естъ воропа, сдѣ-
ланная изъ челюстей и реберъ киповыхъ,
кои сущъ памятники ловли, процвѣшав-
шей нѣкогда у Голландцевъ и подорванной
Англичанами. Сельдяной промыселъ, кошо-
рой прежде первые имѣли право произво-
дитъ у самыхъ береговъ Англій, оспался
единспвеннымъ, коего власпители морей
перебишъ у Голландцевъ не могутъ.

Въспряныя мѣльницы около плошинъ находятся въ безпресшанномъ движеніи, и шакъ какъ Голландцы механикѣ мѣльницъ обязаны своимъ существованіемъ: шо оныя, можно сказаць, успроены превосходно. Сдѣланныя въ прежнія времена обращающія на своемъ основаніи. Другія же, въ новѣйшія времена посшавленные, неподвижны, кромѣ мѣльничной головы съ крыльями и шеспернею, цѣпляющею за машичное колесо. Многія мѣльницы крыши соломою съ верху до низу, шочно шакъ, какъ кроющъ въ Эшшландіи корчмы, и солома, шакимъ образомъ положенная, держицца по нѣскольку сошъ лѣпъ. На одной мѣльницѣ я видѣлъ надпись: *Аппо 1682*, кошорая, возбудивъ мое любопытство, засшавила меня спросишь хозяевъ, была ли копя однажды пересшроена или возобновлена мѣльница? По отвѣшу я долженъ былъ удивляцца крѣпости посшройки и прочности соломенной покрывки; ибо, съ самага посшроенія, мѣльница не шребовала никакихъ поправокъ, кромѣ необходимыхъ перемѣнъ въ механизмѣ.

Такимъ образомъ, выходя безпресшан-

но изъ коляски, спрашивая и любопытс-
швуя, — мы доѣхали до Дельфта.

Я не сказалъ бы ни слова о нашемъ
здѣсь завтракѣ, ежелибы онъ не былъ тѣ-
сно связанъ съ достопамятностями сего
города: Дельфтъ славится бѣлымъ хлѣ-
бомъ — и дѣйствительно — я нигдѣ и
никогда не ѣдалъ лучшаго. Хлѣбъ сей за-
прещаютъ вывозить изъ Дельфта, и для
того на немъ есть штемпель города.

Дельфтъ построень еще въ 1075 году
Герцогомъ Готфридомъ Лопарингскимъ, и
оправляетъ значительную торговлю по
Маасу; зданія онаго красивы; пороховой и
и липейной заводы съ опмѣнной вышины
спѣнами, висящими надъ большимъ кана-
ломъ, имѣютъ нѣчто важное. Проѣзжая
Дельфтъ въ воскресенье, не могу ничего
сказать объ Артиллерійскомъ и Инженер-
номъ училищахъ, кромѣ того, что видѣнной
нами физической кабинетъ богатъ ма-
шинами и моделями. Знаменистой фаянсо-
вой фабрики также не видали; но за то
посѣтили Соборную церковь въ коей по-
клонились праху Вильгельма Нассау, Прин-
ца Оранскаго, освободителя Голландіи. Сей

великій человекъ былъ пѣхъ твердыхъ характеровъ, кои воспламеняющся преляпсшвіями. Скипаясь по Германіи и набирая войско, не могъ никого болѣе вооружить противъ гонимелей опечесства, кромѣ Пропеспаншовъ; но, чшобъ согласишь ихъ, надлежало самому бышь пѣмъ же: и онъ, рожденный Люпераниномъ, крещенный Карломъ V, коего онъ былъ любимцомъ, въ Римско-Каполическую вѣру, по необходимости сдѣлался Пропеспаншомъ. Разбитый, и шоржеспвующій попеременно, онъ занимаетъ провинцію за провинціей и объявляется наконецъ Шпашгалшеромъ отъ народа, бывъ прежде онымъ отъ Короля Гишпаніи. Семь провинцій соединяющся Упрехпскимъ союзомъ и наносятъ страхъ Филиппу. Посылающся новые Губернашоры, новые Шпашгалшеры—и славный Александръ Фарнезе, Герцогъ Пармскій, начинаеть войну съ Вильгельмомъ, оцѣнивъ голову сего послѣдняго, по приказанію Филиппа, какъ бунтовщика и государспвеннаго преспуника въ 25.000 шалеровъ.

Увѣдомленный Вильгельмъ велишь ска-

зашь Филиппу, что онъ могъ бы поступишь самъ подобно ему; но презираешь столь подлое мщеніе, и только опъ меча и праваго дѣла надѣешься своей безопасностію.

Убийцы спекающа со всѣхъ сторонъ опмщевашь Филиппа. Испанецъ Николо Сальцедо и Итальянецъ Франческо База ищущь его смерти; но оба пойманы, и одинъ, въ Парижѣ разорванный чепырьмя лошадьми, другой опъ самоубійства, оканчивающь дни свои. Испанецъ Жориньи ранишь его изъ пистолета, и наконецъ Балшазаръ Жерардъ, уроженецъ Франшконише, убиваетъ его въ Дельфшѣ, въ глазахъ супруги, лишившейся, также подкупленнымъ убійствомъ перваго мужа, равно какъ и опца своего Адмирала Колиньи. Однакожь убійство совершенно было не изъ жадности къ корысти, обѣщанной Филиппомъ; но по внушенію Фанацизма. Жерардъ клядся, что былъ руководимъ върою и вдохновеніемъ.

Вильгельмъ умеръ, какъ Герой. Последнія слова его были: „Боже, въ руки Твои предаю духъ мой и народъ мой!“—

Памятникъ сдѣланъ изъ чернаго мрамора, на коемъ, подъ богатымъ навѣсомъ, лежитъ бѣлое мраморное изображеніе Вильгельма въ полномъ вооруженіи тѣхъ времени.

Здѣсь также погребенъ знаменитый Гуго Гроцій, копорымъ славилась Голландія, и копорый, подобно всѣмъ великимъ талантамъ, былъ преслѣдуемъ при жизни, почтенъ по смерти; дважды изгнанъ изъ отечества и принявъ въ другихъ Государствахъ съ почестями. Франціи и Швеціи онъ посвящилъ службу свою; Гишпанія, Данія и Польша искали его дружбы. Накучивъ наконецъ жизнью вдали отъ родины, отправляешся онъ изъ Швеціи моремъ; но, застигнутый бурей, на дорогѣ къ Роспоку умираешъ, благословляя отечество. Прахъ его перевезенъ сюда уже изъ Роспока.

Осужденный на вѣчное започеніе въ замкъ Левеншпейнъ, онъ былъ избавленъ чудеснымъ образомъ своею супругою, копорая, подвергая жизнь свою опасности, вынесла его изъ замка въ сундукъ съ книгами.

Будучи глубокомысленнымъ ученымъ, истиннымъ философомъ, мудрымъ политикомъ и соединяя въ себѣ всѣ качества славнѣйшаго министра и благомыслящаго гражданина: могъ ли онъ не возбуждать завися?

Мавзолей просить; но память великаго мужа украшаетъ оный.

Высокія окна церкви разписаны историческими происшествіями изъ революціи. Искусство живописи по стеклу, поперянное въ наши времена, видно въ сей церкви во всемъ совершенствѣ. Краски, вправленные въ стекло, не измѣнились, живы и рисунокъ чрезвычайно хорошъ; фигуры сдѣланы во весь ростъ; жаль только, что переплетъ окончинъ пересѣкаетъ ихъ безчисленными квадратами.

Высокіе своды, мрачность огромной Гопической церкви, гулъ шаговъ, памятники великихъ мужей и великихъ событий внушали какой-то благоговѣйной ужась. Той мысли, пому помяшю, какое мы создаемъ въ душѣ нашей о величїи Бога, прилчествуюшъ сіи исполинскіе хра-

мы, въ коихъ человекъ невольно чувствую-
ещъ ничтожность свою.

Письмо 10. Гага.

Выѣхавъ въ полдень изъ Дельфта, въ 2 часа мы были уже въ Гагъ, старинномъ наслѣдіи Графовъ Голландскихъ, нынѣшней резиденціи Короля.

Городъ сей разположенъ за приморскимъ валомъ при Нордъ Зее совершенно по новѣйшему плану; нѣтъ Голическихъ спрое- ній; улицы широки и прямы; каналы не крещаятъ города; площади часты и правильны — и даже жилища не имѣютъ на себѣ оппечанка Голландской оригинально- сти, оппичающей народъ сей опъ дру- гихъ народовъ.

Королевской Дворецъ не великъ, и да- же я воображалъ болѣе о богатствѣ и ве- ликолепіи онаго. Можешъ бытъ, долгое онсуществованіе хозяевъ было шому причиною. При немъ одинъ полько министръ - кабинетъ и собраніе рѣдкостей натуральной исто- рій, заслуживающъ нѣкошорое вниманіе.

Изъ Дворца можно пройти въ залу Генеральныхъ Шпашовъ, кошорая при насъ опдѣлывалась по новѣйшему вкусу. Домъ Шпашовъ спаринной архипекпурь и украшенъ многими карпинами Голландской школы и испоріи, между коими я замѣпилъ одну шолько, Рембраншовой рабобы, величины чрезвычайной, извъспную подь названіемъ *Голландской стражи*. Тридцать шесть фигуръ во весь ростъ изображающъ произшеспвіе изъ революціи и освѣщены двойнымъ свѣшомъ луны и факеловъ. Эффектъ удивителенъ; но Рембраншъ не былъ испорическимъ живописцомъ; — онъ сдѣлалъ шолько придцать шесть вѣрныхъ поршрешовъ — а не каршину.

Въ сихъ-шо домахъ двѣ власпи попеременно одерживали верхъ одна надъ другою. Республика желала удержать свободу; шупшь Шпашгалшеры искали неограниченной власпи. Но защита самыхъ жарчайшихъ Лашриолшовъ не помогла, и Республика преклонила колѣна предъ Самодержавіемъ. Голландцы бѣдные, коихъ единшвеннымъ сокровищемъ была свобо-

да, дѣйствовали сильно пропиву Филиппа; но когда богатство привязало ихъ къ сей жизни, когда страхъ поперянія вольности раздѣлялся со страхомъ поперя богатства: они слабо защищали права свои, дѣйствовали нерѣшительно, и власполубивый, предприимчивый духъ одного человека превозмогъ медленность многихъ.

Вопль славныя сѣверныя воровна, ведущія во дворецъ, чрезъ кои самовластіе вспуило въ Голландію.

Я вамъ расскажу, какимъ образомъ: правленіе народное состояло погда изъ представителей провинцій; представители избирались изъ депутатовъ городскихъ; сіи же назначались изъ депутатовъ малыхъ городковъ и деревень и состояли изъ низшихъ классовъ народа.

Шшангалшеры должны были засѣдать во всѣхъ шрехъ собраніяхъ, дабы сила народная вездѣ равновѣсила единовластію. Но когда послѣднее пресупило границу, когда Шшангалшеры начали домогаться самодержавія: имъ надлежало имѣть постоянную подпору, надлежало восходить до первоначальныхъ источниковъ

прошиворѣчащей власпи: — искашь приверженности народной. И какъ могли они полагаться на высшихъ членовъ правленія, перемѣняемыхъ періодически, тогда какъ народъ, оспаивался пошъ же и усиливалъ или ослаблялъ управленіе выборомъ предсавишелей?

Слѣдственно все было упошреблено для обольщенія буйной черни. Многіе благомыслящіе граждане сдѣлались жерпвами своей приверженности къ Республикѣ. Народъ, слоглавое, но слѣпое чудовище, расшерзалъ де Вишповъ и другихъ гражданъ, и гошовъ былъ на всякое новое злодѣяніе.

Вильгельмъ V не опускалъ изъ рукъ се-го способа къ поддержанію власпи своей, и лаская народу, оскорбляя гражданъ, гошовилъ рабство Республикѣ. Показываясь во всемъ блескѣ самодержавца, пребовалъ исключишельныхъ правъ его, замѣнилъ гербы Республики своими, наконецъ запрешилъ въѣздъ въ сѣверныя дворцовыя ворота прочимъ гражданамъ, предосавляя оныя одному себѣ. Умы были въ волненіи; Шпатгалперъ, поджигаемый Англійскою полишикою въ лицѣ посланнаго Гарриса,

болѣе и болѣе показывалъ пренебреженія къ гражданамъ; — но папріопы еще не рѣшались, а мѣры были необходимы — какъ одно неожиданное приключеніе рѣшило судьбу Шпапгалшера и Республики.

Гизелеръ, молодой, пылкой человекъ и жарчайшій Папріопъ, рѣшился пожертвовать жизнію своею за опечесиво и возбудишь нерѣшительныхъ Республиканцовъ. Едва не убитый въ одной изъ своихъ прогулокъ злобною чернію, онъ не устращился вѣрной смерти и опважился 17 марта 1787 вѣхашъ въ Шпапгалперскія ворота, въ коихъ неистовствующій народъ бросился на его карету шолпами; и уже Гизелеръ висѣлъ надъ глубокимъ ровомъ, чрезъ кошорый по мосту должно было проѣзжашъ въ ворота — какъ опрядъ конницы выхвапиль его изъ челюстей смерши.

Смятеніе сдѣлалось всеобщимъ; нельзя было долѣе попускатъ Шпапгалперской власти. Гизелеръ пріобрѣлъ довѣренность Папріоповъ — и Шпапгалшеръ былъ унижень и опрѣшень.

Но Фридрихъ Вильгельмъ III, Король Прусскій, коего сеспра была Шпапгал-

первою супругою, возбужденный также полишикою Английскою, вспунился за обиду, нанесенную Голландцами его родственнику, — двинулъ войска свои — и завоеванная Республика пала снова подъ шпопы Вильгельма V.

Увеселипельный Королевской замокъ, называемый *Схевенинеъ*, лежитъ на берегу моря, въ трехъ верснахъ ошь Гаги. Плоское мѣспоположеніе за валомъ украшено по возможности; садъ разположенъ со вкусомъ. Загородное публичное гулянье состоитъ изъ трехъ или чепырехъ каштановыхъ и липовыхъ аллей, довольной длины, но коимъ вдругъ и пѣшіе и конные прогуливаются. Примыкающій къ сему гулянью лѣсокъ носитъ имя звѣрнца; но эшо дворянинъ, кошорому пишла доспалась по наслѣдству.

Мы пробѣжали библиотеку, заглянули на пушечной дворъ, прошли мимо шеатра и поѣхали далѣе.

Мнѣ не нравится Гага. Эшо эстампъ съ картины Фламандской школы, вспавленной въ красивые рамы. Онъ не имѣетъ ни красокъ, ни живости своего оригинала.

Письмо 11. Гарлемб.

Ныпшъ земли, споль обильной произдешствіями историческими, характерностию народа и доспойными вниманія путешеспвенниковъ предметами, какъ Голландія. Каждый уголокъ дѣйшвоваль и оспавиль по себѣ или разишельныя черпы для воспоминаній, или памяшники наукъ и художеспвъ. То и другое пріашно; первое, дѣйшвуа на воображеніе наше, заспавляешъ благоговѣшъ къ послѣднему. Съ какимъ удовольспвіемъ ищешъ, разспашриваешъ доспойное любопышспва въ шѣхъ спѣнахъ, кои оспавлены какими нибудь важными дѣяніями народными! Гарлемъ шакже наводнялся кровію гражданъ и прошивниковъ ихъ свободы; Филипповы войска преспѣдовали здѣсь укывавшихся Республиканцовъ. Когда Гишпанцы, осаждавшіе Гарлемъ, перекинули въ оный голову одного изъ плѣнниковъ Голландскихъ: Гарлемцы, въ шоще часъ, выбросили одиннадцашъ головъ Гишпанскихъ, съ надписью: *десять головъ ебъ заплатау долеу и одиннадцая для проценту.*

Гарлемъ извѣстенъ всѣмъ любителямъ Естественной исторіи. Всѣ знаютъ, что въ немъ есть прекрасныя цѣлны, что Гарлемскія капли славятся всеобщимъ употребленіемъ во многихъ болѣзняхъ; но рѣдкіе, думаю, слышали, что Гарлемъ былъ опцомъ распространенія наукъ въ Европѣ. Уроженецъ онаго, Лавренцій Кисперъ, первой изобрѣлъ искусство книгопечатанія, вырѣзывая на доскахъ цѣлыя страницы. Іоаннъ Гуттенбергъ былъ только послѣдователемъ Киспера, изобрѣвши послѣ него подвижныя буквы.

Ботанической садъ достоинъ всякаго вниманія; библіотека многочисленна, Анапомическіе кабинеты весьма занимательны; органы соборной церкви огромны; 8000 органныхъ трубъ, изъ коихъ средняя въ 40 футовъ вышиною, весьма удивительны; — но для меня всего любопытнѣе былъ домъ Лавренція Киспера.

Счастливая мысль озаряетъ одного человека, но дѣйствіе оной просирается въ безконечность. Такъ камень, брошенный въ шихую воду, упадаетъ на одну точку и распространяя круги около оной

далѣе и далѣе — наконецъ заспаваляешь двигаешься всю стихію. — Благословеніе памяти Кисперовой!

Видалиль вы когда нибудь золотыхъ рыбокъ, копорыхъ сажаютъ у насъ за рѣдкость въ прозрачной хрусталь и веселящая блескомъ ихъ прекрасной пурпурно-золотой чешуйки? Здѣсь въ Голландіи, а особливо въ Гарлемѣ, этими рыбками наполнены цѣлые пруды. Голландцы вообще любящъ всѣхъ живоныхъ; у каждого есть особенно любимое — и на прогулкахъ вы увидите почти каждого съ собачкою на ленточкѣ или на шнуркѣ изъ предосторожности. За городомъ во всѣхъ каналахъ плаваютъ лебеди, содержимые на государственномъ иждивеніи. Птица сія почитается у нихъ священною, равно какъ и аисты, копорыхъ гнѣзда вы увидите по деревнямъ почти на каждой трубѣ. Убить аиста или лебедя значить совершить государственное преступленіе.

Дорога опъ Гарлема до Амстердама была весьма скучна для насъ. На каждой станціи мы оспанавливались, чтобы плащитъ подорожные деньги или давалъ ку-

черамъ не на водку, но на хлѣбъ лошадямъ,
копорой они дають имъ съ солью.

Солнце уже сѣло; луна едва свѣтила
сквозь облака; шуманъ проніцаль насъ, дре-
мавшихъ подъ усыпипельное колебаніе ко-
ляски; но спукъ колесъ подъ сводами во-
ропъ и громъ цѣпей подъемной рѣшешки
пробудили насъ: мы пріѣхали въ Амстер-
дамъ.

(Оконтаніе впередъ).

СТИХОТВОРЕНІЯ.

ВЫБОРЪ ЖЕНЫ.

Въ дурачестввахъ своихъ намъ трудно при-
знавались:

Мы всѣ помѣшаны на шомъ.

Что сами никогда — ни въ чемъ

Не можемъ ошибаться.

Причиной неудачъ, всѣхъ горестей и бѣдъ

Иль случай, иль судьба, иль что нибудь другое,

Но толькоужъ не мы. — Одинъ несчастное злое

Клянешь, съ дурной игрой поставивши лабень;

Другой, хопя блеснуть съ умѣреннымъ до-

ходомъ,

Вспуаешь съ богачемъ въ неровную боръбу —

И послѣ, не сведя никакъ приходъ съ расхо-

домъ,

Винишь во всемъ жѣспокою судьбу.

Какъ будто бы она, и въ шомъ ужъ виновата,

Что бѣдной человекъ не долженъ жить богато,

А не смотря на то — какъ будешь на под-
рядъ,

Невѣсны скромныя его ловили взглядъ.

За чѣмъ, вы спросишь, Клеона уважали? —

Хошишь знаешь? — Онъ былъ... я вижу, ош-
гадали!

Да, да, друзья — онъ былъ богатъ.

Но участью своей кто въ мѣръ семь дово-
лень? —

Клеонъ вдругъ сдѣлался задумчивъ — безпо-
коенъ;

Спаль рѣдко ѣдишь со двора,

Вдыхаешь, грустишь, поминься,

Иль, попросишь сказаешь, ему пришла пора

Женишься.

Повѣрьте, въ тридцать лѣтъ пріятнѣй живешь
вдвоемъ!

И такъ счастливецъ нашъ, обдумавъ все пу-
темъ,

Рѣшился общему послѣдовать закону —

И, чѣмъ сомнѣнья всѣ вѣрнѣе испребишь,

Ошправился пошъ-часъ къ пріятелю Честону

И такъ съ нимъ началъ говорить!

„Женишьбой никогда, мой другъ, шушишь не
должно!

Тутъ надо поступаешь опмѣнно ошорожно:

Ты опытенъ и знаешь свѣшь,

Такъ въ эшомъ можешь даешь полезной мнѣ
совѣшь!

Изъ всѣхъ невѣсть я двухъ сестеръ предпо-
читаю:

Послушай, я тебѣ почь въ почь ихъ опишу;
Зная мнѣніе твое, Чеспонъ, весьма желаю,
Но только, милый другъ, бышь искреннымъ
прошу!

Опъ фамиліи не знашной, но извѣстной:

Аглая, старшая сестра, шиха, скромна;
Имѣеть нравъ прелестной
И даже, говоряшь — умна,

Но только утверждашь и эпаго не смѣю:

Съ шѣхъ поръ, какъ ѣзжу я къ нимъ въ домъ,
Едва ли удалось, какъ помнился, о томъ
Сказашъ словъ шесшь мнѣ съ нею,

Что время скверное и дождь идетъ съ упра.

Какая разница, мой другъ, ея сестра!

Представъ себѣ, Чеспонъ, Кириду для при-
мѣра:

Какъ слабо и тогда сравненіе твое!

Нѣтъ, нѣтъ! Эмилиа конечно не Венера,

А лучше во сто разъ ее!

Осипра, умна, шаланшовъ бездна —

А какъ ловка, мила, любезна!...

Пускай иной въ ней слабости найдешъ:

Она — не спорю я, какъ будто бы спѣсива,

Не множокъ въпрена — не множокъ прихотлива —

Да, только вошь бѣда! — все эпо дъ ней идешъ;

Насмѣшлива — нельзя и въ эпомъ не при-
знашъся,

И если ужъ надъ кѣмъ она шутитъ на-
чнешь,

То мертваго заспавитъ размѣяшься!“
— Все это хорошо, да только не въ женѣ;
Вѣдь сердцу добродушному шалашны не замѣна!

Повѣрь, Клеонъ, какъ другу, мнѣ:
Коварство, злоба и измѣна

Всегда насмѣшниковъ удѣлъ! —

„И, милой другъ — ну что за пресупленье!

Какъ будто бы грѣшно

Надъ шѣмъ смѣяться, что смѣшно?

Да гдѣ же взять терпѣнья

Съ глупцомъ безъ смѣха говорить?

При помѣ же, съ клятвою могу я утверди-ть:

Чувствительный ея не можно бышь;

Она добрее чѣмъ Аглая:

Та любитъ лишь людей,

А эта даже и звѣрей.

Эмилиа на дняхъ, лишившись поцѣлуя,

Почти изсохла отъ поски . . .

Нашъ, нѣшъ — мой другъ — она совсѣмъ не-
злорѣчива,

А любитъ изрѣдка глупцамъ давать счелчки:

Сеспражъ ея ужъ слишкомъ молчалива.

Ты скажешь, что она скромна:

Чтожь полку въ помѣ? — За шо вѣдь вовсе
невидна;

А я хочу, чтобы жена моя блистала,

Чтобъ свѣтъ, не только красной,

Талантами, умомъ и всѣмъ обворожала;
 Чтوبъ праздникъ шопъ считался за пусшой,
 Который ей собой украсишь не угодно.
 А если жь вздумаю явиться всенародно,

Пущусь въ собранье съ ней...

Какое шоржесиво! — Среди толпы людей,
 Въ глазахъ у всѣхъ — она какъ Грація пан-
 ц ешь;
 Не только что умы — сердца у всѣхъ взвол-
 нуешь:

Того шо и хочу.

Всѣ вокругъ нея шѣняются,

Всѣ ахающъ — дивятся:

А я — спою спокойно и молчу;

Гляжу на всѣхъ съ улыбкой сожалѣнья

И думаю: — ей данъ плашите удивленья,

А мнѣ — завидуйте, друзья!

И вопъ ужъ шепчущъ, слышу я:

Вопъ мужъ ея — вопъ онъ — и вокругъ ме-
 ня народу

Ужасная толпа — и мнѣ ужъ нѣтъ проходу! —

Опъ мысли сей одной въ восшоргъ я прихожу...“

— Умьрь его, мой другъ — сказалъ Чеспонъ,
 вспавая,

И выслушай совѣшь — я въ двухъ словахъ
 скажу:

Супругой доброй бышь способнѣ Аглая —

Повѣрь, блжспашъ всю жизнь не можешь че-
 довѣкъ;

Съ жемою жишь не годъ — не два, а цѣ-
 лой вѣкъ.

Теперь прощай — въ деревню ъду —
 Мнѣ хочется поспѣшь на спанцію къ обѣду;
 Смощрижь Клеонъ — держи совѣшь мой въ
 головѣ! —

Проспилися. Клеонъ подумашь общался . . .

И на Эмилии, спустя недѣли двѣ,
 Съ большимъ парадомъ обвѣнчался.

Три года минуло — и вошь опяшь Чесмонъ

Въ сполицу возвратился;

Оправившись едва успѣлъ съ дороги онъ,

И пошь же часъ къ пріятелю пушился.

— Ну вошь, Клеонъ — опяшь въ Москвѣ я
 наконецъ:

Куда, мой другъ, давно съ побой мы не вида-
 лись!

Ты былъ женихъ, когда распались:

Теперь любовникъ, мужъ и счастливый опецъ . . .

Но ты нахмурилъ лобъ — молчишь — не оп-
 вѣчаешь?

Какой ужасной взглядъ — ты спалъ совѣшь
 другимъ —

Тебя почеспи незнаешь!

Давно ли чудакомъ ты сдѣлался такимъ? —

„Давноль? Съ побой на ч.по шаишься . . .

Съ пѣхъ поръ, какъ за грѣхи задумалъ я
 жейишься!“

— Возможно ли, Клеонъ? — Да развѣ ужъ жена

Твоя въ собраньяхъ не блисшаешь? —

„По прежнему всегда шолпой окружена

И всѣхъ собой обворожаешь.“

— Таланшовъ чшоль убавилось число? —

„О нѣшь . . . вѣдь нравишься желанье не
прошло:

Въ мазуркѣ и пѣньѣ она весьма успѣла!“

— Такъ чшожь? — Неуже ли богиня подурнѣла? —

„Богиня, скажешь, красоты?“

— Да эшо говорилъ, не я, мой другъ, а ты! —

„Не можешь быть! — Я шолкъ не много
въ эшомъ знаю!

И чшо въ ней нравицца — никакъ не пони-
маю?

У ней во всемъ лицѣ нѣшь правильной
черты.“

— Скажи же наконецъ — чшо сдѣлалось
шакое? —

„А по Чеспонь, чшо добрая моя жена

Долгъ манери свяшой считаесть за пустое:

Но баламъ каждый день, въ госпяхъ, разряжена;

Супружеской любви въ ней даже нѣшь и шѣни;

Со всеми спрахъ мила, но шолько не со
мною;

И если я когда останусь съ ней одной,

Тотъ часъ пойдушь и спазмы и мигрени...

И сверхъ шого злодѣйка, шакъ хипра,

Чшо въ свѣшѣ прослыла предоброю женою —

Я мученикъ — и всѣжь смѣюцца надо мною!“

— А гдѣ шеперь ея сеспра? —

„Давно ужъ за мужемъ — Людмилъ на ней
женился:

Ну, видно, Богу онъ молился! —

Какъ счастливо живеть онъ съ ней!
 Она всегда съ дѣшми, всегда въ семьѣ своей.
 Въ женишбѣ испыталъ Людмилъ одно бла-
 женство:

За чтожь такое неравенство?

Одинъ счастливъ, другой судьбою угнепёнъ;
 За чтожь не онъ — а я жить долженъ не-
 счастливо?

Куда, подумаетъ судьба несправедлива “

— Напрасно ты винишь судьбу, прервалъ
 Честонъ;

Вини себя въ своей печали:

Съ Людмиломъ оба вы нашли — чего искали!
 Аглая, по проснѣ, безъ пышныхъ всѣхъ зашѣй,
 Живешь для мужа и дѣшей:

За то своя ловка, по модѣ разодрана,
 Плѣняетъ всѣхъ — а мучишь — лишь себя;
 Но кто же виновашъ — ты взялъ жену для
 свѣша,

А онъ женился для себя! —

М. Загоскинъ.

Э Л Е Г И И.

I.

Прощай, опчизна непогоды,
Угрюмая сирена,
Гдѣ мраченъ видъ нагой природы,
Безжизненна весна,
Гдѣ солнце пасмурно сіяешь,
Гдѣ сосенъ вѣчный шумъ
И моря ревъ — и все плачешь
Безумье мрачныхъ думъ;
Гдѣ, оплученный опъ опчизны
Враждебною судьбой,
Изнемогалъ безъ укоризны
Изгнанникъ молодой;
Гдѣ, шумнымъ свѣтомъ позабышой,
Но, все душой пѣишь,
Своею Музой домовишой
Онъ не былъ позабышь!
Порой печальны пѣсни были:
Хвала, о Музы, вамъ —

Вы, благосклонныя, любили
 Внимашь моимъ спрунамъ!
 Теперь, для сладкаго свиданья,
 Спѣшу къ спранѣ родной;
 Въ воображеньи край-изгнанья
 Послѣдуешъ за мной:
 И камней мшистыхъ громады,
 И видъ полей нагихъ,
 И вѣковые водопады,
 И шумъ немолчный ихъ...
 Я вспомню съ грустнымъ сладострашьемъ
 Печальную спрану,
 Гдѣ я, въ размолвкѣ съ милымъ счастьемъ,
 Провелъ мою весну —
 Но гдѣ, порой власпишель неба,
 На переکورъ Судьбѣ,
 Не измѣнилъ пипомецъ Феба
 Ни Музамъ, ни себѣ.

2.

(Н. М. К.)

Пора покинуть, милый другъ,
 Знамена въпреной Киприды —
 И неизбежныя обиды
 Предупредишь, пока досугъ!

Прошла пора слѣпыхъ мечтаній,
 И мы лишились нашихъ правъ
 На своеволие забавъ,
 На своеволие желаній.
 Ужъ оплешаешь вѣкъ молодой;
 Ужъ сердце опыннѣ спало:
 Теперь ни въ чемъ, другъ милой мой
 Намъ изступленье не приспало.
 Ославимъ буйнымъ шалунамъ
 Слѣпую жажду сладоспращья!
 Не упоенія, а счастья
 Теперь искашь ужъ время намъ.
 Пресытись грубымъ наслажденьемъ,
 Пресытись ласками Цирцей,
 Шепчу я часто съ умиленьемъ
 Въ поскѣ задумчивой моей:
 Нельзя ль найши любви надежной?
 Нельзя ль найши подруги нѣжной,
 Съ кѣмъ могъ бы въ счастливой глуши,
 Предаться вѣгъ безмяшежной
 И чистымъ радостямъ души,
 Въ чье неизмѣнное участие
 Безпечно вѣровалъ бы я —
 Случишся ль ведро, иль ненастье,
 На перепушью бытія?
 Гдѣ жъ обреченная судьбою,
 На чьей груди я успокою
 Мою усалую главу?
 Или, съ волненьемъ и шоскою,

Ее напрасно я зову?
Или въ печали одинакой
Я проведу остатокъ дней —
И тихой свѣшь ея очей
Не озаришь ихъ тьмы глубокой,
Не озаришь души моей?...

Е. Б.

П Ъ С Н Ъ

О СКАНДИНАВСКАГО ВОИНА

(Изъ Парни: Иснелъ и Аслега, пѣснь II.)

Ударыте вдругъ, беспрашныя въ бояхъ!
Одинъ ударъ щины разсыплешъ въ прахъ!

*

Бѣда, чей мечъ во брани приступится!
Бѣда тому, кто, робкій средь побѣдъ,
Хошя на мигъ оставишь чески слѣдъ:
Травой сей слѣдъ мгновенно заглушишся!

*

Ударыте вдругъ, беспрашныя въ бояхъ!
Одинъ ударъ щины рассыплешъ въ прахъ!

*

На битвѣ смерть — раба: она покорна
Рукъ того, кто въ пылъ ее ведешъ:
Ея коса лишь робкаго пожнешъ;
Но храбраго спрашна ей мощь упорна.

*

Ударыше вдругъ, безспрашные въ бояхъ!
Одинъ ударъ щипы разсыплешъ въ прахъ!

Безспрашный палъ — и гробъ его почпишся,
И пѣснь о немъ въ попомствѣ прогремишь!
Но робкій палъ — и прахъ его забышь,
И селянинъ, свиспя, по немъ промчишся.

Ударыше вдругъ, безспрашные въ бояхъ!
Одинъ ударъ щипы разсыплешъ въ прахъ!

Орестъ Соловб.

БАРОНУ К.....

Любимецъ дружбы и Харись,
Всегда довольный самъ собою,
Люблю мой К....., бышь съ шобою!
Твой новый вѣкъ еще лепишь
Съ прелесшной спутницей — мечшою;
Ты и красавецъ и герой;
Тебя судьба благословила.
Дыши любовью и войной,
Покуда жизнь не измѣнила,
А съ ней и радосшь и покой!
Твой другъ, Фортуной обольщенный,
Навѣкъ ушрашилъ вѣру къ ней;
Но дышетъ близъ себя вольный
Знакомой жизнью юныхъ дней,
Твоимъ весельемъ обновленный.
Имъ рано опытъ овладѣлъ,
И сердцу счастье солгало;
Прелесшныхъ призраковъ не спало,
И мѣръ веселый опускалъ!
Смотри, какъ мраченъ онъ межъ вами,

Въ шуму пріятельскихъ бесѣдъ;
 Печаль за жизнь — ему объшь,
 По договору съ Небесами!

Но вѣкогда и онъ, какъ ты,
 Не знавъ измѣны злаго счастья,
 У ногъ младыя красоны
 Сзывалъ волшебныя мечшы,
 Пѣвецъ войны и сладоспращья.
 Изчезло все съ его весной;
 Одна осталась скорбь лишенья —
 И никакія искушенья
 Уже не власны надъ душой!

Н. Коншинъ.

Фридрихсгамбъ.

Ц В Ъ Т О К Ъ.

Порою упрямней Людмила,
Держа въ рукѣ цвѣшокъ,
Куда - то шла и говорила:
Кому отдамъ цвѣшокъ?

Не нужны мнѣ дары богаты
За свѣжій мой цвѣшокъ;
А кто пригляднется — безъ плаши
Получишь мой цвѣшокъ.

И говорилъ ей каждый вспрѣчный:
Прекрасенъ твой цвѣшокъ!
Мой милый другъ, мой другъ сердечный,
Отдай мнѣ твой цвѣшокъ!

Она въ отвѣтъ; сама я знаю,
Прекрасенъ мой цвѣшокъ;
Но не тебѣ, и это знаю,
Другому мой цвѣшокъ!

Красою яркой день сіяешь;

При ней еще цвѣшокъ:

Вошь полдень; вечеръ наспушаетъ—

При ней еще цвѣшокъ.

Улада дѣва повстрѣчала:

Онъ прелесью цвѣшокъ.

Ты миль, она ему сказала,

Возьми же мой цвѣшокъ!

Онъ что же дѣвъ? — Онъ шупливо:

Спасибо за цвѣшокъ!

Ты мнѣ даришь его — не диво:

Увянуль швой цвѣшокъ!

Баратынскій.

С М Ъ С Ъ.

О НѢКОТОРЫХЪ ОТКРЫТІЯХЪ ВЪ НАУКАХЪ, ИСКУСТВАХЪ И МАНУФАКТУРАХЪ ВЪ ПРОШЕДШЕМЪ 1820 ГОДУ.

(Продолженіе).

Атропій, новая щелочь, открытая Г. Брандомъ.

Если къ настойкѣ красавицы (belladone) присоединить магnezію, то опдѣляется щелочь, копорая въ сей настойкѣ находилась въ соединеніи съ яблочною кислотою. Сія щелочь, названная Г. Брандомъ *Атропій*, растворяется въ кипящемъ винномъ спиртѣ и опдѣляется изъ него охлажденіемъ. Растворъ оной возвращается мало по малу синей цвѣтъ лакмусовой бумагѣ, окрашенной кислотами.

Атропій имѣетъ ослѣпительной бѣлой цвѣтъ, совершенно безвкусенъ; теплою разлагается, распространяя запахъ пригорѣлаго масла и осцавляя уголь. Его, растворимость увеличивается съ возвышеніемъ температуры воды. Эфиръ и кипящее перебѣншиное ма-

сло не производящъ надъ нимъ ни малѣйшаго дѣйствія.

Селищренная, укусуная и сахарная кислоты производящъ съ апроіемъ соли, кристаллизующіяся и растворимыя въ винномъ спиртѣ. Селищрокіслыя и укуснокіслыя соли привлекающъ изъ воздуха влагу.

Должно бытъ весьма оспорожнымъ при опытахъ, производимыхъ надъ апроіемъ: ибо сія щелочь можешъ имѣть пагубное вліяніе на здоровье. (Annales générales des Sciences physiques, août 1820).

Соланей, новая щелочь, открытая Г. Де-фоссомъ.

Сія щелочь осаждается изъ сока въпренныхъ ягодъ (*solanum nigrum*) посредствомъ кали, нашпа или аміака; она имѣетъ видъ бѣлаго жемчужнаго порошка; въ маломъ количествѣ производитъ усыпленіе, послѣдуемое рвою; растворяетъ въ кислотахъ, изъ которыхъ осаждается въ видѣ хлопковъ посредствомъ другихъ щелочей; на раскаленномъ углѣ сгараешъ, не производя угольнаго оспапка; будучи нагрѣваема въ стекляннѣйшій шрубкъ, она плавится, цошомъ вслучивается, испуская ѣдкой дымъ особеннаго запаха и производя угольной оспапкъ. (Journal de Pharmacie, août 1820).

Разложеніе воздуха изъ четырехъ главныхъ залъ Парижскихъ театровъ.

Гг. Каде де Гассикуръ и Маркъ были приглашены утвердить эвдиометрическими испытаніями переменъ, преиспѣваемую воздухомъ въ театральныхъ залахъ. 24 Августа 1820 было въ театрахъ величайшее спеченіе народа. Въ сей день пускали даромъ въ оперу, въ Федо, въ театръ Французскій и въ Водевиль. По наполненіи театровъ черезъ часъ, черезъ полчаса и потомъ черезъ два часа произведены испытанія. Температура происпиралась ошь 25 до 28 градусовъ. Воздухъ, собранный въ верхнихъ и нижнихъ частяхъ залъ, оказалъ нижеозначенныя слѣдшвія:

Опера	{	Кислосвора	20,512.
		Азоша	78,938.
		Углекислоты	0,750.
Французскій театръ	{	Кислосвора	20,840.
		Азоша	78,410.
		Углекислоты	0,750.
Театръ Федо	{	Кислосвора	20,111.
		Азоша	79,139.
		Углекислоты	0,750.
Водевиль	{	Кислосвора	19,278.
		Азоша	79,922.
		Углекислоты	0,800.

Послику содержаніе кислотофора въ обыкновенномъ атмосферномъ воздухѣ составляешъ 21,000, но весьма удивительно, что испорченный воздухъ въ залахъ (въ коихъ температура споль возвышена, гдѣ зрители покрыты потомъ и въ чрезвычайномъ множествѣ, гдѣ весьма чувствительнъ фосфорическій запахъ) пошерялъ сполько 0,722 кислотофора, и количество углекислоты весьма мало прибавилось.

По сему чрезвычайную нездоровость воздуха въ театральныхъ залахъ должно приписать, когда сей воздухъ не возобновляешся, большому разширенію онаго, водѣ, которая находилса въ немъ растворенною и мiazмамъ, въ немъ существующимъ, коихъ присутствіе звидомедръ показашъ не можешъ, но копорыя открывающся посредствомъ другихъ испышаній. (*Annales générales des Sciences physiques, octobre 1820*).

Зожендъ; новое вещество, подобное человеческому мясу.

Г. Жимбернашъ, Испанской натуралистъ, открылъ въ теплыхъ водахъ Баденскихъ въ Германіи, и въ водахъ Исшии, острова принадлежащаго къ Неаполитанскому Королевству, животное вещество, похожее на человеческое мясо, покрытое кожей: онъ предла-

гаешъ назвашъ сіе вещество Зооженъ. Г. Жимбернашъ видѣлъ шакже околѣ замка Эпомеуса, въ долинахъ Синигалии и Негрепонша, скалы, покрышыя симъ спраннымъ веществомъ. Будучи подвержено перегонкѣ, оно даешъ обыкновенныя произведенія живошныхъ шѣлъ; посредствомъ варенія получается изъ него спудень, копорую можно употребляшь для клеенія бумаги. (Revue Encycl., juillet 1820).

Испытаніе желѣза, выкованнаго Негралаи Фута - Диаллона (въ Верхнемъ Сенегалѣ) и рудѣ, изъ коихъ оно извлекается, произведенное Г. Бертве.

Г. Меллиенъ привезъ съ собою два образчика желѣза, полученные имъ самимъ на мѣстѣ обрабошки и доставилъ ихъ въ лабораторію Горной Королевской школы въ Парижѣ; одинъ грубо выкованный, весьма ноздревашый и преисполненный прещинъ, однакожъ весьма шягучій: въ пяши граммахъ онаго найдено:

шлаку, неподверженнаго дѣйствію	
кислотъ - - - -	0,034.
извести и глины распворенныхъ	0,030.
	<hr/>
	00,64.

Не примѣчено ни малѣйшаго слѣда хрома, марганца и фосфорной кислоты.

Вшорой образчикъ {предспевлялъ желѣз-

ную полосу, имѣющую нѣсколько жилковатое сложеніе, но сплошное, свойственное желѣзу хорошаго качества, подобнаго желѣзу Аррьежскаго Департаменту, которое обрабатывается по Кашаланской методѣ. Сіе желѣзо хорошо куется; будучи приведено въ тонкіе листы не оказываешь шрецинь и даешь проволоку тонкую, гибкую, но неравной швердоспи, что происходитъ отъ примѣси спальныхъ зерень.

Два вида руды, которыми подобныхъ не находились въ Европѣ, дали по разложеніи, первый:

Окиси желѣза	-	-	-	0, 772
Глины съ малою часшію извести				0, 082
Кремнистой земли	-	-		0, 028
Воды	-	-	-	0, 114
Хрома едва примѣшное количество				
				<hr/> 0, 996

второй:

Окиси желѣза	-	-	-	0, 336
Глины	-	-	-	0, 400
Кремнистой земли	-	-		0, 020
Окисла хрома	-	-	-	признакъ
Воды	-	-	-	0, 247
				<hr/> 1, 003

(Annales des Mines, 1820.)

Золотосодержащіе песчаные флещы въ Сибири.

Открытіе золотосодержащихъ песчаныхъ флещовъ около Екашеринбурга, въ сѣмьхъ Березовскихъ золотыхъ промыслахъ и въ дачахъ, принадлежащихъ къ заводамъ А. И.

Яковлева, какъ по: въ берегахъ рѣки Нейвы, и около рѣчекъ Шуралки и Калашы, — должно привлекать особенное вниманіе Геологовъ (*).

Сии флѣцы состоятъ почши изъ горизонтальныхъ слѣдѣвъ кремнистаго песка болѣе или менѣе крупнаго: верхніе слои имѣюшъ песокъ мѣлкой; а нижніе крупной и менѣе округленной; иногда между песчаными флѣцами встрѣчаются тонкіе слои глины. Основаніемъ оныхъ служишъ синевашой глинистой сланецъ; а въ Березовскихъ золошыхъ промыслахъ иногда и самыя золошья, мѣспорожденія: слои покрышы сверху черноземомъ или красною глинистою землею; а въ берегахъ рѣки Нейвы шурфомъ. Верхніе слои убоже содержаніемъ золоша, нежели нижніе. Примѣчено, что опъ сѣвера къ югу, какъ бы въ видѣ полосы, лежишъ песокъ, богашый золошомъ. Содержаніе золоша въ пескѣ весьма непосредственно: во 100 пудахъ опъ $\frac{1}{16}$ до 20 золошниковъ. Золошо разсѣяно въ пескѣ въ видѣ тонкаго непримѣшнаго порошка; а иногда попадаешся мѣлками кристаллами, вмѣстѣ скопленными опъ 1 до 40 и 84 золошниковъ. Золошо во всѣхъ флѣцахъ самой высокой пробы. Кромѣ того находяшя здѣсь въ видѣ большихъ и

(*) Въ берегахъ рѣки Нейвы флѣцы открышы въ 1819 году, а около рѣчекъ Шуралки и Калашы въ прошедшемъ 1820 году; въ прочихъ же мѣстахъ гораздо прежде.

малыхъ опломковъ гранитъ, кварцъ, горной хрусталь, сердоликъ, рубиновой камень, бурой и красной желѣзной камень, порода, составляющая залебанды Березовскихъ золотыхъ жилъ; кости живошныхъ и оппечашки правъ.

Мнѣнія на счетъ образованія сихъ флечевъ различны: нѣкоторые думаютъ, что сіи флечи нанесены водою изъ южныхъ странъ Азіи и Африки и что Уральскія горы, полагая преграду водному стремленію, были причиною осажденія въ сихъ мѣстахъ золотосодержащихъ флечевъ. Они подтверждаютъ свое мнѣніе находимыми въ песокъ косями живошныхъ, свойственныхъ жаркому климату и особенностію золота. Г. Соколовъ думаетъ напротивъ, что сіи флечи произошли отъ верхнихъ частей горъ, содержащихъ золотыя жилы въ сихъ самыхъ мѣстахъ, копорыя называются Березовскими золотыми промыслами: ибо событія и законы образованія жилъ убѣждаютъ, что онѣ при выходѣ своемъ имѣютъ меньшую толщину, нежели въ средней глубинѣ и что углубленія ихъ въ нѣдра земныя бываютъ пропорціональны главной толщинѣ. Изъ сихъ же законовъ необходимо слѣдуетъ, что богатѣйшія мѣста жилъ суть тѣ, въ коихъ онѣ имѣютъ большую толщину. Поелику Березовскія жилы (мы разумѣемъ подъ симъ тѣ мѣспорожденія,

которыя въ сихъ рудникахъ называющагося *полосами*) помянутому Закону прошивуръчашъ: ибо имѣющъ при выходѣ до 18 сажень толщины, недалеко углубляющагося и главнѣйшее богатство ихъ существуетъ въ верхнихъ горизонсахъ, но изъ сего слѣдуетъ, что первоначальной выходъ оныхъ вмѣстѣ съ заключаемыми ихъ горами разрушенъ и что нынѣшняя вершина оныхъ есть прежняя середина ихъ паденія въ глубину. Далѣе самое качество песковъ сходствуетъ съ породами въ Березовскихъ золотыхъ промыслахъ находящимися и, если справедливо, какъ увѣряютъ, что въ оныхъ флесахъ находятся опломки красной и зеленой свинцовой руды, то сіе обстоятельство еще болѣе подтверждаетъ вышепомянутое мнѣніе; ибо, какъ извѣстно, сіи свинцовыя руды Березовскимъ золотымъ промысламъ свойственны.

Что касается до особенности золота, находямаго въ пескахъ, то сіе явленіе примѣчено кромѣ Сибири въ Америкѣ и Трансильваніи. Причину различія золота въ пескахъ опъ золота, находямаго въ жилахъ, многіе приписываютъ тому, что рудоносныя жилы бывающъ богаче вверху, нежели въ низшихъ, горизонсахъ своихъ. Искусный Геологъ знаетъ, въ какомъ отношеніи должно разумѣть сіе преимущество: во многихъ отношеніяхъ

оно есть случайное и не принадлежит всякой жиле; но когда существует при них, то объясняется до различной сложности жилы в разных горизонтах и составляет следовательно случайное качество всего существа жилы, не принадлежа къ достоинству однихъ и шихъ же рудъ и металловъ: никакой примѣръ сего не доказываетъ и законы природы противорѣчатъ возможности онаго. Не съ большею ли основательностію можно думать, что упомянутое различіе золота зависитъ отъ дѣйствія самой воды, испоргнувшей сей металлъ изъ нѣдръ земли, въ коихъ образовала его природа? Подобныя событія совершались во времена опдаленныя, когда наибольшая часть обитаемой нами земли составляла дно великаго океана; следовательно золотистые пески, будучи погружены въ воды сего всеобщаго моря и расположившись по дну онаго, должны были подвергнуться дѣйствию свободныхъ кислотъ, въ водахъ его находившихся. Сія кислоты, не будучи въ состояніи растворять самое золото, должны были дѣйствовать на *протіе* металлы, съ ними соединенные и понижавшіе достоинство его. Вытравляя сіи металлы мало по малу, онѣ произвели въ золотѣ ту перемѣну, которую мы въ немъ находимъ. Сіе обстоятельство можно сравнить съ процессомъ, употребляемымъ

мастерами золошыхъ дѣлъ и монешчиками, производящими слабымъ дѣйствіемъ кислотоу такъ называемое опкрашиваніе золота и серебра, которое естъ не что иное, какъ опдѣленіе мепалловъ, бывшихъ въ соединеніи съ золошомъ и серебромъ и понижавшихъ достоинство оныхъ. Ежели дѣйствіе сіе продолжашъ долгое время и ежели монета или вещь имѣешъ небольшую толщину, по вѣроятію она вся измѣнилася въ достоинствѣ своемъ; но въ разсужденіи золота, находимаго въ пескахъ, можно сомнѣваться, что оно во всей своей массѣ было высокаго достоинства, ежели щели сіи очень велики, напримѣръ, ежели они имѣютъ въсу болѣе полуфунта и ежели представляють совершенно сплошной видъ.

Относительно же нахождения костей, которыя составляютъ здѣсь весьма рѣдкое явленіе, можно спросить: утверждено ли, что сіи кости дѣйствительно принадлежатъ живымъ, живущимъ въ жаркомъ климатѣ? Не принадлежатъ ли оныя живымъ обыкновеннымъ, находящимся въ Сибири? Впрочемъ ежели бы сіи кости и принадлежали живымъ, свойственнымъ жаркому климату, то сіе одно обстоятельство не можетъ служить опроверженіемъ предложенной здѣсь гипотезы.

(Продолженіе будетъ).

П Р О З А.

ЗАПИСКИ О ГОЛЛАНДИИ, 1815 ГОДА.

(Окончаніе).

Письмо 12. Амстердамъ.

Цѣлой день посвящали мы любопытству; ходили по городу, осматривали доспшойное примѣчанія и наконецъ взбѣжали на самой верхъ башни, пославленной на Рашуцѣ, бывшей нѣкогда дворцомъ Людовиковымъ. Величественная панорама открылась тогда взорамъ нашимъ, и мы увидѣли по въ цѣломъ, что осматривали порознь. Обширный Амстердамъ, болѣе 20 верстъ въ окружности, раздѣлялся высокою площиною надвое: одна половина стояла на землѣ, другая на морѣ. Публичные зданія гордо возвышали свои верхи, шамъ заливъ Зюдерзейскій, съ обширною

гаванью, въ коей тысячи кораблей мѣняли свои товары; здѣсь великолѣпная биржа, загроможденная всесвѣшными произведеніями; шупъ Адмиралшейство, въ которомъ устройство, превосходство магазиновъ и удобство работъ удивительны. Въ ономъ одинъ корабль спущень на воду; два корабля и чешыре фрегата заложены; маленькая яхта, на спаринной образецъ Голландской, ошдѣлывается для Государя нашего. Въ сихъ магазинахъ хранятся модели батарей, нѣкогда предположенныхъ Наполеономъ для высадки своихъ десантовъ въ Англію. Она совершенно имѣють фигуру полевыхъ редушовъ съ полиссадами и амбразурами и довольно обширны проспанствомъ для помѣщенія значительнаго количества войскъ. Такъ желаніе владычества осдѣвляло Наполеона! Онъ предполагалъ, что море не смѣетъ ничего сдѣлать прошиву честолюбивыхъ замысловъ неувереннаго счастья; не думалъ, что одна минуша можешь испребишь всѣ безчисленные жершвы необдуманнаго предпріятія.

Медленность работы въ семь Адми-

ралшейспвѣ вознаграждается удобствомъ оной: одинъ человекъ ворушаетъ огромныя дубовыя брусья, подымаетъ великія пляжеспи.

Здѣсь открываешь заднею своею стѣною одинъ Арсеналь, — тамъ другой, прешій, — всѣхъ шестъ. Ихъ много числомъ, но мало въ нихъ вооруженія. Вотъ домъ Оспѣ Индійской Компаніи; шупъ большая Госпиталь; эша и нѣсколько другихъ содержащя на государспвенномъ иждивеніи; числомъ удивительна, при-смошрѣ опличной, и больные, за малую плату, лѣчатся очень хорошо. Въ правой сторонѣ, простирается Жидовская слобода, подверженная доселѣ стариннымъ законамъ, запираемая съ вечернею и отворяемая съ упреннею зарею, нечиста, неопрятна, пошому что Жиды здѣсь въ презрѣніи. — Народъ сей, со всѣмъ несчастіемъ, поражающимъ оной уже близъ 2000 лѣтъ, не измѣнилъ своего характера, будучи разсѣянъ по всему свѣшу. Въ Гишпаніи, въ Турціи, въ Россіи, вы найдете Еврея съ тѣми же привычками, пороками, спрасшями. Терпимоспѣ вѣрь, доселѣ

еще не совершенно примиряеть насъ съ Евреями.

Вошь банкъ Амстердамскій, учрежденный въ 1609 году; чешыре флигеля примыкають къ нему, каждый окруженъ приспройками. Было время, когда главный корпусъ не вмѣщаль сокровищъ государственныхъ, и для шого эши многочисленныя приспройки лѣпляся около банка. Но сокровища уже не существують; они или пожрали сами себя, или послужили жершвою обману, или сдѣлались добычею хищничества.

Голландцы, припѣсненныя Гишпанією съ суши и моря, завели свои флоты; соперничество съ одной стороны, желаніе мщенія съ другой, искали другъ друга на всѣхъ моряхъ, и мало по малу завоеванія и приобрѣшенія Гишпаніи и Португалліи перешли въ руки дѣятельныхъ, неупоминимыхъ Голландцовъ, поддерживаемыхъ умеренностію и мудрымъ правительствомъ. Наконецъ богатства всего свѣша полились въ нѣдра Голландіи. Процвѣщающая торговля, покровительствуемая сильными флотами, сдѣлала Голландію всесвѣш-

нымъ магазиномъ. Амстердамскій банкъ возросъ до той степени богатства, что переслалъ принимать капишалы, или не плашилъ уже проценшвъ, и народное богатство, возрастая безпрерывно, не имѣя способвъ къ обращенію, превратилось въ роскошь. Серебро, золото начали измѣняться въ тысячи видовъ: домашняя посуда, пуалены, кровати, шины на колесахъ, даже лошадиныя подковы дѣлались изъ сихъ драгоценныхъ металловъ; и Голландія была волшебною странюю, какою описываютъ намъ въ сказкахъ царство Феи Морганы.

Это была *Махитат* ея величія. Опсюдю она начала склоняться къ своему паденію по общимъ законамъ природы.

Республика жала оиъ излишества богатствъ своихъ и оиъ полишки. Первое было *пригиною*, второе *дѣйствиелъ* зависи Англичанъ.

Разберемъ сперва полипическія причины:

Желаніе самодержавія было всегдашнимъ камнемъ преткновенія слабости челоуческой. Шшапгалшеры Голландіи бы-

ли также люди, и пошому моглиль они добольствовашься ограниченнымъ своимъ сосшояніемъ? — Ревностные Патріоты, видя возвышающуюся власшь, уничтожили Шпашгалперство и снова учреждали оное. когда шого шребовали нужды республики.

Республиканцы любили отечество, Шпашгалперы имѣли друзей: и пошому Государство необходимо должно было раздѣлишь на двѣ партіи.

Англичане, не могшіе равнодушно смодрѣшь на счастье своей соперницы, всѣми мѣрами' спарались поселишь раздоръ между обѣими сторонами. Зная, что для утверженія неограниченной власши нужны войска, они поддерживали Шпашгалперовъ, дабы съ умноженіемъ войскъ, ослабишь флоты Голландіи. Въ семь случаевъ они пользовались двойною выгодою: первая, что флоты, вредные для нихъ, приходили въ упадокъ; а вторая, что съ увеличеніемъ сухопутной силы Англія больше могла имѣшь дѣйствія на враждебную ей Францію.

Ошь Франціи также не могли укрьшь.

ся хитрые замыслы Англійской полиш-ки. Она всячески поддерживала Республиканцовъ, и Голландія, въ сихъ смятеніяхъ, не могшая обойтись безъ Шшапгалшера, сдѣлалась полемъ междоусобныхъ бра-ней и кровопролитій; вовлеченная въ ча-спыя войны по съ Францію, по съ Ан-глию, слабѣла и ищощалась; и наконецъ, принужденная инпригами послѣдней къ раздору съ Пруссією, пала и шѣмъ откры-ла Англии полное владычешво надъ мо-рями.

Теперь слѣдуютъ причины инпереса, шедшія рядомъ съ полишическими пере-воротами:

Связи Шшапгалшеровъ съ Англию, возраспающая шорговля сей державы и желаніе выгодъ заспавили Голландцовъ обратишь шуда свои капиталы, оспавав-шіися безъ движенія въ опшечествѣ. Ам-спердамскій банкъ не давалъ никогда бо-лѣе полупроцента, — Англія давала два; другіе давали болѣе. Франція, Авспрія, Польша, занимали деньги — и богашства Голландіи пошекли быспрымъ попокомъ вонъ изъ Государшва. Англія, получивъ

силу, опняла у Голландцовъ киштовую ловлю, заключила сельдяной ихъ промыслъ въ пѣсные предѣлы, овладѣла колоніями въ Индіяхъ и, подорвавъ шѣмъ всѣ опрасси шорговли, обанкрушилась сама. Французская Революція, Польская война шакже дешево разквишались долгами своими, — и наконецъ Наполеонъ овладѣлъ самимъ банкомъ Амстердамскимъ.

Такъ изчезло богатство государшвенное; но Наполеону скоро недостало сокровищъ ограбленнаго банка. На всѣ вещи, сдѣланныя изъ золота и серебра, наложена была пошлина; позволеніе имѣшь вещь изъ сихъ мешалловъ споило шого же, что она сама, и шакъ Голландцы рѣшились снова передѣлывать вещи на деньги. Но шѣмъ удобнѣе было перевести оныя въ руки Наполеоновы: безчисленныя конприбуціи доставляли къ шому способъ; и наконецъ конпиненшальная система, война съ Англією, монополія Наполеона, сдѣлавшагося опкупщикомъ шабаку, главнаго продукта Голландіи, довершили упадокъ шорговли, а слѣдшвенно и благососшоянія государшвеннаго.

При Наполеонѣ позволено было имѣть серебряную ложку и вилку безпошлинно; но за серебряной черенъ на ножъ надобно было плашить деньги. Безчисленные шпіоны наблюдали, чшобъ никто не смѣлъ искрошить самъ себѣ на шрубку табаку, и малѣйшее подозрѣніе спойло состоянія несчастливцу, оное возбудившему. Однакоже, сколько ни высасываль Бонопарше Голландію въ продолженіе 20 лѣтъ, богатство народное не совсѣмъ испощилось.

Тамъ вдали, къ нагорной споронѣ, вокругъ города изгибающія высокіе валы; красивые каштаны осѣняютъ бульвары, на нихъ разположенные, и песпрыя шолпы жишелей весело расхаживающъ. Между раскинушыми палашками, гдѣ ярмонка, за коей мы сюда вслѣдъ пріѣхали, купцы раскладывающъ свои шовары. Какая прощивоположноспъ удовольствія съ ужасными орудіями смерти, по зубчашому валу часшо разиѣщенными! — Не для шого ли вездѣ прогулки, бывающъ на городскихъ валахъ, чшобъ ознакомишъ жишелей съ

собственной защитой — исподволь приучишь къ мысли о войнѣ?

Сии же валы окружались неоднократно водою, затоплявшею окрестности Амстердама; отъ нихъ же Испанцы при Филиппѣ и Французы при Людовикѣ XIV обшшупили со стыдомъ, не могли перелезть за оныя чрезъ воду, подобно голубямъ, копорыхъ осажденные посылали съ нужными извѣстіями.

Но эти же валы, шже наводненія и всѣ предаспорожноти не спасли Амстердама отъ Французовъ, копорые въ 1794 году, несмотря на затопленные поля, сошущиваемыя счастьемъ и жестокою зимою, впервые, шамъ бывшею, вошли по льду въ Амстердамъ.

Внизу башни, на фронтонѣ Рапуши, стоить Аплантъ, держацій на своихъ плечахъ шаръ земной — эмблема гордой республики! Нѣкогда шаръ сей обращался около оси, показывалъ печеніе времени; — теперь онъ стоить неподвижно; — теперь время, показывается на немъ печеніе свое.

Я не скажу ничего, о безчисленныхъ

фабрикахъ, объ Академіяхъ, училищахъ, ин-
с-типухахъ, ни даже объ эпомъ домъ,
назначенномъ для воспитанія 4,000 дѣ-
шей: — я пробѣжалъ весь городъ въ нѣс-
колько часовъ.

Б дны шѣ пупешеспвенники, коимъ
назначень корошкой ерокъ пупешеспствія:—
имъ не оспается погда ничего болѣе —
кромъ панорамы! —

Однако мы видѣли въ Амспердамѣ бо-
лѣе, нежели двое Англичанъ, живущихъ
съ нами въ одномъ пракширѣ, и пріѣхав-
шихъ туда изъ любопытства уже близъ
полупора мѣсяца.

Мы сошли внизъ.

Рапуша сія, воздвигнуша изъ прекрас-
наго мрамора и украшена многими спа-
туями и барельефами. Въ верхнемъ эпа-
жѣ расположены рѣдкости, восковыя а-
напомическіе препарашы, дорогія карти-
ны и минць-кабинетъ. Въ послѣднемъ я
видѣлъ двѣ медали, обратившія мое внима-
ніе: первая сдѣлана была въ 1672 на
смерть двухъ братьевъ, Іоанна и Корни-
лія де Вишшовъ, изъ которыхъ старшій
убѣдилъ Голландцовъ уничтожить Шшацъ-

галпершво, во время малолѣшства Вильгельма III, и шѣмъ заслужилъ благодарность народную; но когда Людовикъ XIVъ внесъ войну и опустошенія за наслѣдство Испанское въ сердце Голландіи, когда принуждены были возспановишь Вильгельма III: де Вишпы были преданы казни оного же самага народа, копорый не за долго называлъ ихъ защитниками ошечешва. Они изображены на медали привѣшеними за ноги къ позорному столбу. Другая медаль естѣ не что иное, какъ шалеръ Голландской, выбишой Вильгельмомъ III въ 1677 году въ униженіе Папріошовъ. Обыкновенно на шалерахъ изображаешся рыцарь съ пукомъ шпрѣмъ и поднятшымъ къ верху мечемъ: на эпомъ же шалерѣ рыцарь изображенъ съ мечемъ, опущеннымъ къ низу. Голландцы спарались испребишь всѣ сіи шалеры и шолько минць-кабинешы сохраняюшъ ихъ.

Во шпоромъ этажѣ съ верху жилые покои; въ прешемъ присутшвенныя мѣшса; въ нижнемъ службы; въ погребахъ кладовыя. Зданіе ушверждено на 13 шысчахъ свай. Весь Амспердамъ естѣ един-

ственный городъ, построенный въ Голландіи на сваяхъ; вы видите дома и улицы и не воображаете, что подъ ногами вашими бездна. —

На счетъ таковой постройки города учреждена особенная комиссія, свидѣтельствующая каждые три мѣсяца свои подъ всѣмъ городомъ, подъ всѣми домами. Негодныя замѣняются новыми; но если какимъ либо случаемъ поврежденіе оныхъ можетъ быть опасно дому, комиссія предупреждаетъ хозяевъ и жильцовъ, и заспавляя ихъ заблаговременно выбираться, вспомошествоуетъ перестройкѣ дома суммами изъ кассы, при комисіи имѣющейся. Для сего съ оцѣнки дома платится нѣкоторое положенное количество, равно какъ и въ страховую контору. Здѣсь страхуютъ дома отъ огня и воды.

Не смотря на то, что Амстердамъ погруженъ, такъ сказать, въ воду: — здѣсь нуждаются водою. Амспель, протекающій по одной только половинѣ города, спящей за плошиною, и которой можно назвать болѣе ручьемъ, нежели рѣкою, ниже моря, и не протекаетъ. Воды его

стоячи, нездоровы и смѣшаны съ солевою, проникающею сквозь искусственные берега водою: въ протѣхъ каналахъ морская вода также горька и, застаиваясь, причиняетъ смраднѣйшій запахъ, не смотря на густыя деревья, посаженныя по берегамъ и много способствующія къ очищенію воздуха. Опъ сего водою откупъ есть одинъ изъ богатѣйшихъ торговыхъ кампаній въ городѣ. Воду привозятъ издалека и продаютъ дорого. На крышкѣ каждаго дома сдѣланы хранилища для дождевой воды, которой ни одна капля не упадетъ даромъ; но иногда цѣлые мѣсяцы нѣтъ дождя, одной росы не достаточно для хранилищъ — и тогда кампанія шоржеспивуетъ.

Вопъ изображеніе Амстердама, бывшаго сначала своего существованія бѣднымъ рыбацкимъ мѣстечкомъ; въ 18 столѣтіи первымъ въ свѣтѣ торговымъ городомъ; послѣ поработленнымъ и изнуреннымъ; но славнымъ еще и доселѣ своими заведеніями и шорговлею!

Письмо 13. Сардамъ.

На другой день мы были въ Сардамъ. Дорога шуда идесть вдоль берега, по насыпи, удерживающей море, грозящее каждую минушу поглотить всю Голландію. По правую спорону дороги, до синей дали, взоръ не можетъ опдохнуть ни на какомъ предметѣ: безконечная плоская равнина, разсѣченная каналами, коспры шурфу, изрѣдка разсѣянныя мѣльницы, едва примѣшныя по горизоншу городки — вопшь все, что упомянутое единообразіемъ зрѣніе могло вспрѣшить. На пропшвъ шого, по лѣвую спорону, веселыя воды Зюдерзейскаго залива, объашаго въ полкруга насыпью и покрывшаго кораблями, плывущими во всѣ спороны, рыбачьи лодки, а болѣе всего начинающійся приливъ, дѣлали карпину моря гораздо занимапельнѣе. Каждый двѣнадцать часовъ море возвышается у береговъ Голландскихъ отъ 10 до 18 фушовъ, смотря по положенію мѣста, и здѣсь, въ продолженіе пуши нашего, черныя воды Океана, видимою грядою, и не мѣшаясь съ желшыми

водами Зюдерзейскими, приближались къ берегу. Вода прибывала, волны становились мѣльче, шолпились, шолкались, оспроконечныя верхушки оныхъ прыгали на значительную вышину, ревъ спорнаго печенія слышанъ былъ издалека; — наконецъ опѣненная гряда сія, гоня предъ собою екачущія волны, съ яростию ударилась въ насыпь. Мѣлкiе брызги соленой воды окропили насъ, на верху вала вдущихъ, и, казалось, будшо валъ дрогнулъ ошъ удара. Всплески бросались на стѣну, вода кружилась, пѣнилась, мупила пѣсокъ, но, ослабѣвая малю по малю, чрезъ чешверть часа упихла совершенно. Пучина оспавалась нѣсколько времени въ возвышеніи какъ бы надушою; но вдругъ, съ шѣмъ же ревомъ, съ шою же быспрошою, понѣслась прочъ ошъ берега и вода пошла на убыль.

Версшахъ въ 15 ошъ Амшердама, я видѣлъ Рускія укрѣпленія, сдѣланныя Генераломъ Германомъ въ 1799 году. Оныя состоятъ изъ двухъ бруспверовъ, находящихя по обѣ стороны дороги и обороняющихъ шлюзъ, коимъ можно наводнишь всѣ окрешности въ случаѣ надобности.

Таковыя шлюзы находилъся во многихъ мѣстахъ и наблюдаются весьма рачительно, по тому, что если оставишь шлюзы и плопины безъ присмотра только два года, то не лзя будетъ примѣшить и мѣста, на коемъ была Голландія.

Какихъ неимовѣрныхъ прудовъ, непонимаго шерпѣнія и чрезвычайныхъ издержекъ споили сіи плопины! И каковы должны были бытъ чувствованія, побудившія Голландцовъ къ симъ исполинскимъ подвигамъ! Осмнадцать тысячъ жерпѣвъ, принесенныхъ фанатизму однимъ только Альбою, преслѣдованія Инквизиціи, новыя повелѣнія Филиппа пропиву Пропеспаншовъ возбудили сей народъ, рожденный кропкимъ и послушнымъ. Филиппъ думалъ оправдать себя предъ судомъ свѣта, объявивъ грамошою, въ коей обрекъ смерти Вильгельма Нассау, что гоненія и припѣсненія позволены Папою, освободившимъ также и опъ клятвы, обязывавшей его спокойствіемъ Голландіи (*). Это подвѣ-

(*) Всѣ владѣтели, коимъ доставалась Голландія, должны были клясться: никакимъ насиліемъ, никакого хитрослію не перемѣ-

спвовало мало на Кашоликовъ, но пѣмъ
 смьнѣе раздражило Пропешпаншовъ. Все-
 го опаснѣе нападать на мнѣнія людскія,
 какаго бы роду оныя ни были: оставь ихъ
 въ покоѣ — они исчезнутъ сами собою.
 Люперъ, Кальвинъ и прочіе законоучише-
 ли сначала не многихъ имѣли послѣдо-
 вателей; но гоненія начались, — и полови-
 на Европы сдѣлалась Пропешпаншами. Въ
 сей спранѣ пиранство и фанатизмъ дѣй-
 ствовали къ собственнѣйшей своей пагубѣ:
 Голландцы ожесточились и, совокупясь ду-
 хомъ свободы, опразили враговъ съ одной
 стороны, съ другой, опдвинувъ море, за-
 спавили оное бышь послушнымъ, какъ для
 существованія своей земли, шакъ и для
 пораженія Филиппа. Вскорѣ порабощеннѣй
 Океанъ воспеналъ подъ безчисленными
 флопами, — Республика воздвиглась — и
 сперва богапствомъ общихъ силъ, послѣ
 богапствомъ народнымъ, дала урокъ вели-

ннѣйшъ постановленій народныхъ; если-
 же Государь поступитъ противъ сей о-
 бязанности, то государство свободно
 отъ кляшвы вѣрности, и можетъ дѣй-
 ствовашъ шакъ, какъ найдешъ приличнѣе.

чія первѣйшимъ державамъ въ Европѣ. —
 Вошь почему у сего народа исключитель-
 но нашъ ПЕТРЪ захопѣвъ учипсья бывшъ
 великимъ; вошь почему въ плашь про-
 сшаго, незнаемаго ремесленника въ малень-
 комъ Сардамѣ искалъ онъ основаній къ бу-
 дущему своему величію.

Въ Сардамѣ пріѣхали мы за полдень —
 и хопя никпо изъ насъ не думаль о объ-
 дѣ, но надобно было необходимо оспано-
 випсья у шракширщика, купившаго для
 своихъ выгодъ землю и домикъ; въ коемъ
 жилъ ПЕТРЪ — и опобѣдашь у него Намъ
 дали окуней, въ морской водѣ пригото-
 ленныхъ, и прекрасной десертъ. взяли
 прекрасную плапу — и повели къ домику.

Съ чувспвованіями благоговѣнія при-
 ближились мы къ сей хижинѣ, въ копо-
 рой Великій Преобразовашель Отечеспва,
 подъ скромнымъ именемъ *Питера баса*,
 посвящаль вѣчноспи и попомспву дни,
 проведенные въ учени.

Домикъ, окруженный канавкою, обса-
 женный миршовыми и орѣжовыми кустар-
 никами и соспоящій шолько изъ двухъ по-
 коевъ, почди совсѣмъ обвалился. Въ одной,

бывшей спальнею Пепра, полу уже нѣтъ; въ другой стоить кровать, стулъ и столъ собѣспенной Его роботы. Направо, надъ каминомъ, вмазана руками Имперашора Александра, бывшаго здѣсь въ 1814 году, мраморная дощечка съ латинскою надписью: *Petro Magno Alexander*; на столѣ лежатъ книги, въ кои вписываюся имена путешественниковъ, посѣщающихъ сей городокъ, и кружка для вклада къ поддержанію домика. Противъ самыхъ дверей виситъ большая овальная доска, на копѣрой Рускими буквами написано: *нигего главному теловдкѣ мало!!!* — Надпись сія перемѣнила благочестивыя чувствованія наши на негодование — сдѣлала еще болѣе: заснавила смѣяться въ семь храмъ величія. Въроятно, какой нибудь шкиперъ, бывавшій въ Россіи, сдѣлалъ сей ошличной переводъ прекрасному Голландскому эпитафю: *Nit is te groote man te klein*, внизу Руской надписи помѣщенному. Я услышавъ себя однакоже мыслію, что желаніе Голландцовъ было сдѣлать непременно Рускую надпись — и они сдѣлали, какъ сумѣли, думая выразить ею смыслъ своей, означа-

ющей: *Великій геловѣкъ ни сѣли не пре-
небрегаетъ.*

Нашъ проводникъ расказаль намъ анекдотъ о послѣднемъ днѣ пребыванія Пешрова въ здѣшнемъ мѣспѣ. Посланнику его Головину, оспавленному въ Амспердамѣ со всею Царскою свипою, поручено было купить яхшу, спущенную на воду въ Сардамѣ, около кошорой Пешръ Великій работаль самъ, и кошорая была осправлена въ Амспердамъ для оснастки. Пешръ, окончивъ ученіе свое въ Сардамѣ, дожидаль съ минушы на минушту яхшы, чшобъ осправиться на ней моремъ. Наконецъ Головинъ увѣдомляеть, чшо совѣшь Амспердамскій опдаеть оную въ подарокъ Россійскому Царю, и чшо оная завпрешній день прибудеть въ Сардамѣ. Пешръ, на другой день, пригошовясь проспиться съ симъ городкомъ, идееть однакоже на работу; но, увидѣвъ вдругъ яхшу, бросившую якорь прошивъ сего мѣспа и идущую съ оной шлюбку — оспанавливается; радосшь заспавляеть Его плакать; Онъ забываетъ свою роль, въ кошорой не имѣеть уже никакой надобности; медлишь — и масперъ

Его, удивленный, что *Питеръ-басъ* неподвижно сползъ на одномъ мѣсцѣ, тогда, какъ прочіе его поварищи уже принялись за работу, спалъ выговаривающъ; но видя, что онъ не ошвѣчаетъ и даже не слушаетъ, началъ полкашь Его грубымъ образомъ. Пепръ, распроганный исполненіемъ своихъ надеждъ, не могши выговорить ни слова, разсвѣгиваетъ безмолвно кафтанъ свой; являющъ въ звѣздахъ и Царскихъ опличіяхъ. — Въ сіе время Головинъ, со всею свитою вышедъ изъ шлюбки, повергается на колѣни предъ Царемъ, изумленный масперъ падающъ въ ноги Пепру, и проситъ Его о помилованіи. — Царь, подымая его, цѣлуеши, успокоиваетъ и наконецъ упрощиваетъ вѣхашъ съ собою въ Россію.

Я умолчу объ извѣстныхъ уже анекдотахъ, рассказанныхъ намъ въ слѣдъ за симъ съ удивительными прибавленіями, относящимися или къ славі Пепра, или къ чести Голландцовъ.

Каждый изъ нихъ, смолриши на насъ съ гордостію, какъ учитель на учениковъ,

Мы благоговѣемъ къ памяти Петра; они—
Его эншузіасмы.

Посвятивъ часа полтора домику сему, положивъ вкладу въ кружку и записавъ имена свои въ книгу, куда я не забылъ включить также наспоющаго перевода надписи, оставили мы мѣсто сіе, освященное жизнію великаго Генія.

Теперь скажу нѣчто о городѣ.

Онъ не великъ и спроеіемъ совершенно опличенъ опъ большихъ Голландскихъ городовъ: дома всѣ въ одинъ этажъ, съ садами. Ни одна дверь, ни одно окошко, никогда не опворяются на улицу. Двери заколочены, — окна закрыты спавнями; шаковъ обычай здѣшнихъ жипелей. Только для свадьбы, или похоронъ, спавни и двери оппершы, и вновь запираются по окончаніи праздника. Комнашы на улицу не жилыя и убраны всѣми возможными драгоценностями: рѣдкіе ковры, дорогіе занавѣсы, каршины, бронза и зеркала закрывающъ полъ и спѣны; фарфоръ Кипайской, Японской, серебро, золото, жемчугъ наполняютъ углы комнапъ сихъ. Мы были введены въ одинъ изъ домовъ, и ласко-

вый хозяинъ, снявъ съ себя башмаки и не допуспя насъ сдѣлать шогоже, хопя оное у нихъ и въ обыкновеніи, водиль по всѣмъ комнапамъ. Жилыя изъ нихъ обращены на дворъ, въ запершыя же спавнями ходяшь только для рачительнаго присмотра. — Гдѣжь принимаюпъ они своихъ гостей — спросите вы. — Они не принимаюпъ ихъ и сами не ходяшь въ гости; одно воскресенье только сводишь всѣхъ жителей вмѣстѣ въ церковь или на гулянье за городъ.

Здѣшніе сады чуднѣ домовъ: прекрасные кустарники, обрѣзанные разными фигурами и обсаженные еще прекраснѣйшими цвѣтами, пересѣкаюпся правильно расположенными и безпѣнными дорожками, копорыя усыпаны пескомъ разныхъ цвѣтовъ и укладыны геометрическими фигурами изъ рѣдкихъ раковинъ. Цвѣпы, звѣзды, преугольники и квадраты искусно расположены по дорожкамъ, кои, по сему самому, не чувствуюпъ на себѣ никогда слѣда человеческого. Каждый садъ имѣеть на улицу рѣшетку, сквозь копорую видно сіе убранство, и пошому каждый

жишель города сполькожь пользуется садомъ, сколько и хозяинъ онаго.

Сказываюшь, что во многихъ городахъ южной Голландіи сохраняется еще сей спранный обычай, спроишь нежилые дома, и разводишь непроходимые сады, въ коихъ можно прогуливашься полько взорами.

Если прибавлю, что въ семь городъ чрезвычайно много бумажныхъ мѣльницъ, и что онъ называешься *Сандамоу*, а не *Сардамоу*, какъ мы его разумѣемъ; что жипели, не смотря на богатство свое, чрезвычайно умѣренны: по я уже все сказалъ о семь городкѣ, славномъ пребываніемъ Великаго Государя и посвщеніями во множествѣ иноспранцовъ.

Въ вечеру, по захожденіи солнца, мы проспились съ Сардамомъ и повхали обратно домой. Вечерь былъ такъ мрачень, какъ день въ домахъ Сардамскихъ; спутники мои молчали, море шумѣло подъ ногами нашими, — а я размышлялъ о видѣнномъ, и сравнивалъ прошедшее съ насшоящимъ.

Гдѣ же ша Голландія, владычештво-

вавшая во всѣхъ странахъ свѣта? — Гдѣ ея флоты, покрывавшіе океаны? — Гдѣ Рюйперы и Тромпы, вознесшіе ея славу? — Гдѣ банки, въ кои скоплялось золото всего свѣта? — Гдѣ важные республиканцы, гордо принимавшіе пословъ чужеземныхъ? — Гдѣ сіи Магистры, бравшіе участие, въ дѣлахъ другихъ народовъ, гдѣ ихъ величіе, гдѣ ихъ слава? — Исчезло все, подобно цвѣтущему здоровью юности, вовлеченному въ помпильную болѣзнь, низведшую его на край гроба.

Теперь Голландскіе флоты развозятъ сыр; Рюйперы и Тромпы почіютъ спокойно въ ихъ гробницахъ; неблагодарное золото возвышаетъ чуждую славу; Голландцы принимаютъ у себя фигляровъ на ярмонкахъ и съ важностію говорятъ о добротѣ полученной парціи шабаку; а въ дѣлахъ Европы берутъ участие — только по газетамъ.

Однако Голландцы питаюшь еще любовь къ своему опечеспву; любяшь новаго своего Государя; кипятъ духомъ при вѣстяхъ о славныхъ подвигахъ; они набожны; они энтузіасшы; — но попому только,

что чувствуетъ сіи ничего имъ не сподяшъ.

Чудно! — Они не навидяшъ Французовъ и любяшъ Англичанъ; а за приобрьшеніе сихъ чувствеваній заплашили всѣмъ своимъ благососпояніемъ.

Письмо 14. Роттердамъ.

Вчера, по прїездѣ изъ Амстердама, я ходилъ съ С. Жакобомъ смотрѣшь Короля, ѡхавшаго изъ Брюкселя чрезъ Рошпердамъ.

Мы вышли изъ Дельфшскихъ воротъ по дорогѣ, обсаженной густыми липами, гдѣ вообще бываетъ загородное гулянье Голландцовъ по воскресеньямъ; просѣка на лѣво къ Маасу, оба берега и дорога къ Скидаму, славящемуся *Джинолѣ*, усѣяны были жипелями Рошпердама. Народъ волновался во ожиданіи Короля, который, въ первый еще разъ, долженъ былъ проѣхашъ симъ городомъ. Наконецъ, на другой споронѣ Мааса, показалась Королевская карета. Вмигъ оппрягли лошадей; схватились за поспромки, повезли Короля на се-

бѣ, переправили его въ шлюбокѣ на другой берегъ, карешу на паромѣ также, и хотѣли снова везти на себѣ: но Король съѣлъ въ другую карешу — и ускакалъ. Громкое *Гузз!* раздавалось въ воздухѣ; бѣжали, пѣс-нились, падали, кидали шапки къ верху и едва чрезъ полъ-часа могли успокоиться. Сколько Голландцы любящъ своего Короля!

Онъ не старѣе сорока пяти лѣтъ, средняго рослу и пріятной фізіономіи. Съ нимъ былъ наслѣдный Принцъ, бѣлоку-рый, пригожій, 18-ти лѣтній юноша. Его называютъ Принцомъ Героемъ, послѣ полученной имъ раны.

Нассаускій Домъ призванъ опять къ царствованію. Опець нынѣ владѣющаго Короля, по возстановленіи Шпапгалперства, вступилъ въ управленіе Голландію, долженъ былъ по связямъ съ Прусскимъ Дворомъ и Англією приспашъ къ союзу противъ Франціи, заключенному между Австрією, всею Германією, Пруссією, Великобританією, Испанією, Португаллією, Церковною обласшью и Сардинією, въ слѣдствіе коего, по особенному догово-

ру, послановленному въ Гагъ, въ 1794 году, Апрѣля 19, Голландія еще нѣснѣ совокупилась съ Англією и Пруссією.

Французы не медлили долго — и 26 го того же мѣсяца Республиканскія войска, подъ командою Пишегрю, заняли всю Голландію, объявили спаринную конспитуцію — и Шпашгалшеръ, сложа свои пишла, принужденъ былъ бѣжашъ въ Англію, гдѣ и умеръ въ 1806 году, оставивъ по себѣ сына, нынѣшняго Короля Голландіи.

По заключеніи мира 16 Маія того же года въ Гагъ, между Республикою Французскою и Соединенными Нидерландами, Шпашгалшерство было вовсе уничтожено.

Въ 1798 году, по Кампо-Форміоскому миру, Голландія вмѣстѣ съ присоединенными Австрійскими или Испанскими Нидерландами названа Батавскою Республикою; въ 1807 году Королевствомъ, въ коемъ Людовикъ Бонапарше былъ Вице-Королемъ; послѣ же, когда онъ сложилъ съ себя сіе пишло, Голландія присоединена была къ Франціи, какъ провинція, и подъ сими разными именами равнымъ образомъ бѣд-

спвовала въ продолженіе 20 лѣтъ владычѣства Французовъ.

Наконецъ въ 1814 году, послѣ славнаго Ватерлооскаго пораженія Наполеона, полагавшаго Голландію снова въ рукахъ своихъ, по Вѣнскому конгрессу, она незыблемо утверждена Королевствомъ.

Спраданіе Голландцовъ подъ игомъ Французскимъ напоминало имъ услуги, оказанныя Оранскими Принцами. Съ умноженіемъ несчастій умножались приверженцы къ сему дому, и въ Февраль 1813 года сдѣланъ былъ заговоръ: возмутить народъ, свергнуть господство Наполеона и призвать Нассау; но начинщики были открыты и казнены. Однако Ноября 16 Союзныя войска, выпѣснивъ Французовъ, заняли Голландію и 30 того же мѣсяца Принцъ Оранскій, прїѣхавъ изъ Англіи прямо въ Гагу, былъ принятъ шоржеспвенно 2 Декабря въ Амстердамъ и объявленъ верховнымъ влассипелемъ Соединенныхъ Нидерландъ, подъ именемъ Вильгельма I.

Оранскій домъ владѣеть по наследству, и по праву представленія. Съ пре-

кращеніемъ мужеской линіи наслѣдуетъ женская, равно какъ и па по первородству. Конспишущія ограничиваютъ короля, копорой не можетъ переноситъ мѣста правленія въ другое государство, ни носитъ иной короны, кромѣ своей, и получаетъ жалованья 2,400,000 гулд., изъ государственной казны. Совершеннолѣтніе короля полагаются въ 18 лѣтъ; до сегоже времени назначается опекунство изъ членовъ королевской фамиліи, вмѣстѣ съ нѣкоторыми изъ значущихъ гражданъ, и власть королевская до срочныхъ лѣтъ оспаются въ рукахъ опекуновъ.

Король имѣетъ право назначать и опспавлять членовъ государственнаго совѣта и министровъ; управлять колоніями внѣ Европы; объявлять миръ и войну; вооружать флотъ и армію; набирать и исключать офицеровъ, и на конецъ распорядженіе финансовъ въ его власти.

Генеральные штаты раздѣляются на двѣ камеры, изъ коихъ въ первой не менѣе 40, и не болѣе 60 человекъ, избираемыхъ на всю жизнь опъ короля; во второй, состоящей изъ 110 членовъ, засѣда-

юпъ представишели народныя, избираемые на три года. Для того, чтобы быше членомъ второй камеры, должно имѣть не менѣе 30 лѣтъ и какую либо собственносшь въ провинціяхъ государства.

Король, имѣя исполнительную власшь въ рукахъ своихъ, вспомоществуемъ пяпью министрами, какъ по: юспиціи, внѣшнихъ, внутреннихъ дѣлъ, морскимъ и финансовъ. Каждое министерство имѣетъ спансь-секретаря, и члены онаго составляютъ кабинетъ королевскій. Министры имѣютъ право засѣдать въ обѣихъ камерахъ Генеральныхъ шпатовъ.

Провинціальныя шпаты составляются также изъ дворянъ, гражданъ и поселянъ 17 провинцій.

Государственный совѣтъ есть второе мѣсто послѣ, такъ называемаго, верховнаго совѣта Нидерландовъ.

Для водяныхъ коммуникацій, строеній, военныхъ дѣлъ и воспитанія учреждены особенныя комитеты, которые имѣютъ своихъ Генераль-Комиссаровъ.

Военныя силы государства состоятъ изъ 35,000 чел. Включая же Нассавскія и

Швейцарскія войска, до 60 тыс. человекъ; флотъ изъ 10 линейныхъ кораблей и 8 фрегатовъ.

Балансъ доходовъ на 1816 годъ былъ до 82 милліоновъ гульденовъ. Государственные долги проспирались въ 1810 году до 1,300 милліоновъ гульденовъ; но претъ оныхъ, по договору съ Франціею, уничтожилась и Голландія должна теперь не болѣе 795 милл. большею частію внутри государства.

~~~~~

Письмо 15. Роттердампъ.

„Земля, нами обитаемая, есть за-
 „крытая книга; путешествіе разверты-
 „ваетъ въ оной листы; и сіи листы суть
 „государства, въ коихъ внимательному
 „оку представляются люди и народы,
 „какъ буквы, слоги и строки.“ Такъ го-
 ворилъ Великій Пепръ: разкроемъ же
 книгу сію, и прочтемъ въкошорыя сооб-
 раженія о Голландіи.

Голландія, обязанная бытіемъ сво-
 имъ океану, имъ необходимо должна и су-
 ществовать. Чрезвычайное народонаселе-

ніе, бѣдность почвы заставляютьъ Голландцовъ искать въ торговлѣ и флотахъ способъ къ своему усиленію; а всякая другая держава твердой земли, обеспеченная слабостію Голландіи на сушѣ, охотно будетъ способствоватьъ ея возвышенію.

Возьмемъ два государства, отъ которыхъ непосредственно можетъ зависѣть Голландія, какъ по сосѣдству, такъ и по торговлѣ; особенно по Рейну, оба сіи государства раздѣляющему.

Германія, снабжающая Голландію почти всѣмъ нужнымъ для жизни, лѣсами для постройки, матеріалами для безчисленныхъ фабрикъ и заимствующая издѣлія и деньги Голландскія (*), не сдѣлаетъ ничего къ нарушенію ея благосостоянія; Франція, богатая собственными продуктами, обязанная Голландіи коммерческими оборотами, обменомъ товаровъ и значною торговлею по Рейну, можетъ быть только ей полезна, поддерживая оную противъ Англичанъ, и никогда не будетъ

(*) Долгъ Австріи заплаченъ уступкою Нидерландъ по Вѣнскому конгрессу.

ея соперницею, тѣмъ болѣе, что политическіе виды той и другой не могутъ никогда встрѣпиться между собою. Есть кругъ дѣйствій, назначенный каждому государству: одно можетъ быть сильно на морѣ, другое на сушѣ; и ежели которое либо пресупитъ сей законъ природы, то покушенія и успѣхи въ проливность оному не могутъ продолжаться постоянно и вскорѣ все должно припнпн опять въ естественныя границы. Такъ покушенія Франціи пропнпву Голландцовъ были только зломъ случайнымъ, и предприимчивый Наполеонъ, овладѣвъ ими, неслыханнымъ только счапнпемъ могъ удержаться въ продолженіе сполькихъ лѣтъ обладателемъ Голландіи; и Французы, всегда благопріиспствовавшіе послѣдней, можно сказапн, пропнпву желанія спали ея врагами. Жестокіе поступки Наполеона, внушавшіе къ нему ненависть народную, распроспранили оную на исполнителей его воли, и 20 лѣтъ бѣдствій отвратили совершенно Голландцовъ отъ Франціи. —

Но совсѣмъ не такъ съ Англіею. Она,

будучи сама морскою державою, по необходимости соперничествуетъ Голландіи. Запрещеніе ввоза издѣлій чужестраннымъ кораблямъ и позволеніе ввозить одни сырые повары, каждому только своей земли, въ первомъ ихъ видѣ, зашворило Голландцамъ Англійскіе порты; ибо Голландцы, бѣдные произведеніями земными, основываютъ торговлю на перевозкѣ поваровъ и издѣлій другихъ народовъ, или чужихъ произведеній, переработываемыхъ у себя дома, и въ семъ отношеніи ихъ торговля, сходствуя совершенно съ Англійскою, возбуждаетъ ее дѣйствовать или открытымъ образомъ непріязненно, или скрытно ухищреніями полиптики къ пагубѣ Голландіи.

Голландцы могутъ сколько угодно вывозить поваровъ изъ Англій; могутъ производить тамъ денежные обороты: но то и другое, при семъ распоряженіи коммерціи, благопріятствуетъ только Англій.

Я раздѣлю торговлю Голландцевъ на три вѣтви: первал, колоніальными пова-

рами; впрочем, рыбнымъ промысломъ, и прешья, банковыми оборотами.

Мы уже видѣли, какимъ образомъ Англичане, обезсиливая республику, овладѣвали мало по малу въ смутное время колоніями, промыслами и деньгами Голландскими.

Слѣдственно Голландцамъ, во всякомъ случаѣ, въ ссорѣ ли они съ Англіею, или, что хуже того, въ дружбѣ, вредны всякія сношенія съ сею державою.

Однакоже Англичане умѣли сдѣлаться для нихъ во многихъ отношеніяхъ необходимыми: оказываемая ими дружба, бѣдствія Голландцовъ, воспоминанія о пропекшихъ временахъ величія, на которое они были возведены Оранскимъ домомъ, благодарность къ оному и къ Англичанамъ, сохранявшимъ домъ сей, въ коемъ Голландцы видѣли надежду къ новому благоденствію преклонили сердца послѣднихъ къ Англіи, и Голландія нынѣ наводнена, такъ сказать, Англійскою торговлею.

И такъ Голландія находится въ превратномъ положеніи: любятъ Англичанъ, которые были корнемъ всего зла, при-

чиною всѣхъ несчастій — и ненавидитъ Французовъ, которые были съ нею случайно худы.

Надѣются, что Голландія вскорѣ выисится на прежнюю степень могущества и обширности торговли; но я думаю, что доколѣ чувствованія Голландцовъ не перемѣнятъ своего направленія къ обѣимъ сосѣдамъ, Голландія болѣе и болѣе будетъ приходить въ упадокъ.

Письмо 17. Роттердамъ.

На сихъ дняхъ торжествовали здѣсь рожденіе К. роля. Войска были собраны въ парадъ, послѣ котораго всѣ Бургомистры, первые чиновники городскіе и нѣкоторые изъ гражданъ были приглашены на военной завтракъ — мы также. И въ самомъ дѣлѣ, въ раскинутой палаткѣ мы нашли водку, хлѣбъ, сыръ, салатъ и нѣсколько плодовъ — слишкомъ по военному!

День тезоименитства нашего Госудря также приближался; мы согласились, хотя насъ было только 15 человекъ, сдѣ-

ласть въ сей день для Голландцовъ зав-
пракъ и балъ. Рускіе не жалѣюшъ денегъ
шамъ; гдѣ надобно показать народное хлѣ-
босольство. Сто человекъ было пригла-
шено изъ города — и, вмѣсто завпрака, на-
шли великолѣпной обѣдъ, во время коего,
при ружейной пальбѣ, при громкихъ вос-
кличаніяхъ, пили за здоровье АЛЕКСАН-
ДРА. Музыка и пѣсни Рускія не умолкали
цѣлой день. — Скупые Голландцы были
внѣ себя.

Въ вечеру жены и дочери нашихъ
госпей собрались раздѣлишь праздникъ
нашъ — и мы прошанцовали цѣлую
ночь. Всѣ дома, гдѣ жили Рускіе офице-
ры, были иллюминированы; улица, въ ко-
ей давали балъ, освѣщалась изъ конца въ
конецъ; спеченіе народу было, чрезвычай-
ное. На каждое цаше *фра* Голландцы оп-
вѣчали тысячью повпореній. — Цѣлой
городъ казалось участвоваль въ нашемъ
праздникѣ.

Здѣсь мы были свидѣтелями энпузі-
азма Голландцовъ къ нашему Государю,
коего они видѣли въ прошломъ году — и
любовь ихъ къ Рускимъ. *In vino veritas*, го-

ворить пословица — и молчаливые Голландцы измилась въ сей день предъ нами.

Но этотъ праздникъ былъ прощальный: мы получили повелѣніе съѣсть на фрегаты наши, находящіяся еще въ Гельветъ — Слюйсъ, и отправились въ Россію.

Мой хозяинъ С. Жакобъ сдѣлалъ также для меня прощальной ужинъ, созвавъ всѣхъ моихъ знакомыхъ Голландцовъ. Дѣти С. Жакоба прощались и плакали; мать увѣщевала дѣтей — и плакала; С. Жакобъ уговаривалъ ихъ не плакать — со слезами; а я, распроганный, подвигнутый благодарностию, могъ ли остаться равнодушнымъ?

Судьба играетъ нами — сводитъ людей въ отдаленности, дружитъ ихъ — и разлучаетъ. Не совѣтую вамъ, любезные мои, дружитъ въ чужихъ краяхъ, разлука тамъ тяжель, потому что безнадежна.

Р. С. Гельветъ — Слюйсъ. Удерживаю письмо для того, чтобы извѣстить васъ отсюду о нашемъ отпращиваніи. Мы выступили изъ Роттердама, сопровождае-

мые дѣлымъ почти городомъ; добрые Рускіе привязали къ себѣ всѣхъ жипелей. Три женщины провожали насъ даже до сего мѣста, и одна изъ нихъ неопимѣнно хопѣла слѣдовать въ Россію за пригожимъ 24 лѣтнимъ молодцомъ моею ропы. Она плакала, рвалась, просилась съ нами, убѣждала своею любовью; но ей опшѣчали, что у насъ на корабли запрещено брашь женщинъ. Тѣмъ лучше, пвердила она, дайте же мнѣ мундиръ, я иду въ Россійскую службу — и вамъ не должно болѣе счипать меня женщиною! — Съ сожалѣніемъ, что не могли привести въ Россію сего образца любви героической, опказали ей еще разъ — и она, въ опчаяніи, уведена была съ берега своими подругами.

Заключаю обращеніемъ къ вамъ, друзья мои! Вы требовали описанія Голландіи — и вопшь мои письма! Въ нихъ я сказаль все то, что знаю и что могу сказаль о ней. Ежели въ сихъ письмахъ не найдете глубокихъ мыслей: вспомните, что я долженъ былъ все видѣшь ми-

моходомъ; ежели не найдете цвѣтовъ: подумайте, что я говорю не объ Италіи. Тамъ природа сдѣлала все для неблагодарнаго чловѣка; — здѣсь чловѣкъ сдѣлалъ все изъ неблагодарной природы; тамъ все вдохновеніе, — здѣсь строгая почность.

Николай Бестужевъ.

ОТРЫВОКЪ ИЗЪ ПОЭМЫ: ШИЛЛОН-
СКІЙ УЗНИКЪ.

Лорда Байрона.

(Мы избрали часть поэмы, въ которой описывается смерть двухъ братьевъ и отчаянное положеніе претяго. Въ этой піесѣ обнаруживается все превосходство таланта поэта, который, представя несчастнаго узника на свободѣ, заставляетъ его рассказывать свою исторію, въ слѣдующихъ словахъ):

„Мои волосы побѣлѣли, но не отъ старости, не отъ внезапнаго ужаса. Я согбенъ, но не отъ труда, а отъ унижительнаго бездѣйствія. Мое тѣло было добычею бѣдствій неволи. Я испыталъ судьбу тѣхъ, которыми воспрещается

употребленіе воздуха свободнаго и сокровищъ земли.“

„За вѣру отца моего носилъ я цѣпи и желалъ смерти. За исповѣданіе, котораго мы не хотѣли оставить, мой отецъ умеръ въ пыткахъ, его дѣти жили въ мрачной темницѣ. Насъ было семеро: оспался я одинъ! Пять братьевъ моихъ пріяди смерть во цвѣтѣ лѣтъ, гордясь, какъ и я, что сдѣлались мѣстою ярости гонителей. Первый погибъ въ пламени; двое нашли гробъ на полѣ битвы; трое повержены были въ темницу: я былъ между ними и пережилъ ихъ.“

„Мрачные своды готическихъ темницъ Шиллона поддерживаются семью съропашыми столпами, едва освѣщаемыми слабымъ свѣтомъ. Пробишая стѣна пропускаетъ умирающій лучъ, который, прокрадываясь въ темницу, скользитъ по влажному помосту, подобно обманчивымъ метеорамъ, блуждающимъ на болошахъ. Въ каждомъ столпѣ желѣзное кольцо; на каждомъ кольцѣ виситъ цѣпь. Желѣзо сіе сокрушительно. Оно напечатлѣло на плѣхъ моемъ знаки,

которыя не изгладились до полнѣ, доколѣ я буду взирать на дневный свѣтъ, производящій во мнѣ болѣзненное чувство. Много лѣтъ глаза мои не зрѣли возхожденія солнца. Увы, я не могу изчислить сихъ лѣтъ! Я забылъ о нихъ тогда, какъ былъ осужденъ пережить моего послѣдняго брата. “

„Каждого изъ насъ приковали къ столпу. Насъ было трое, но каждый былъ одинъ. Мы не могли ни на шагъ приблизиться и едва видѣли другъ друга при семъ блѣдномъ, мертвенномъ свѣтѣ, который дѣлалъ насъ неузнаваемыми. Такъ, соединенные и разлученные, съ руками связанными и сердцемъ спящимъ, лишенные даровъ, всѣмъ доставляемыхъ землею, мы находили еще сладость въ разговорахъ. Мы подкрѣпляли взаимно одинъ другаго; искали причины къ надеждѣ; рассказывали древнія повѣсти и пѣли геройскія пѣсни. Но все спало упоминательно и хладно. Наши голоса приняли осиплый звукъ опголосковъ въ горныхъ пещерахъ: они не имѣли уже прежней полношны и свободы. Если воображеніе меня не обманывало, то наши

голоса не имѣли уже своей звучности.“

„Мнѣ суждено было провести болѣе лѣтъ въ заключеніи, подкрѣпляя и одобряя моихъ братьевъ. Я употреблялъ для сего всѣ свои силы, и каждый изъ насъ помогать утѣщеніемъ другимъ. Младшій былъ любимецъ моего отца; глаза его блиспали небеснымъ цвѣтомъ, и взоръ его былъ взоръ матери. Моя душа болѣла о его судьбѣ. Ахъ, какъ не спѣнашь объ участи подобнаго существа, осужденнаго на испытаніе столь жестокое! Онъ былъ прелестень, какъ нѣкогда ясность небесъ была прелестна для меня, или, какъ она является юнымъ орламъ, впервые расширяющимъ свои крылья. Онъ блиспалъ чистопою, подобно пѣмъ днямъ странъ полярныхъ, облеченныхъ снѣгами и лучами—чадами солнца, подобно пѣмъ днямъ свѣта, которыхъ продолженіе измѣряется печеніемъ лѣпняго времени. Тихая веселость оживляла умъ его. Онъ плакалъ только надъ бѣдствіями другихъ, не будучи въ состояніи помочь имъ; но тогда слезы его текли подобно источникамъ горнымъ.“

„Другой брагъ мой имѣлъ душу споль же чистую; но онъ, кажешся, рожденъ былъ для вѣчной борьбы съ челоуѣками. Его спанъ былъ спанъ аплема; его храбрость презрѣла бы всеенную; онъ искалъ бы славы сражашся и умереть въ передовыхъ рядахъ. Но онъ поимился въ желѣзахъ: и пягость ихъ сокрушала его мужество. Я видѣлъ его, угасающаго въ молчаніи. Увы, и я потерялъ надежду, но еще силился ушѣшашъ, ободрять сія несчастныя существа, печальные оспатки рода, споль драгоцѣннаго! Онъ былъ Алпійскій звѣроловъ; привыкъ гоняшъ сернь и животнохъ плодоядныхъ. Для такаго челоуѣма цѣль на ногахъ была величайшею казнію, пемница — бездною смерти.“

„Глубокія воды Лемана образують вкругъ спѣнь замка подобие пемницы, сугубо огражденной; лоть, брошенный съ бѣлыхъ зубцовъ Шиллона въ волны озера, на глубинѣ тысячи футовъ достигаешъ dna сей пучины. Своды, заключавшіе насъ, образують гробницу живыхъ, ниже поперхноспи воды. День и ночь внимали

мы шуму волнъ надъ нашими головами; мы слышали, какъ онѣ поражали скалу сугубыми ударами: и въ зимнія бури, когда вѣтры, счастливые всею свободою, дули съ неисповсвомъ, пѣна валовъ достигала до насъ. Самая скала шрепепала, потрясенная бурями: я не зналъ спраха и улыбнулся бы смерпи, возврапившей мнѣ свободу.“

„ Я сказалъ, что старшій братъ мой ослабѣвалъ; сказалъ, что силы гордой души его разрушились. Онѣ опвергалъ всякую нищу; но опвергалъ не потому, что бы привыкъ къ явспвамъ опборнымъ. Обѣдъ звѣролововъ соспавлялъ нашъ споль; но молоко Алпійской козы не касалось нашихъ успъ. Нашъ хлѣбъ подобился тому, который всѣ заключенные орошали слезами въ продолженіе тысящелѣтій: намъ ли было избирать пищу! Не въ томъ причина, сразившая его силы и душу! Съ его нравомъ онѣ томил-ся бы и въ черногохъ, если бы наслаждение свободнымъ воздухомъ на крупныхъ вершинахъ горъ было ему воспрещено. Ахъ, для чего медлю я сказать: онѣ умеръ....

Я видѣлъ, какъ склонилась глава его, видѣлъ — и не могъ поспѣшить поддержать ее! Я не могъ схватить онѣмѣвшей руки его; не могъ сжать ее, оледенѣвшей отъ смерти. Тщепно грызъ я мои узы, тщепно силился разбить ихъ!... Онъ умеръ... Съ него сняли цѣпи, и изрыли ему пѣсный ровъ въ хладной глинѣ самой шемницы нашей. Я умолялъ положить его тѣло въ землѣ, освѣщенной солнцемъ. Мысль, конечно, дѣпская; но она впечаташлася въ моемъ мозгѣ; мнѣ казалось невозможнымъ, чтобы сердце споль свободное могло покоиться съ миромъ, если черная шемница будетъ его могилою! Лучше бы не просить о семъ: хладная улыбка шюренаго спража была мнѣ отвѣтомъ. Трупъ любимаго брата покрылся землею, не производящею зелени; праздна цѣпь, достойный памятникъ подобнаго убійства, осталась висящею надъ ровомъ.“

„Но любимецъ семейства, шопъ, о комъ отъ колыбели болѣе всего пеклись, образъ милаго лица моей матери, любимый ближними, дитя, драгоценное отцу — мученику, существо, къ кошорому спре-

мились, всё мои старанія, для котораго я хранилъ свою жизнь, надѣясь утолить его бѣдствія и видѣть его нѣкогда свободнымъ, увы, онъ также былъ пораженъ въ сердце! Или отъ природы, или отъ утѣшеній, онъ долго сохранялъ свою бодрость; но попомъ началъ слабѣть и помирнѣлся; онъ изсыхалъ, какъ цвѣтъ на стеблѣ... О Творецъ, въ какомъ бы видѣ ни являлась смерть, но ужасна мысль, представляющая разлуку души человѣческой съ ея жилищемъ и воспріемлющей пареніе. Я видѣлъ, какъ она излепала, испоргаясь съ пошоками крови. Я видѣлъ, какъ она, съ судорожными движеніями, вошше собирая свои силы, боролась съ волною разъяренною. Я видѣлъ пресупника, бѣснующагося на одрѣ скорби, въ мученіяхъ смерти. Это внушало только ужасъ; но здѣсь была скорбь, не смѣшанная съ возмущительнымъ опроверженіемъ; здѣсь представлялось несчастіе вѣрное и медленное; братъ мой изпаявалъ безъ жалобъ; онъ былъ шихъ, спокоенъ, не проливалъ слезъ; онъ былъ нѣженъ, и человѣколюбивъ; онъ помышлялъ только о тѣхъ, которыхъ ос-

являлъ. Глаза его блестя огнемъ, столь яркимъ и чистымъ, что иногда освѣщали самую нашу пещицу; цвѣтъ ланинъ его, казалось, презиралъ могилу; но опшѣнки красоты мало по малу исчезли, какъ послѣднѣ цвѣшны скрывающейся радуги ... И ни слова, ни вздоха, ни малѣйшаго ропшанія о безвременномъ концѣ своемъ! Я погрузился въ опчаянное молчаніе при наступленіи сего послѣдняго несчастія, величайшаго изъ всѣхъ! Онъ говорилъ мнѣ о временахъ, счастливейшихъ; онъ показывалъ еще, для моего ободренія, слабую надежду . . . Увы, его дыханіе спѣснилось; вздохи, которые онъ хотѣлъ упушпшь, учащались и слабѣли . . . . Склоняю слухъ . . . . ничего неслышу. Зову . . . я чувствовалъ, что сіе бесполезно; но я былъ внѣ себя, и ужась препятствовалъ мнѣ разсуждать, зову . . . мечтаю слышать звукъ. Успремляюсь, разрываю цѣпь . . . его уже нѣтъ! . . . Я остался одинъ! Я дышалъ нераздѣльно воздухомъ сей пещицы проклятія! Послѣдняя, единственная и драгоценная связь, державшая меня на краю вѣчной бездны — прервалась! Я сжалъ

его руку, уже охладѣвшую — и холодное сопрясеніе пробѣжало по моимъ жиламъ. Я лишился и силы и движенія; но во мнѣ сохранилось чувство жизни: чувство изступленнаго опчаянія, когда существо нами любимое перьяетъ жизнь!...“

„Не понимаю еще и нынѣ, отъ чего не могъ я умереть: я не имѣлъ уже надежды на земли; но вѣра хранила меня — и она воспретила мнѣ покушиться на мою жизнь. Не знаю, что случилось тогда со мною. Я не чувствовалъ вліянія воздуха и свѣта; не ощущалъ дѣйствія мрака, поперяетъ и поняшія и мысли: я подобился камню моей пещицы, или обнаженной скаль, окруженной густымъ шуманомъ. Все было невѣрно, шускло и печально. Не было ни дня, ни ночи, ни даже ужаснаго свѣта пещичнаго. Пустота поглотила пространство. Тогда было бдѣніе безъ покоя. Изчезли звѣзды, земля, время, предѣль, перемѣна, добродѣтель и преступленія. Я дышалъ въ пишинѣ: между жизнью и смертію. Я находился посреди моря стоящаго, мрачнаго; безъ движенія и безъ границы.“

„Лучь солнечный освѣпилъ меня. Раздалось пѣніе пшцицы. Упихло, продолжалось. Сладчайшіе звуки, никогда неслышавшіе слуху чловѣка! Изумленіе и признательность наполнили глаза мои слезами; я смотрѣлъ и не видѣлъ сего друга моей горести; но мало по малу чувствва мои пришли въ прежнее состояніе; слѣзы шемницы двигались медленно во кругъ меня; умирающій лучь пресмыкался въ шемницѣ по прежнему; и въ опверспіи слѣзы, пропускающемъ свѣтъ, я увидѣлъ сію очаровательную пшцицу, съ лазуревыми перьями, которой пѣснь была столь выразительна! Она, казалось, все мнѣ говорила и не боялась присутствія чловѣка. Я никогда не видѣлъ, никогда не увижу существва, ей подобнаго. Она, казалось, искала шоварища въ несчастіи, и хотѣла любить меня тогда, какъ никто не любилъ меня! Ея голосъ возвратилъ мнѣ и чувствво и мысль. Освободилась ли она опъ не воли и прилепѣла усладить мое зашоченіе? Милая пшичка! Мнѣ не доспало бы бодрости лишить тебя свободы!.... Была ли она посланницею обичели не-

бесной? О Творецъ, проспи мнѣ мысль сію! Увы, когда голосъ ея испоргалъ у меня слезы и улыбку, я воображалъ, что душа моего брата облеклась въ сей образъ, для моего утѣшенія. Она воспорхнула... и я увидѣлъ, что она земная. Безъ того оставила ли бы она меня? Оставила ли бы меня, сугубо одинокаго! Одного, какъ шурь подъ гробовымъ покровомъ!...“

Сд Фран. Н. Ф.

МАСКАРАДЪ.

(Изъ II часни *Hermité de Londres*).

„Въ нынѣшній вечеръ я поѣду, можешь быть, въ маскарадъ,“ сказалъ Лордъ Фоппингшонъ женѣ своей за завтракомъ. — И я думаю съ вами ѣхать, отвѣчала она. „О, эшаго никакъ нельзя! Я ѣду только въ угожденіе Сиру Карлу Гренгорну, которой не бывалъ ошъ рода въ маскарадъ: ему всего осьмнадцать лѣтъ и онъ только что показался въ свѣтѣ. Еслижъ говоришь правду, то сей родъ увеселеній для меня ненависенъ.“ — Однакожъ вы ни одного маскарада еще не пропустили — подхватила Лади съ живостію. „Чуждому мудренаго: развѣ не можешь быть причины? Но я ѣдешь вамъ говорю, что бываю тамъ всегда прошивъ своего желанія

Маскарады съ нѣкотораго времени очень упали. Тамъ съѣзжается всякая всячина, и благородной женщины совсѣмъ не должно показываться въ этихъ собраніяхъ.“

— Въ такомъ случаѣ, примолвила Лади Фоппингшонъ довольно сухо, я думаю, также не кспаша ѣздить туда и муци-нѣ порядочному. — „Объ этомъ предоспавьте мнѣ судить, Милади,“ ошвѣчалъ ей супругъ съ холоднымъ и гордымъ видомъ. — Однакожь я ѣду, сказала она рѣшишельнымъ голосомъ: я уже шакъ положила. — „Когда шакъ, сударыня, то вы поперяете мое къ себѣ уваженіе и сдѣлаешесь ослушницею моихъ приказаній.“

— Вашихъ приказаній, Милордъ? Жеспокой и неблагодарной мужъ... и, вынувъ свой плапокъ, начала опирашь имъ глаза, на которыхъ ни одной слезинки не было: она надѣялась взяшь этой хипроспью. Милая Фанни, вскричалъ Лордъ Фоппингшонъ, поцѣловавъ ее съ нѣжностію, въ которой сердце его не участвовало; пошеченіе о сохраненіи швоего имени и здоровья ешь единшвенная причина, побуждающая меня говоришь шакимъ образомъ.

Опѣ поѣздки швоей въ маскарадъ могло бы поспраданъ и то и другое: позволъ же мнѣ себя упрашивать, чѣшобъ шы осталась дома.“ — Вопѣ прошивъ эшаго я не спору, сказала Лади Фоппингшонъ; шакими средствами вы всегда получите опѣ меня все, чѣшобъ вамъ будетъ [угодно . . . — Черпѣ одинъ можешъ этому повѣрять, думаль про себя супругъ. — Просъбами и кропоснѣю вы изъ меня все сдѣлаешѣ, продолжала она; но къ тиранскому обращенію я не привыкла. — „Хорошо, хорошо, Фанни!“ И, обнявшисъ еще разъ, они разошались, чѣшобъ расположишь упрощакъ, какъ каждому изъ нихъ хошѣлось.

Въ семь часовъ супруги наши обѣдали вмѣстѣ, съ глазу на глазъ, чѣго уже близъ года съ ними не случалось. Оба были въ веселомъ разположеніи духа; признались, чѣшобъ никогда не имѣли шакаго прѣпнаго спомна, и рассказали потомъ другъ другу, какимъ образомъ намѣревались они провесши вечеръ. Лади Фоппингшонъ выбрала для себя шеапръ и увѣрила мужа, чѣшобъ возвратишя домой къ 12 часамъ вечера. Супругъ сказалъ, чѣшобъ съѣз-

дипть на нѣсколько словъ въ одинъ домъ, опшпуда прѣдеть въ клубъ, возьмешь съ собою молодаго Барона и опсправипся вмѣстѣ съ нимъ въ маскарадъ.

— Въ чемъ вы будете — спросила его Лади Фоппиагшонъ съ видомъ совершенной безпечности. „Въ долинь, моя милан! Но къ чему эшопъ вопросъ? — Я сама незнаю; шакъ, чпобъ сказаць чпо нибудь. Какая мнѣ въ шомъ надобность? — Была однакожь надобность; Лади рѣшилась ѣхашь не въ шеапръ, а въ маскарадъ, чшобъ присмашривашь шамъ за своимъ мужемъ. Лордъ шакже нимало не разполагался заѣзжашь къ знакомымъ, везши съ собой Сира Карла и одѣвашься въ домино: онъ пригласиль въ маскарадъ одну красавицу — и у нихъ положено было нарядипсья Испанцами.

Только, чпо онъ увхаль со двора, Лади пошла въ его покои. Первая вещь, кошорая попалась ей шамъ на глаза, было плашье Испанскаго Гранда, притопшовленое для ея мужа. Она сдѣлала на плашьѣ знакъ, кошорой могъ шолько ей одной бышь замѣшенъ, и надѣлась, чпо съ помо-

щю одного, вопреки всѣмъ предосторожно-
спямъ супруга, ни одинъ шагъ его коня
нея не скроется. Она занялась попомъ
учрежденіемъ своей повздки, и взяла съ
собою сестру и двоюроднаго брата, армей-
скаго полковника. Сестра ея, Луиза, одѣ-
лась Испанцомъ и несла въ рукѣ гитару;
полковникъ былъ въ доминѣ, а Лади Фоп-
пингшонъ въ плащѣ монахини. Она взяла
руку сестры своей; съ другой стороны
шелъ полковникъ.

По входѣ въ залу, имъ не трудно бы-
ло отыскать Лорда Фоппингшона съ его
Дульцинею, и они даже подслушали часть
ихъ разговоръ.

— И вы не боитесь сдѣлать вашей
жены ревнивою — спросила его прелест-
ная Испанка, опираясь на его руку. — „Не
знаю, можешь ли кто менѣ меня бояться,
милая моя Юлія: спарой солдатъ не дол-
женъ знать страха.“ — Надобно сказать,
что вы всѣ, гг. мужья, большіе негодяи. Од-
нако, я думаю, вамъ надобно будетъ поранѣ
отсюда уѣхать? — „Все не ранѣ пяти ча-
совъ, Юлія! — Юлія, милой другъ мой, дади-
те ли вы мнѣ слово бышь въ три часа по-

толудни въ паркѣ Регенша близъ Нев-Ро-
да: я васъ повезу посмопрѣть мою Даш-
шешскую хижинку. О, она вамъ очень при-
глянется, и я увѣренъ, что у васъ будетъ
на душѣ купить ее.“ — Извольте; я буду.

Ничего не можеть бытъ примѣрнѣе:
шепнула Лада Фоллингтонъ сестрѣ своей.
Луиза, наряженная, какъ мы сказали, Ис-
панцомъ подошла потчасъ къ прекрасной
Юліи и предложила ей повальсировать съ
однимъ изъ ея соотечественниковъ. —
Какъ вы, милой мой, скажете, спросила
она Лорда Фоллингтона: иппи ли мнѣ
шанцовать? — „Одинъ только вальсъ,
Юлія.“

Монахиня, оставшаяся безъ кавалера,
подошла къ Лорду и сказала, что надѣен-
ся имѣть его своимъ на это время. Лордъ
Фоллингтонъ, которому присхунъ сей
понравился, не заставилъ просить себя;
подавъ ей руку и началъ съ нею веселой
разговоръ, въ продолженіе котораго мона-
хиня показала сполькоже ума, какъ и лю-
безности. Нашъ Лордъ былъ ошъ нея въ
восхищеніи.

„Согласишесь снятьъ вашу маску, ска-

заль онъ ей; я увѣренъ, что подъ нею скрывается прелестное личико. Вы имѣете самой плѣнительной голось, хотя всячески спараетесь перемѣнить выговоръ: мнѣ точно кажется, что гдѣ то я васъ слышалъ. — Конечно въ чужихъ краяхъ; ибо только шрой сушики, какъ я въ Англии. Но я замѣчаю, что вы должны быть самой обманщикъ. Не знаю по чему, а мнѣ право кажется, что вы женаши, что сюда прѣехали съ любовницею, и только что она отвернулась, какъ вы начинаете волочиться за другою. —, Совсѣмъ нѣтъ, ошвѣчалъ онъ съ увѣришельностію; я вамъ клянусь, что дама, кофору ю со мною видѣли, моя сеспра, и я холосшой человекъ. До сей поры я былъ слишкомъ въпренъ для женишьбы. Однако, мнѣ все шаки надобно знать васъ, примолвилъ онъ, поцѣловавъ ея руку: все удостовѣряешъ меня, что шакая женщина, какъ вы, способна привязашъ къ себѣ самага непосшояннаго человекъ. — Хошише ли бышь въ двѣнадцать часовъ упра въ Гиде-Паркъ? —, Ошъ всего моего го сердца, прелестная незнакомка. —

„Такъ дайше же мнѣ что нибудь, почему бы вы могли узнать меня. — „ Возмите это кольцо. — “ И вы слову своему не измѣните? — „ Ручаюсь честію. “

Вальсъ кончился; Лади Фоппингшонъ перешла опять къ мнимому Испанцу и уснула Юліи руку своего мужа.

„ Вашему вальсу конца не было, “ сказалъ Лордъ Фоппингшонъ Юліи. Знаете ли чего мнѣ стоило смотрѣть на это? Я завидовалъ вашему кавалеру: вы вальсировали, какъ суцій Амуръ, и я уже начиналъ чувствовашъ маленькую ревность. “ — А я, сударь, чувствовала большую; возразила Юлія. Я не выпускала васъ изъ глазъ своихъ; видѣла, съ какимъ жаромъ поцѣловали вы руку у вашей монахини, и я увѣрена, что вы условились уже съ нею о свиданіи, — „ Нѣтъ, клянусь самимъ Юпитеромъ! Вы знаете, сколько я васъ люблю, и когда сердце уже однажды ошдано, оно ошдано безъ возврата. Къ помужъ еще, я высмотрѣлъ ее изъ-подъ маски; у ней лице преобыкновенное; ничего нѣтъ ошмѣннаго, я васъ увѣряю; несъ загнушой. “

Между тѣмъ время приближалось къ чепыремъ часамъ; Лади Фоппингшонъ разсудила, что пора было возвратиться домой; простилась съ полковникомъ и поѣхала вмѣстѣ съ сестрою. Пріѣхавъ къ себѣ, она переодѣлась и сговорилась о своей роли съ Луизою, которая оспалась въ маскарадномъ нарядѣ; и когда вѣрной супругъ Лади возвратился, онъ нашелъ ее одну за арфою.

„Самая пора не спать“ вскричалъ онъ, увидя ее. — Ужасные сны меня превозжили, ошвѣспивовала она, и чтобы успокоить волненіе своего духа, я принуждена была вспать и състь за свою арфу. Мнѣ приснилось, будто вы мнѣ измѣнили, будто мы другъ съ другомъ разсѣлись, и сія мысль перзала мое сердце. — „Возможно ль это, душа моя, сказалъ онъ обнявъ ее; ни для чего на свѣтѣ! Гдѣ я сыщу другую Фанни?“ — О, вездѣ: почему знаешь, можешь быть въ маскарадѣ. Во мнѣ нѣтъ ничего ошвѣннаго; вы знаете, что у меня загнутой носъ. — „У тебя, Фанни, переспань! Нѣтъ, у тебя прекраснѣйшій Греческой носикъ, какой только

бытъ можете. — Вы очень забывчивы, Милордъ; я помню, какъ вы прежде хвалили эпошь загнушой носикъ. Но я виновата, что вамъ вѣрила: мушьяны такіе обманщики! — „Только не я, Фанни; я не изъ такихъ. Однако уже шеперь поздно; намъ надобно удалишься.“ — Еще минушу, Милордъ! Скажите мнѣ что нибудь о маскарадѣ! Кого вы шамъ видали? — „Никого изъ нашихъ знакомыхъ, ангель мой!“ — Точно? — „Ни души! Эпо было сборище самое вздорное, какое шелько я видаль. Я не замѣшиль шамъ ни одной пригожей женщины.“ — Право? Какъ, вы не нашли никого, кому бы можно было сказашь веселое словцо? — „Никого, однимъ словомъ. Я весь вечеръ проходилъ съ Барономъ за руку.“ — Какъ! И вы ни за кѣмъ ни волочились? Не назначили ни одного свиданія? — „Конечно, нѣшь! Но что вы хощите эшимъ сказашь?“ — Ну, полно, полно, Фридрихъ, продолжала она шупливымъ голосомъ, говори правду; я не спану сердиться. — „Да право мнѣ нечего вамъ сказашь.“ — А гдѣ ваше кольцо, Милордъ? — „Мое коль-

цо, повспориль онъ съ замѣшательствомъ. Ахъ, вѣрно я поперялъ... Ужъ не украли ль у меня его?... Посмотримъ, въ карманѣ ли мой плапокъ... моя шабакерка?“... Вынувъ при сихъ словахъ изъ кармана шабакерку, онъ уронилъ ее и, подымая, примѣшилъ челоуѣка, спрятавшася подъ споломъ.

„А, недоспойная женщина, воскликнулъ онъ; вошь причина, для копорой ты такъ скоро опдумала ѣхать въ маскарадъ! Вошь, почему ты не легла спать по сіе время! Вошь, для чего ты хопѣла отпра-висься въ оперу, гдѣ безъ сомнѣнія тебѣ не было!“ — Все эшо такъ, Милордъ: но скажете ли вы мнѣ въ свою очередь, за чѣмъ вы взяли для маскарада платье Испанскаго Гранда вмѣсто домино? За чѣмъ вы предпочли мнимую Испанку несчастной вашей женѣ? За чѣмъ, когда предметъ первой вашей прихоши разлучился съ вами на одну минушу, вы спарались прельсипить другую женщину въ одеждѣ монахини? — „Хорошо, сударыня, хорошо! Хопя вы и успѣли сыскашь средство при-смапривать за мужемъ въ маскарадѣ, не

думайте однакожь; чѣшобъ опть эшаго я спалъ, закрывъ глаза, смопрѣпъ на ваше поведѣніе. Завпра о васъ всѣ узнаюпъ; завпра... А вы, сударь, покажешесь ли вы наконецъ, сказалъ онъ муштинъ, копорой все; еще сидѣлъ подѣ споломъ. Чрезъ при часа, чѣшобъ вы были подѣ спѣнами Паддингтонскими: а теперь прошу пошчасъ убирапсь изъ моего дома, когда не захопите быпъ выброшенными за окно! „Чѣшобъ прикажете, Милордъ? Я здѣсь: сказала Луиза, показавшись изъ-подѣ спода и снявъ съ себя шляпу. Узнаете ли вы меня? „Ба! Чѣшобъ эшо? Эшо злодѣйство, заговоръ! Признаюсь, я виновень... но не сполько, какъ вы думаете. Ну, Фанни, скажите: вѣдили вы въ маскарадъ? Какъ вы были одѣшы? “ — Конечно не Испанкою, Милордъ! — „Но можете ли вы увѣрипъ меня, чѣшобъ не назначали шамъ никакихъ свиданій? Я вамъ клянусь въ шомъ...“ — Не доканчивайте, Милордъ, сказала она, положивъ ему руку на успа. Нѣпъ ли у васъ какаго нибудь свиданьица близъ Неврада? — „Испинно нѣпъ!“ — Чѣшобъ вѣхашъ попомъ вмѣспѣ въ Дашешъ? — „Нѣпъ, я вамъ говорю.

Съ чего вы взяли въ голову Датшесть? — И вы не должны свидѣться съ монахиною въ Гидепаркъ? — „Нѣтъ, нѣтъ,“ повпоряю вамъ. — Э, Милордъ, какъ не спыдно — и показала ему кольцо. „Что со мною дѣлаешся, вскричалъ онъ съ уничиженнымъ видомъ. Это уже слишкомъ сильно!“ — Приличноль спарому солдату бояться! — „Фанни, вскричалъ Лордъ Фоппингпонъ, не упошребляй во зло своей побѣды! Я пораженъ совершенно; но не пакъ, какъ заслуживаю то въ собсвенныхъ глазахъ моихъ...“ — Глаза Юли васъ утѣшатъ.

Сестра Лади вмѣшалась шуть между ними въ посредницы и примиреніе воспановилось. Чеспное слово на будущее время ушвердило совершенное забвеніе прошедшаго. Лордъ Фоппингпонъ разорвалъ связь съ Юліею — и, вмѣсто положенной съ нею повѣздки въ Датшесть, отправился съ своею женою въ Банъ, гдѣ провелъ цѣлой мѣсяць, копорой показался ему сполько же пріятнымъ, какъ первые дни его женишбы.

Говорящъ, что, послѣ любовной ссоры, любовь усиливается; что послѣ примире-

нія усугубляеся привязанность: однако опышь эпошь опасень — и я не совѣтую прибѣгать къ нему. Не всѣ непостоянные мужья могутъ найти жену, подобную Лади Фопнингтонъ: сколь много такихъ женъ, которыя подумали бы о другихъ средствахъ мщениа! Кольцо, свиданіе, чувствование ревности при появлении мнимаго мущины, все это вмѣстѣ сдѣлало урокъ превосходнымъ, и урокъ сей не оспался безъ пользы. Лади Фопнингтонъ хранила всегда кольцо, какъ памятникъ своей побѣды; но мужъ ея сдѣлалъ еще лучше: онъ сдержалъ свое обѣщаніе.

И. Анисковъ.

СТИХОТВОРЕНІЯ.

ВИРГИЛІЕВА ЭКЛОГА V.

ДАФНИСЪ.

Содержаніе.

Флаккъ Маронъ, братъ Виргиліевъ, умеръ въ цвѣтущей молодости; въ сей эклогѣ Виргилій воспѣваетъ ему надгробную похвалу подъ именемъ Дафниса. Самъ поэтъ еспѣ дѣйствующее лице подъ именемъ Меналка.

Мопсусъ и соперникъ его Аминтъ два ученика нашего поэта.

Меналкѣ.

Мопсусъ, за чѣмъ сошедшия вмѣстѣ и оба искусны,

Ты на свирѣли играешь, я пѣшу веселыя пѣсни,

Мопсусъ, за чѣмъ мы не сядемъ подъ шѣнь
орѣшинъ и вязовъ?

Мопсусѣ.

Ты меня лѣтами спарше, Меналкѣ: мнѣ слушанья должно.

Сядемъ подъ зыбкую сѣнь деревъ, колыхаемыхъ.
вѣтромъ;

Или, не лучше войши намъ въ пещеру?

Смотри, какъ у входа

Дикій гроздь размѣсаль прихотливья вѣш-
ви и киспи.

Меналкѣ.

Здѣсь въ горахъ одинъ Аминшъ поспоришь
съ шобою.

Мопсусѣ.

Что же за диво? Гоговъ онъ споришь съ са-
шимъ Аполлономъ!

Меналкѣ.

Мопсусъ, тебѣ начинать: спой мнѣ о спра-
спи Филлиды;

Иль о биввахъ Аейнскаго Кодра, о сла-
вѣ Алкона.

Мопсусъ, начни, нашъ Тиширь посмотришь
за спадомъ бродящимъ.

Мопсусѣ.

Лучше спихи, что я начерсаль не давно на
мягкой

Вяза корѣ: я то пѣль, то вырѣзываль; слушай,
Послѣ вели своему Аминшу поспоришь сомною.

Меналкѣ.

Сколько гибкая ива уснупишь блѣдной оливѣ,

Сколько смиренный ландышъ надменной и
блещущей розѣ:

Сидолько Аминшъ уснупишь тебѣ въ игрѣ на
свирѣли.

Мопсуэ.

Юноша, полно объ эпомъ: мы въ прохладной
 пещерѣ!
 Нимфы о Дафнисѣ нѣжномъ, кошорый по-
 гасъ въ цвѣтущихъ
 Лѣсахъ, плакали: рощи и рѣки, вы видѣли
 горесипь
 Нимфъ, когда машъ, шѣло погибшаго сына
 объемля,
 Въ безчеловѣчнѣ звѣзды и вѣчныхъ боговъ об-
 виняла.
 Въ черные дни споль глубокой печали все
 было забыто:
 Снадь пасухи не гоняли къ рѣкамъ и спу-
 денымъ колодцамъ;
 Овцы и кравы ни водъ, ни шравъ не вкушали,
 о Дафнисъ!
 Дикія рощи и горы кругомъ разносили по деб-
 рямъ
 Ревъ Африканскихъ львовъ, стѣнавшихъ о
 Дафнисъ нашемъ.
 Дафнисъ насъ, научилъ впрягашъ въ колесницу
 Армянскихъ
 Тигровъ; Дафнисъ пляскамъ веселымъ на пир-
 шествахъ Вакха;
 Онъ научилъ обвивашъ свирѣль зеленой корою.
 Лозы древамъ украшенье, лозамъ виноградныя
 киспи,

Спаду быки, воздѣланнымъ нивамъ запыте
 колосья:
 Дафнисъ, ты былъ украшеніемъ нашимъ! Ахъ,
 съ смертью пвоею,
 Самъ Аполлонъ и Палеса съ нашихъ полей
 удалились.
 Ахъ, на нивахъ, кошорымъ желшый ячмень
 повѣряли —
 Горькій полынь и овесъ заглушаютъ доброе
 сѣмя;
 Въмѣсто шемныхъ фіалокъ и свѣтлопурпур-
 ныхъ нарциссовъ,
 Тернъ иглишый и гибельный кукодъ въ по-
 ляхъ выросшаюшъ.
 О паспухи, усѣйте же лисьями землю,
 одѣньте
 Воды шѣвню деревьевъ: Дафнисъ сего опъ
 насъ хочешъ.
 Холмъ насыпше надъ нимъ, напишите на кам-
 нѣ могильномъ:
 Дафнисъ, паспухъ и землѣ и звѣздамъ на не-
 бѣ извѣстный,
 Спада прекраснаго спражъ, самъ былъ пре-
 краснѣ spada.

Меналкѣ.

Пѣсни швои, пѣвецъ божеспвенный, шполько
 же сладки,
 Сколько сонъ на лугу ушомленному шпранни-
 ку сладокъ,

Сколько вода ключевая палимому жаждой при-
лпна!

Ты не свирѣлю, ты пѣнїемъ равенъ съ сво-
имъ господиномъ;

Счастливыи юноша, будь ты у насъ по немъ
первыи!

Но и мы спихи пропоемъ чередою

Въ памяшь Дафнису; пусть до звѣздъ его имя
промчплся;

Дафниса мы къ звѣздамъ вознесемъ; онъ и на-
шимъ былъ другомъ.

М о п с ц ъ.

Пѣснь въ честь Дафнису будетъ и мнѣ драго-
цѣннымъ подаркомъ.

Юноша сей былъ достоинъ спиховъ: о пво-
емъ пѣснопѣнїи.

Въ памяшь Дафнису мнѣ Спимиконъ говорилъ
съ похвалою.

М е н а л к ъ.

Дафнисъ, съ радостнымъ чувствомъ вступая
въ черпоги Олимпа,

Съ свѣшлаго прага зришь подъ ногами пучи
и звѣзды:

Роши, поля и луга въ сладоспраспномъ во-
споргѣ;

Панъ, паспухи и Дѣвы—Дріады полны веселья;

Съши свернувшпсь не ловящъ быспрыхъ еле-
ней — и волки

Козни забыли: добрый Дафнисъ нашъ любимъ
спокѣйшво.

Дикія горы громко возносящъ къ звѣздамъ лу-
чезарнымъ

Пѣсни веселья: кусты повшоряющъ въ ска-
лахъ и упесахъ

Клики восторга: онъ богъ! онъ богъ! онъ на
Олимпъ!

Дафнисъ будь добръ, будь доступенъ своимъ!
Вошь чешыре

Здѣсь олшаря: два Дафнису, два олшаря Апол-
лону.

Каждый годъ двѣ чаши съ парнымъ молокомъ,
двѣ чаши

Съ жирнымъ оливковымъ масломъ на нихъ я
поспаваю.

Хійскія вина, душа пировъ, и съ шумомъ и съ
пѣной —

Въ холодъ передъ каминомъ, а въ зной подъ
дрѣвсною шѣнью —

Въ наши обильно польюпися: свѣжій нектаръ
благовонный!

Кришскій Эгонъ и Дамешъ на пиру усладящъ
пѣснопѣвьемъ;

Афесибей, какъ легкій сапиръ, предъ нами
пропляшешъ.

Мы тебѣ первый праздникъ устроимъ тогда,
какъ Нимфамъ

Жерныи приносимъ; другой, какъ празднуемъ
нихъ очищенье.

Вѣчно пріятно рыбамъ въ рѣкѣ, а вепрямъ на
холмахъ;

Вѣчно живъ спанушь пчелы цвѣтами, кузне-
чикъ росю;

Дафнисъ, имя швое и слава вѣчно пребудушь.

Вакху, Церерѣ, шобѣ принесушь поселяне обышы

Каждогодно — и шы ихъ принудишь испол-
нишь обышы.

М о п с у с ъ.

Чѣмъ я могу опдаришь за швои несравненныя
пѣсни?

Тихій зефиръ не щекочешъ съ такою сла-
достью слуха;

Шумъ слегка колыхаемыхъ волнь не споль
сладостраспентъ;

Ключъ, журчащій между камышной, не шеп-
чешъ споль нѣжно.

М е н а л к ъ.

Мы подаримъ шебя прежде легкой свирѣлью,
на коей

Я пѣлъ про любовь Коридона къ Хлоѣ пре-
лестной:

„Титирѣ, тве ты стадо пасешъ, Меллибеево,
то ли?“

М о п с у с ъ.

Вошь свирѣль и шебѣ; ее Аншигену хотѣлось:

Онъ былъ дружбы достоинъ; но мѣдью бле-
сшящей свирѣли

Равной въ волѣнахъ я не даль ему, а опдалъ
Меналку.

1820 года Мал 12.

Дертѣ.

Воейковѣ.

ПРИМѢЧАНІЯ КЪ ПЯТОЙ ВИРГИЛІЕВОЙ ЭКЛОГѢ.

ВВЕДЕНІЕ.

„ Въ . 713 году ошъ построенія Рима.

„ Два паспуха, 'Мопсусъ и Меналкъ, встрѣчаютъ другъ друга лѣшомъ на паспвѣ въ нагорномъ лѣсу. Меналкъ превосходный пѣвецъ, дружески просишь юнаго Мопса, хорошо игравшаго на свирѣли, соспязаться съ нимъ въ пѣніи. Мопсъ соглашается, воспѣваетъ смерть Дафниса, и встрѣчу его безсмертными богами на Олимпѣ.

„ Дафнисъ описанъ здѣсь, какъ недавно скончавшійся другъ обоихъ паспуховъ (ошъ 50 до 52 стиха); изъ нихъ Меналкъ (ошъ 85 до 87 стиха) представляеть самаго Виргилія, сочинителя Коридона и Палемона. И такъ сія Идиллія написана послѣ шрешей, 'шо естъ послѣ 712 года, или, по крайней мѣрѣ, прежде первой, написанной осенью 713 года, которую бы по содержанію ея особенно должно замѣшпшь. Безъ всякаго сомнѣнія, она сочинена прежде

девятой, написанной лѣтомъ 714 года, гдѣ она (въ 18 стихѣ) упоминается, какъ утѣшительная пѣснь для несчастной Маншуй.

„Чья смерть могла тогда произвестъ споль общую печаль, чье обоготвореніе споль общую радость? Смерть и обоготвореніе одного Дикшапора Юлія Цезаря, которой умерщвленъ въ 710, а обоготворенъ въ началѣ 712 года. Послѣ ужасовъ Тріумвирата, древнеримскія сердца съ гореснію воспоминали счастливое правленіе Юлія, великія добродѣтели и подвиги сего мужа, достойнаго царствовашь памь, гдѣ свобода уже не существовала.

„Вѣроятно, Идиллія сія написана въ началѣ 713 года по совѣшу Полліона, когда Окшавій возвратился изъ Филиппъ для раздѣленія полей легіонамъ. Полліонъ, препешавшій за Маншую, хотѣлъ предсавишь Тріумвиру друга своего, какъ почишася Юлія и спихотворца, и прочель ему вмѣстѣ съ симъ спихотвореніемъ Коридона и Палемона, копорыми Виргилій (въ 86 стихѣ) конечно не изъ щеславія похваляется. Знакомство съ Окшавіемъ доставило нашему поэту его покровишельство, которое прославляеть онъ въ 1-й своей Идилліи. Время произшеспвія спихотворецъ положилъ 712 года лѣтомъ.

Фоссѣ.

Два древніе Лашинскіе списха, которыѣ сочинилъ не извѣстенъ, заславили думашь, что сія эклога сочинена въ честь Флакку Марону, братау Виргиліеву:

*Tristia fata cui dum fles in Daphnide Flacci,
Docte Maro, fratrem diis immortalibus aequas.*

С п и х ъ 10.

Спой мнѣ о спраши Филлиды.

Пѣснопѣвецъ говоритъ о Филлидѣ, дочери Ликурга, царя Фракійскаго. Она влюбилась въ Демофонша, сына Тезея и Федры.

С п и х ъ 11.

Иль о битвахъ Аѣинскаго Кодра.

Кодръ царь Аѣинскій; Виргилій говоритъ *aut jurgia Codri*. Извѣстно, что сей Государь, будучи въ войнѣ съ Дорійцами, и зная, что Оракуль обѣщаль побѣду шому воинству, котораго предводилъ погибнешь въ битвѣ, переодѣлся пасухомъ, прокрался въ непріятельской лагерь, завелъ ссору, убилъ, и шѣмъ дославилъ побѣду Аѣинянамъ.

С п и х ъ 12.

О славъ Алкона.

Алконъ, знаменимый Крипянянь, искусный шрѣлокъ. Однажды змій обвился около

маленькаго его сына; онъ убилъ его, не коснувшись шьла младенца.

С п и х ъ 29 и 30.

Дафнисъ насъ научилъ впрягашь въ колесницу Армянскихъ Тигровъ; Дафнисъ пляскамъ веселымъ на пиршесствѣ Вакха.

Если вѣришь, что сія эклога написана въ честь Юлію Цезарю: то какъ понимаешь сіи два стиха?

Извѣстно изъ путешествій Вакхуса, что онъ усмирять львовъ и шигровъ, кошорые въ Триумфѣ возили его колесницу.

С п и х ъ 35.

Самъ Аполлонъ и Палеса съ нашихъ полей удалились. Палеса богиня паспуховъ и пажией. Аполлонъ также былъ признаваемъ богомъ-покровителемъ паспуховъ; ибо онъ самъ былъ паспухомъ и пасъ спада у царя Адмела.

С п и х ъ 74.

Мы тебѣ первой праздникъ устроимъ тогда, какъ Нимфамъ жершвы приносимъ.

Торжесство, обыкновенно совершаемое земледѣльцами и паспухами, при началѣ весны, для испрошенія отъ боговъ благословенія лугамъ, садамъ и нивамъ.

Спихъ 75.

Другой, какъ празднуемъ нивъ очищенъе.

Сей праздникъ отправляемъ былъ съ пышными жеривоприношеніями при началѣ жашвы, при чемъ приносили на олтарь боговъ первенцы — плодовъ и жашвы.

Спихъ 86.

Я пѣлъ про любовь Коридона къ Хлоѣ прелестной. Пѣснопѣвецъ говоришь объ II. эклогѣ своей.

Спихъ 87.

Также: и чье пы спадо пасешь, Мелибево, чпо ли? Здѣсь Виргилій напоминаетъ о I спихѣ III эклоги своей.

ПРОЩАНІЕ СЪ ЖИЗНІЮ.

(Изъ Жильбера).

На пышномъ праздникѣ, у жизни милой,
Я, грустный, прогостилъ одинъ лишь поль-
ко день

И гасну медленно... и надъ моей могилой
Никто слезой мою не успокоитъ шѣнь!

*

Просшите, мирныя поля и вы, дубравы!
Гдѣ, въ милой ссылкѣ мнѣ, душой я отдыхалъ!
И небо звѣздное — шаперъ нашъ величавый,
Природа дивная, просни, мой часъ наспалъ!—

*

Живите долго вы, для сихъ красошь священ-
ныхъ,

Глухіе къ жалобамъ души моей, друзья!...
Ахъ, будь имъ въ сладосшь — жизнь! и жизнью
насыщенныхъ

Сомкни глаза ихъ другъ и грустная семья!—

Федоръ Глинка.

П Р О Щ А Н І Е.

Пускай измаранной лиспокъ
Тебѣ напомнишь о поэтѣ!
Кипо знаешь, другъ, какую въ свѣтѣ
Ему тропу назначилъ рокъ?
Увы, съ расперзанной душою
Не разъ я милыхъ покидалъ —
И руку друга пожималъ . . .
Въ прощаньи шрепейной рукою!
Ты помнишь милую спрану,
Гдѣ жизнь и радость мы узнали,
Гдѣ зрѣли первую весну,
Гдѣ первой страстїю пылали? . . .
Ручей покинулъ я родной;
Побрелъ пусынною тропою:
Провесить, бытъ можешь, и съ побою
Мнѣ суждено лишь день — другой!
И можешь бытъ, пушеводимый
Своей блуждающей звѣздой,
Я кончу вѣкъ въ спранѣ чужой
И не увижу кровь родимый!

А пы къ опеческимъ полямъ
 Съ полей побѣды возвращенный,
 Хвала покою уединенный,
 Сожжешь маспики въ чesпъ богамъ.
 Но гдѣ жъ пѣвецъ, побой любимой?
 Онъ совершилъ судьбы завѣсть,
 Судьбы враждебной съ юныхъ лѣтъ
 И до конца непримиримой!
 Когдажъ спихи его найдешь —
 Залогъ проспой, но дружбѣ милой —
 Прочтешь съ улыбкою унылой
 И тихо листъ перевернешь.

С Т И Х И,

написанные на манускриптѣ Поэта.

Бышь можешь, милый другъ, по волю Парки
шайной
Внезапно разпроцусь я съ жизнью случайной—
И свѣсть легкой въпръ слѣды моихъ шаговъ;
Бышь можешь, ни одинъ изъ юношескихъ еновъ
Не сбудешся со мной; бышь можешь, въ оп-
даленьѣ,
Какъ жершву, ждесть меня холодное забвенье:
Пусшь свшпокъ сей хранишь руки моей чершы—
И сбудешся со мной хошь часъ моей мечшы!
Съ благоговѣнемъ пошомокъ просвѣщенной
Начнешъ разсмашривашъ швой свшпокъ дра-
гоцѣнной
И, любопытшшвуя по чуждому перу,
Прочшешъ мои шшхи — и я не весь умру!

С М Ъ С Ъ.

П И С Ъ М О

Г. Погетнаго Члена Общества А. Н. Оленина къ Дѣйствительному Члену Г. И. Спасскому (*).

Я съ большимъ удовольствіемъ и благодарностію получилъ экземпляръ Сибирской Лѣпописи, копорымъ вы меня на сихъ дняхъ почтили. Я давно желалъ видѣшь сію вамъ принадлежащую рукопись XVII вѣка издавную въ печашь — и наконецъ доспохвальнымъ попеченіемъ Г. Государспвеннаго Канцлера Графа Н. П. Румянцова о разпротраненіи всего, что можешъ служишь къ вѣрнѣйшимъ Историческимъ свѣденіямъ о Россіи и вашими прудами — желаніе мое исполнилось. Но сколько я былъ обрадованъ симъ новымъ появленіемъ любопытнаго и полезнаго сочиненія въ кругу спаринной нашей опечеспвенной Словесности, сполько опечалился, увидѣвъ въ заглавіи оной въ гравированной каршинѣ мнимый поршрешъ Ермака Тимоѣевича. Я весьма со-

---

(*) Смол: С. П. и Б. No VII, страв. 125.

жалѣю, Милостивый Государь мой, о шѣхъ жипеляхъ Сибири, копорые, какъ вы мнѣ сказывати, и понынѣ увѣрены, что сіе лице должно будшо изображать шого великаго въ своемъ родѣ мужа, копорый изпоргнулъ у Татаръ богатый Сибирскій край; — тогда, какъ оно дѣйсвишельно представлелшъ какаго-шо неизвѣстнаго западной Европы рыцаря XV или начала XVI вѣка. Вошъ шому явныя доказательства (*):

(*) Въ Сибири я видѣлъ два живописныхъ портрета Ермака: на одномъ представляелш онъ съ лицемъ суровымъ, съ кудрявыми волосами и бородою, вооруженный пиксю и мечемъ съ рукояшкою, изображающею пшичью голову; на другомъ безъ всякаго оружія, съ видомъ благообразнымъ и съ длинною бородою. Одежда его на томъ и другомъ портретѣ одинакая; она такая же, какъ и на приобщенномъ мнѣю къ Сибирскому Вѣшнику и Лѣтописи Сибирской гравированномъ портретѣ Ермака. Хотя первый изъ нихъ встрѣчалелш гораздо чаще послѣднато; однако же, какъ доказалъ почтеннѣйшій Сочинитель сего письма, не болѣе имѣетъ сходства съ своимъ подлинникомъ. Описанный же въ семъ письмѣ новый портретъ Ермака, ошличалелш изящесшвомъ работою, представляелш знаменншаго завоевателя Сибири во весь ростъ, и въ томъ самомъ видѣ, въ какомъ по Лѣтописи Ремезовской и по другимъ Историческимъ доводамъ онъ бытъ долженъ. Слѣдственшо сел портретъ можетъ служитъ образцомъ для рѣзца и къшши художника и болѣе дѣшшойнымъ уваженіемъ предметомъ для чшшителей памяти сего незабвеннаго мужа, нежели всѣ извѣстныя прежне его портреты, вымышленныя усерд-

Шапка на семь рыцарѣ, кошорую въ Сибири принимають за мешаллическую, или за особый шлемъ, Ермаку принадлежавшій, еспѣ не что иное, какъ бархашная или суконная шапка, называемая *шаперонъ* (*chaperon*), кошорую въ XV и XVI вѣкахъ носили почти во всей Европѣ, кромѣ Россіи. Повязка, выказывающаяся изъ подъ сей шапки, напоминаетъ того же времени другой Европейской головной уборъ, который надѣвали вмѣстѣ съ шаперономъ, а именно: *барету* (*barrette*), по, что нынѣ у насъ скуфьею называется. Въ концѣ XV вѣка во всей Европѣ особенно военные люди, начали опрашивать бороду и въ поже время появились брызжи, или споячїе, а иногда и опложные ворошники у рубашекъ: *колле* или *фрезъ* называвшіеся, (*collet ou fraise*), копорыхъ наши предки, особливо же наши козаки, никогда не нашивали; а по шому сей уборъ вовсе Ермаку (Василью Тимоѣевичу) неприличенъ, равно какъ и лапы, представленныя на семь, мнимомъ его поршпрешѣ. — Сего рода доспѣхи во времена покоришеля Си-

---

ними, но несвѣдущими, его почиташелыми. Припѣтѣйшимъ долгомъ поспавляю засвидѣтельствовать истинную благодарность мою Е. П. Алексѣю Николаевичу, ревностному покровителю дарованій и спосѣшествовашелю ученыхъ трудовъ, за сей нецѣненный для меня подарокъ. Г. С.

бири не были употребляемы Рускими войнами, копорые тогда вообще цѣльныхъ лапть не носили. Брони наши были или желѣзныя кольчужныя, какъ по: *пансвири*; или изъ желѣзныхъ же пластинокъ, скрѣпленныхъ кольцами, какъ по: *дощатвая брони*; или изъ шапкихъ же пластинокъ, прикрѣпленныхъ заклепками къ кожѣ и бархату, какъ по: *куяки*; или изъ чешвероугольныхъ чешуй, какъ: *бахтерцы*; или же изъ большихъ разнообразныхъ пластинъ, шакже къ кожѣ и бархату прикрѣпленныхъ, какъ по: *зерсалы*. Вошь Руская рашная сбруя того времени; а не цѣльная съ головы до ногъ лапы, во время Ермака употребляемая: Нѣмцами, Французами, Англичанами и другими народами Европы, кромѣ Рускихъ и Поляковъ, копорые въ своемъ вооруженіи болѣе Азіатцамъ, нежели Европейцамъ подражали. Наконецъ самая медаль, повѣшенная на груди сего неизвѣснаго лашника, принимаемая, можешъ бышь, за Царскую гривну, или знакъ почести погдашняго времени, копорымъ Ермакъ никогда не былъ удостоенъ, шакже доказываешъ подложношъ сего поршреша.

Впрочемъ мнѣ кажешся, что прежде завоеванія Сибири, вѣрно не приходило на умъ Козацкому того вѣка Ашаману заставляшь съ себя писашъ поршрешы, когда сіе искусство

весьма мало еще извѣстно было въ Россіи; во время же завоеванія имъ обширнаго Сибирскаго края, продолжавшагося около прехъ лѣтъ въ непрерывныхъ трудахъ и опасностяхъ, не было, кажется, ему удобнаго времени заботиться о своихъ портретахъ, да вѣроятно и не было кому ихъ писать; а пошому я полагаю, что въ изображеніяхъ сего доспомятнаго мужа, оказавшаго споль великую услугу Россіи, мы должны къ крайнему сожалѣнію ограничиваться представленіемъ его въ шомъ видѣ, въ какомъ онъ могъ бытъ во всеоруженіи своемъ, не заботясь о вѣрности въ чертахъ его лица. Сіе изображение Ермака можно легко и основательно согласить при нѣкоторомъ прилѣжномъ изслѣдованіи, объ образѣ погдашняго нашего вооруженія, что довольно извѣстно по преданіямъ и по оставшимся драгоценнымъ памятникамъ въ Московской Оружейной Палатѣ. Сверхъ шого мы можемъ, хотя нѣсколько, руководствоваться въ шомъ рисунками Ремезовской, Гобольской, или Сибирской Лѣтописи, въ которой Ермакъ два раза представленъ во всеоруженіи своемъ. Броня его главнѣйше состояла по словамъ шой Лѣтописи: „въ пансырь, бипомъ въ 5 колець мудросно, длиною въ два аршина, въ плечахъ съ чешью аршинъ, на грудяхъ и межъ

крылецъ, печати Царскія, златыя орлы. По подолу и рукавамъ опушка мѣдная на при вершка“ (*).

Хошя рисунки сей Лѣпописи и не весьма исправны, но они съ помощію насипоящихъ шого времени Рускихъ оружій (**), дали мнѣ средство представити Ермака Тимоѣевича по крайней мѣрѣ въ шомъ самомъ военномъ одѣяніи, въ какомъ онъ въ свое время, вѣроятно, хаживалъ. Я спарался при семъ новомъ изображеніи завоевашеля Сибири, чпобы въ чертахъ его лица и въ его станѣ сохранено было все, что объ наружномъ его видѣ сказано въ Ремезовской Лѣпописи: „бѣ бо вельми мужеспвенъ, и разуменъ, и челоувченъ, и зраченъ и всякой мурдосши доволенъ, плосколицъ, чернъ бралою и власы, прикудрявъ, возраспъ средній и плоскъ, плечиспъ.“ Вошъ въ какомъ видѣ я спарался изобразити славнаго Ермака! Я посвящаю вамъ, Милоспивый Государъ мой, сей малый спрудъ (малый въ опношеніи учаспія, которое я лично въ ономъ принималъ), въ знакъ моего къ вамъ уваженія за полезныя ваши изысканія. Вы можете, ес-

(*) Ремезовской Списокъ ИМПЕРАТОРСКОЙ Академіи Наукъ спат. 93 (ЧГ) листъ 29, а по старому щесу 24 (КД).

(**) Малая частіца сихъ оружій составляла нѣкогда мою соб. вщевность, а нынѣ въ даръ мною посвящена ИМПЕРАТОРСКОЙ Академіи Художествъ.

ли вамъ угодно будетъ, прибавишь прилагае-
 мый при семъ гравированный на мѣди эстампъ
 съ изображеніемъ Ермака Тимоѣевича во все-
 оруженіи своемъ къ изданной вами Сибирской
 Лѣтописи, при семъ моемъ письмѣ, а рав-
 нымъ образомъ и къ вашему Сибирскому Вѣ-
 стнику. Примите искреннее увѣреніе въ мо-
 емъ къ вамъ почтеніи и преданности, съ ка-
 ковыми чувствами я имѣю удовольствіе быть
 навсегда вамъ и проч.

7 Іюня 1821 года.

ЧЕРТОГИ СКАУРА,

или описаніе Римскаго дома: отрывокъ изъ путешествія въ Римъ Меровира, Свевскаго Принца, во время упадка Римской Республики (Изъ *Revue Encyclopédique*).

Сіе сочиненіе издано безъ имени автора. Въ немъ видны споль глубокія познанія въ Архитекшурѣ и строеніяхъ древнихъ и споль обширная ученость, что сочинителя можно бы почестъ чловѣкомъ весьма опытнымъ въ своемъ искусствѣ, если бы названіе *Воспитаника*, имъ принятое, особенно плѣнительная живость и легкость его кисти и съ большимъ вкусомъ нарисованныя каршины въ черпогахъ Скаура не удословѣрили въ юности лѣтъ его.

По самому заглавію сего новаго сочиненія можно догадаться, что авторъ, по примѣру

Вершелеми и другихъ ученыхъ, соединилъ въ вымышленной повѣсти съ нѣкопорымъ родомъ дѣйствія, всѣ свѣденія, имъ собранныя о спростеніяхъ и украшеніяхъ часныхъ Римскихъ зданій въ цвѣтущемъ вѣкѣ Искусствъ.

Аріовистъ, царь Свевской, былъ побѣжденъ Цезаремъ. Одинъ изъ его сыновей, именемъ Меровиръ, взявъ побѣдителей въ плѣнъ. Сочинитель, предполагая, что сей юный Принцъ, прожившій восемь лѣтъ въ одномъ изъ городовъ Нарбонской Галліи, гдѣ нравъ его смягчился, и гдѣ выучился онъ Греческому языку, и языку повелителей вселенной, былъ посланъ въ Римъ, просвѣщенную и великолѣпную шемницу сихъ славныхъ заложниковъ, копорые своею жизнію оплѣтали за покорность царей и повиновеніе народовъ.

Меровиръ жилъ у Хризиппа, Греческаго Художника, копорый, лишившись всего имѣнія во время мятежей своего опечесива, пріѣхалъ въ Римъ искать счастья и славы: въ самомъ дѣлѣ всѣ почти Художники, наиболѣе прославившіеся въ Римѣ, были Греки; Греція опмсшила своимъ побѣдителямъ, покоривъ ихъ искусствами и нѣгою.

Несчастіе сближаетъ людей. Скоро самая шѣсная дружба соединила Севскаго Принца съ Греческимъ Художникомъ. Меровиръ желалъ научиться, а Хризиппъ находилъ удо-

вольсшвіе знакомишь юнаго Принца съ обычаями, нравами и роскошью попомковъ Капилина и Цинциановъ, споль переродившихся, споль не похожихъ на своихъ праошцовъ.

Однажды Меровиръ сказалъ своему другу: много я слышалъ о неимовѣрныхъ богатствахъ Скаура, о живой его спраши къ пышности и спроеніямъ: справедливы ли сіи рассказы? Ты самъ можешь судить объ эпомъ, опвѣчалъ Хризиппъ, ежели завпра вспанешъ прежде разсвѣта, пошому что въ Римъ обыкновенно посвщаютъ другихъ съ появленіемъ зари; я шебъ покажу всъ части чершогова эпаго человекъ, котораго владѣнія споль обширны, что шрехъ тысячъ шесши солъ паръ воловъ едва достаточно для обрабошыванія земель, на которыхъ пасешся болѣе двухъ солъ пшадешаи тысячъ скопа. Чешыре тысячъ невольниковъ употреблешся единшвенно для его услугъ, въ городскихъ и загородныхъ домахъ, ему принадлежащихъ; и почши шакое же число людей обрабошываешъ его поля и смошришь за шладами. Опець Скаура былъ въ Римъ одинъ изъ ревностнѣйшихъ распросраншелей роскоши и великолѣпія. Испрашляя должность Эдила, онъ соорудилъ временной Театръ, вмѣщавшій въ себѣ восьмьдешаи тысячъ зришелей и поставилъ въ немъ шри-

ста шестьдесятъ колоннъ изъ мрамора, спек-
ла и дерева позлащеннаго и при тысячи ста-
шуй.

Сіе описаніе возбудило чрезвычайное лю-
бопытство въ Меровирѣ; на другой день, ед-
ва заря показалась на горизонтѣ, онъ уже
просилъ своего друга проводить его въ чер-
тоги Скаура. На поворотѣ улицы они при-
нуждены были остановиться, встрѣпивъ спо-
воловъ, длинными рядами запряженныхъ, ко-
пторые тащили съ большимъ трудомъ одну
колонну изъ иностраннаго мрамора, купленную
Публиемъ Клавдіемъ за 14,800,000 сесперцій (*)
для своихъ чертоговъ. Мудрыя узаконенія,
сказалъ Хризипъ, опредѣлили высоту до-
мовъ, запреща строить ихъ выше бо или 70
фузовъ; но корыстолюбіе чашныхъ людей
умѣетъ презирашь или ослаблять силу зако-
новъ. Подъ *Салариумомъ*, или террасою, удо-
бный домъ стоить не болѣе 2000 сеспер-
цій (**), между тѣмъ, какъ за наемъ хороша-
го дома надобно заплатить по крайней мѣрѣ
30,000 сесперцій (***) . Но вошь и чертоги
Скаура! Замѣшь, что они отдѣлены отъ про-
чихъ строеній, для предосторожности отъ

(*) Около 2,966,000 рублей.

(**) Почти 400 рублей.

(***) 6,000 рублей.

пожаровъ, споль часто случающихся въ Римѣ и споль опасныхъ въ такомъ городѣ, гдѣ улицы кривы и узки; но Римляне думаютъ, что воздухъ въ эсихъ улицахъ здоровѣе, нежели въ широкихъ.

Площадка, обсаженная деревьями, украшенная бронзовыми въ чешыре лошади запряженными колесницами, конными спашуями, колоссальнымъ изображеніемъ Аполлона и окруженная съ прехъ споронъ проспиранными поршиками, примыкающими къ дверямъ дома называется *Ареа*. По обѣимъ споронамъ дверей, шы видишь комнаны, назначенныя для ожидающихъ пріема; комнаны сіи вообще называются *Вестибулами*. Въ эпомъ коридорѣ находятся *отіаріи*, шо естъ, невольники для охраненія дверей; на невольникахъ Скаура фіолетовые пояса и зеленое плашье. Одинъ изъ нихъ держитъ на цѣпи ужасную собаку; а другое живошное сего рода шакъ удачно варисовано на споронѣ дверей, что часто его принимаютъ за живое; надъ нимъ написано большими буквами *save capet*.

Хризиппъ показалъ своему другу подраздѣленія и разныя часши, соспавляющія *Протирциль* и *Атрициль*, у коего бронзовыя двери. Нѣкогда въ однихъ шолько храмахъ были двери изъ сего мешалла, и Камиллъ преданъ былъ суду за шо, что имѣлъ мѣдныя двери: нынѣ

это всеобщая роскошь. Открывая часть *Атриция* сверху задернула пурпуровымъ пологатымъ наметомъ, которой, тихо колеблясь отъ вѣтра, сбрасываетъ на колонны, статуи, картины и людей переливающимся цвѣтомъ, тѣмъ болѣе пріятный, что одно только это мѣсто сообщаетъ свѣтъ *Каведіуму*. Тѣнь, разпространяемая наметомъ, сохраняетъ всегдашнюю прохладу въ этомъ мѣстѣ, наиболее посѣщаемомъ гостями и посему вообще съ болѣею роскошью украшаемомъ колоннами, статуями и бронзою.

Полъ въ немъ сдѣланъ изъ разнаго драгоценнаго мрамора; тутъ всякое упрѣ бываетъ множество опущенныхъ на волю рабовъ, услужливыхъ Клиентовъ, просителей, прѣзжающихъ изъ всѣхъ провинцій Республики, которые сгибаются, ползаютъ, продираясь къ дверямъ вельможъ. Постыпителей сихъ, сказалъ Хризиппъ, раздѣляютъ на три класса: на *Салутаторовъ*, которые, какъ и мы, приходящъ на поклонъ къ господину дома, на *Дедукторовъ*, которые его провожаютъ въ обществу, и на *Ассектаторовъ*, за нимъ повсюду слѣдующихъ. Въ сію минуту Скауръ показался у входа *Таблиціа*, составляющаго главную часть *Атриция*. Онъ съ благосклонностію принималъ всѣхъ, которые приходили удивляться его богатству, или искавъ

его покровительства. Съ помощію иманоска-
 запеля, онъ привѣщивовалъ каждого посѣщи-
 теля по имени. Подошедъ къ Хризиппу, онъ
 пригласилъ его къ себѣ обѣдать съ Меро-
 вироу и сѣлъ въ открытыя носилки, поддер-
 живаемыя десятию Либурнскими рабами.
Атриумъ опустѣлъ. Воишь, сказалъ Меровиръ,
 человекъ по испинѣ достойный друзей: онъ
 не только отперъ двери своимъ соотечес-
 венникамъ, но раскрылъ имъ свое сердце, по-
 могая имъ своею властію. Хризиппъ улыб-
 нулся. Желаю, что бы ты не обольстился
 этой наружной учтивостію, эшимъ необык-
 новеннымъ великолѣпіемъ, и не почелъ Скау-
 ра любимцемъ боговъ и другомъ несчаст-
 ныхъ. Конечно онъ раздаетъ голоднымъ Кли-
 енпамъ нѣсколько мѣлкой монеты, нѣсколько
 оспашковъ отъ своего роскошнаго спола, но
 все это дѣлаешь всегда при своихъ дверяхъ,
 въ глазахъ народа, а не въ убожищѣ нище-
 ны. — Посмотри, какъ шащатся къ сему мѣ-
 сцу больныя дѣши, изнемогающія при наспу-
 лившемъ времени родовъ женщины. Напрас-
 но они изъ хижинъ своихъ умоляли Скаура о
 милосердіи: онъ изливаешь его только всена-
 родно. — Однажды выпалъ снѣгъ и одинъ не-
 счастливый, оцѣпенѣвшій отъ стужи, просилъ
 у него плаща: онъ отказалъ ему суровымъ го-
 лосомъ. О Скауръ, возкликнулъ несчастли-

вещь, за тѣмъ я не созданъ одною изъ твоихъ
 Киликійскихъ яблонъ; ты бы конечно закрылъ
 меня! Боги не даровали этому богатому и щеще-
 славному челоуку сердца, способнаго къ слад-
 кимъ ощущеніямъ сосраданія, отказавъ такъ
 же въ сокровищъ, не менѣе драгоцѣнномъ: въ
 силъ душевной и просвѣщеніи ума. Видишь
 ли эпошъ гвоздь надъ главными дверями его
 дома? Онъ вырванъ изъ гробницы, и Скауръ
 велѣлъ вколошнить его здѣсь, чщобъ опдалишь
 опъ своего жилища привидѣнія и ночныя
 спрашилища. Рабы, копорымъ онъ былъ пре-
 порученъ въ дѣлствѣ, наполнили умъ его суе-
 вѣрїями всякаго рода. Но послѣшимъ далѣе:
 оспалось еще много осматривашъ. Меровиръ
 осмотрѣлъ съ своимъ пушеводителемъ комна-
 ты Скаура, комнаты Лолліи, его супруги,
 Пинакотею или каршинную галерею, библио-
 теку, Эци или залы, Экзде или мѣсто соб-
 ранія, Сакраріуль или домовую церковь, ку-
 хню, копорая имѣетъ 148 фушовъ въ длину;
 Сферистеріуль или залу, въ копорой играютъ
 мячемъ, и Алеаторіуль, гдѣ занимающся раз-
 ными играми; бани, Триклиніуль или залу для
 пиршесствъ и сады. Хризипъ объяснилъ сво-
 ему другу предметы каршинъ: мозаическихъ,
 алфреско, энхаустическихъ, коими покрышы
 даже преддверія и полы; онъ показалъ разно-
 образіе и красошу мраморовъ, число, высокошу и

прелесть колоннъ; богатство каппелей, фризь и украшенія изъ слоновой кости, на коихъ блисало золото, черноморская *Синописъ*, Эфесская Киноварь и весторійская лазурь, пригошоваемая въ Пуццоли. Когда они находились въ о.обенныхъ комнатахъ Скаура, то Хризиппъ отворилъ съ улыбкою дверь, покрывшую обоями, кои невольникъ приподнялъ. Мы теперь, сказалъ онъ Меровиру, въ шайномъ ошдѣленіи, которое Греки называютъ *Афродизионъ* и которому Римляне дали имя, хотя не столь нѣжное, но поже самое значущее: все въ этомъ мѣстѣ напоминаетъ присутствіе богини, которой здѣсь поклоняются: олшарь, занавѣсы, колонны, спашуи и картины; а эти произведенія Парразія... Выйдемъ отсюда, сказалъ Свевской Принцъ: думалъ ли я это найти въ томъ городѣ, въ которомъ воздвигали олшари богинѣ спыдливосши? Меровиръ и Хризиппъ могли бы получить позволеніе видѣть Лоллію; но имъ показалось неприличнымъ беспокоить ее: она находилась тогда посреди своихъ невольницъ въ *Таламусъ* или брачной комнатѣ, гдѣ Лала Цизикская, славная живописица, снимала съ нея портретъ. Они посѣдили только шѣ части *Гинецелъ*, гдѣ тогда не было женщинъ Лолли.

Ея уборная удивила Меровира. Не столь-

ко сокровищъ предложилъ Римъ Бреннъ для выкупа своего, сколько Скауръ истощилъ ихъ на украшеніе особенныхъ комнашь супруги своей. Жемчужина на одномъ изъ ожерельевъ Лолліи, стоила шесть милліоновъ сестерцій (*). Всякаго рода вазы изъ всѣхъ металловъ наполнены были благовоіями, или соспавами для умащенія волосъ. Металлическія и стеклянные зеркала, привезенныя изъ Сидона, безчисленное множество шканей, злапошвейныя и шелковыя плашья, искусно перемъшанныя, пурпуръ изъ Тира, изумруды и жемчугъ съ Воспока, искусственные цвѣшны, сдѣланныя изъ машерій и напишанныя Индѣйскими благовоіями, вопъ чпо почиталось необходимымъ для уборной комнашы Римлянки: еспь между ними даже и шакія, которыя лишаютъ себя лучшаго украшенія природою имъ дарованнаго: онъ брѣюшь голову и украшающся бѣлокурыми волосами, похищаемыми корысполюбіемъ у юныхъ Галльскихъ и Германскихъ дѣвиць.

Проходи Экзеде, Хризиппъ сказалъ Меровиру: эша зала, гдѣ шеперь собираюшся всѣ любители новостей и перемѣнь, гдѣ шеперь съ шакою ревностію принимаюшь участіе въ проискахъ Цезаря, домогающагося Консульства, нѣкогда посѣщалась шолько учеными и филосогами. Старой Сцевола не совѣмъ еще

(*) 1, 200, 000 рублей.

оставилъ ее: онъ преподавалъ шамъ въ сію минуту правила нравственности. Они приблизились къ нему, слышали сіи доспонамяпныя слова, кои обращалъ онъ къ молодымъ людямъ: *порокъ можетъ произвести одно только благоприятное слѣдствіе для юности, ильннн преждевременную смерть. Свобода есть щитъ, да не превратилъ его въ мечъ.* Въ другомъ углу, Мешродоръ, живописецъ и философъ, чершилъ геометрическія линіи на черной доскѣ и изображаемыми фигурами опшѣшшвовалъ на предлагаемые вопросы. Одинъ молодой человекъ просилъ его описать женщину: Мешродоръ представилъ западную, покрытую цвѣтами.

Меровира провели въ баню. Онъ не могъ вытерпѣть душливаго пара *Калдаріума* или *Судаторіума* и предпочелъ умеренную теплоту *Тепидаріума*. Изъ бани они пошли въ *Триклиніумъ*, куда Скауръ уже былъ принесенъ при звукѣ флейтъ, закрытый багряною персидскою эпанчею.

Скауръ всегда обѣдалъ вечеромъ. *Триклиніумъ* или столовая, вдвое длиннѣе противу своей ширины, и какъ бы раздѣлена на двѣ половины: верхняя занята споломъ и постелями, а нижняя оставается свободною для услуги и зрѣлищъ, ибо зрѣлища составляютъ необходимую принадлежность пиршества.

То молодыя панцовщицы показываютъ свое искусство на канатѣ, проплетуемомъ надъ головами госпей; но прекрасныя Испанскія невольницы, одѣшныя въ коропкія шуники, поютъ, согласуя голоса свои со звуками Лиры, и увеселяютъ госпей сладострастными плясками; иногда вооруженные молодые люди декламируютъ стихи изъ Омера и посему называютъ ихъ Омеристами; иногда также роскошныя Пелеспришы, нагя и намазанныя масломъ, подобно апдепамъ, приходятъ сюда бороться; очень часто свирѣпыя Гладіаторы, коихъ ремесло состоитъ въ томъ, чпо бы убивать или умирать за деньги, прибѣгаютъ обогрять своею кровію залу празднества, и присоединяютъ ужасы убійства къ развратамъ пированія.

Скауръ далъ почешное мѣсто Меровиру, посадивъ его подлѣ себя. Обѣдъ былъ роскошной. Всѣ госпи были украшены искусственными цвѣтами: настоящіе считались слишкомъ обыкновенными. Споль изъ кедроваго дерева со многими подспавками, обремененъ былъ кушаньями, кошорыя ненасытимое лакомство Римлянъ собирало со всѣхъ странъ свѣта. Здѣсь выходились фазаны, яицы спруса, окорока Испанскіе, журавли, скары, пойманныя на берегахъ Малой Азіи и Чебаки, изъ коихъ каждая стоила 6,000 сесперцій (*).

(*), Около 1,300 рублей.

Вино лилось въ изобиліи. Погребъ Скаура вмѣщала 300,000 ведеръ, почти всѣхъ извѣстныхъ винъ; въ немъ было 185 различныхъ соршовъ. Меровиру показали между самыми ошважными пѣяницами Цицеронова сына, который спыдилъ знаменипаго ошца своего: иногда онъ осушала однимъ разомъ огромной кубокъ, въсомъ въ двѣ конги (*).

Пронзительное пѣніе пѣшука возвѣспило появленіе зари: — Скауръ велѣлъ принести вазу, содержащую въ себѣ при конги, и налилъ въ нее медоваго вина, раствореннаго благоуханнымъ нардомъ; ошцававъ лисья изъ розоваго вѣнка кинулъ ихъ шуда и возкликнувъ: *свѣселъ заувѣтаннелъ*; приложилъ слухами, и попомъ она пошла изъ рукъ въ руки: эпо называлось кубкомъ дружбы, служило знакомъ къ прощанію. Всѣ поклонились Скауру, сказавъ ему: *Боги да будутъ твоими покровителями* и каждой изъ госней вышелъ при свѣшѣ факеловъ; Меровиръ и Хризиппъ возвратились домой.

Такое обозрѣніе сего сочиненія не можетъ показати ученыхъ и любопытныхъ подробностей, копорыя оно заключаетъ. Мы не слѣдовали за Хризиппомъ и Меровиромъ, ни въ садъ Скаура, ни въ садъ, находящійся надъ

(*) Конги мѣра напитоковъ у древнихъ Римлянъ, величинею въ кубической футъ, содержащая 120 Римскихъ уацій вѣсу.

Соларіциолѣ. — Мы не говорили ни о *Вазилевѣ*, ни о *Сакраріцилѣ*, ни о книгахъ, копорыя находяпся въ библіотекѣ, ни о *Госпицицилѣ*, гдѣ Скауръ принимаешь иноспранцевъ, и гдѣ можешъ помѣспнишьса тысяча человекъ. Надобно прочесъ всѣ сіи подробности въ самомъ сочиненіи, гдѣ онѣ описаны перомъ быспрымъ, почнымъ и красивымъ. Сочинитель, напишанный созерцаніемъ древности, никогда не позабывалъ приносишь жерпву Граціямъ. Онѣ умѣлъ украсишь цвѣшами ученоспъ, всегда мѣсколько суровую, а чшо наиболѣе доспойно похвалы, каждой разъ когда ему позволяешъ его предметъ, онѣ слѣдуешъ влеченію благороднѣйшихъ чувспъ, коими онѣ одушевленъ, какъ человекъ, какъ художникъ и какъ гражданинъ; онѣ пробуждаешъ пріашныя и священныя воспоминанія объ опечеспѣ въ сердцѣ Меровира, при возрѣніи на древніе дубы и на мрачныя сосны, покрывающія хребтѣ Яникула.

А. Р.

О НѢКОТОРЫХЪ ОТКРЫТІЯХЪ ВЪ НАУКАХЪ, ИСКУСТВАХЪ И МАНУФАКТУРАХЪ ВЪ ПРОШЕДШЕМЪ 1820 ГОДУ.

(*Продолженіе*).

О капляхъ жидкостей, заключенныхъ въ твердыхъ камяхъ,

Иногда во внутренностяхъ скважинъ горнаго хрустала, халцедона и амезисна находяся капли неизвѣстной жидкости. Сію жидкость почищаютъ обыкновенно водою. Что сія жидкость не есть вода, въ этомъ убѣдился Г. Соколовъ случайно слѣдующимъ образомъ: разбивая ошломокъ горнаго хрустала, заключавшій въ себѣ каплю жидкости, для приданія ему лучшаго вида, онъ пораженъ былъ звукомъ, подобнымъ пистолетному выстрѣлу: кусокъ разлетѣлся на части. Онъ приписалъ сначала сіе обстоятельство мгновенному пошрясенію воздуха, находившагося въ какой нибудь непримѣченной имъ пустотѣ сего куска; но послѣ удивленіе его было чрезвычайно, когда онъ увидѣлъ плашокъ свой, которой держалъ въ рукахъ, разбивая камень, разбѣденнымъ въ нѣсколькихъ мѣстахъ, какъ бы кислотою. Безъ сомнѣнія должно приписать происхожденіе скважинъ на плашкѣ

жидкости, находившейся въ пушопѣ разбишаго камня. Жаль, что сіе явленіе почти не можетъ быть подтверждено повшорительнымъ опытомъ, ибо подобныя минералы рѣдки; и впрочемъ, чтобы подвергнуть жидкость сію химическому испытанію, то едва ли достаночно будетъ количество оной, собранное изъ десяти камней для произведенія одного почнаго и удовлетворительнаго опыта.

Новой гальванитеской приборѣ.

Г. Докторъ Шпраубъ въ Гофвилѣ составилъ весьма простой и примѣчательной приборъ, имянно, гальванической столбъ изъ кружковъ цинка и искусственнаго угля, имѣющихъ въ діаметрѣ до 3 вершковъ. Четыре пары сихъ кружковъ даютъ искры, а пять паръ разлагаютъ воду. (Bibliothèque universelle, septembre 1820).

Весьма сильной гальванитеской приборѣ.

Въ Лондонѣ есть гальванической приборъ, состоящій изъ 2000 паръ пластинокъ. Производя опыты посредствомъ сего сильнаго прибора, Г. Гомфри Деви узналъ, что ежели прикрѣпишь къ проводникамъ сего столба угли, то происходитъ между двумя почками углей отдѣленіе электричества, хотя бы сіи почки были на разстояніи $\frac{1}{30}$ или $\frac{1}{40}$ вершка. Первое дѣйствіе отдѣленія электричества

обнаруживается раскаленіемъ углей; послѣ сего можно уже поспешенно удалять угли на разстояніе 4 вершковъ и свѣшь между ними будетъ примѣненъ. Сей свѣшь весьма ярокъ и въ срединѣ шире, нежели при концахъ; онъ имѣетъ видъ дуги.

Опытъ удается тѣмъ лучше, чѣмъ воздухъ рѣже. Г. Деви производилъ симъ дѣйствіемъ непрерывное пурпуровое пламя, имѣвшее до 7 вершковъ въ ширину. (*Annales de Chimie & de Physique, septembre 1820*).

Новая теорія гальванического прибора.

Г. Робертъ Гаръ, Профессоръ Химіи въ Пенсильваніи, предложилъ новую теорію Вольтоваго прибора коипорую онъ подтверждаетъ любопытными опытами. Могушесивенное средство, обнаруживающееся опть гальванического дѣйствія, состоитъ, по его мнѣнію, изъ пеплошвора и обыкновеннаго элекпричества. Онъ упрекаетъ физиковъ за то, что они предпочитаютъ гальваническіе приборы съ большимъ количествомъ кружковъ приборамъ съ малымъ количествомъ кружковъ, но имѣющихъ большой діаметръ. Посредствомъ одной пары пластинокъ мѣди и цинка большаго діаметра онъ приводилъ въ сильное раскаленіе металлическую проволоку. (*Revue Encyclopédique, novembre 1820*).

Примѣт! Нашъ Химикъ С. П. Власовъ го-

раздо прежде сего устроилъ точно такой приборъ изъ двухъ круговъ мѣди и цинка, имѣющихъ около $\frac{1}{2}$ аршина въ діаметрѣ. Посредствомъ сего прибора такъ же сильно раскалялась платиновая проволока. Мы были свидѣтелями опытовъ съ онымъ приборомъ на публичныхъ лекціяхъ въ Горномъ Корпусѣ и въ Обществѣ Любителей Россійской Словесности 8 Іюня 1820 года. См. Труды ВЫСОЧАЙШЕ ушверженнаго Вольнаго О. Л. Р. С. Часъ X стр. 379 и Часъ XI стр. 8 и слѣд.

О вліяніи гальванизма на магнитную стрѣлку.

Чрезвычайное открытіе Копенгагенскаго Профессора Г. Эршшеда о вліяніи Вольтова прибора на магнитную стрѣлку привлекаетъ нынѣ вниманіе ученыхъ. Выписываемъ изъ Парижскаго журнала *Annales de Chimie & de Physique* важнѣйшія заключенія и замѣчанія о семъ предметѣ.

Первые опыты Г. Эршшеда состояли въ томъ открытіи, что магнитная стрѣлка перемѣняла направленіе отъ дѣйствія Вольтова прибора; что сіе дѣйствіе прекращалось съ прекращеніемъ теченія гальванизма. Опыты свои Г. Эршшедь производилъ въ присутствіи многихъ Копенгагенскихъ ученыхъ. Вотъ главнѣйшее заключеніе изъ сихъ опытовъ имъ выведенное:

Спеченіе электричества (*conflit électrique*) (*) дѣйствуетъ только на магнитныя частицы вещества. Вся шѣла немагнетическія пропускаютъ спеченіе электричества; но шѣла магнетическія, или, лучше сказать, магнитныя частицы сихъ шѣлъ проливаясь прохожденію сего электрическаго спеченія, до того, что приходятъ въ движеніе отъ дѣйствія сихъ борющихся силъ. Изъ сего слѣдуетъ, что спеченіе электричества не заключено въ проводной проволокъ, но что оно имѣетъ около оной довольно пространную сферу дѣйствія. Изъ сего можно также заключить, что электрическое спеченіе дѣйствуетъ кружась или вокругъ; ибо безъ сего положенія не будетъ понятно, какимъ образомъ одна и таже часть соединенной проволоки, будучи помѣщена снизу магнитнаго полюса, ведетъ стрѣлку къ востоку, между шѣль какъ, находясь сверху полюса, направляетъ ее къ западу.

Вся дѣйствія относительно къ сѣверному полюсу объясняются предположеніемъ, что сила, или вещество оцрицательно электрическое, протекаетъ по спиральной линіи, согнутой съ лѣва на право; что она даетъ толчекъ сѣверному полюсу и не дѣйствуетъ на южной. Такимъ же образомъ объясняются дѣйствія на сей

(*) Такъ называетъ Г. Эрштедъ дѣйствіе, обнаруживающееся въ проводной проволокъ и около оной во время дѣйствія гальванизма.

последній, если припишешь отрицательно электрическому веществу движение по направлению противному и способность дѣйствовать на южной полусъ, не дѣйствуя на сѣверный.

Къ сему Г. Эршшедъ прибавляешь слѣдующее замѣчаніе: „я доказалъ, говорилъ онъ, въ сочиненіи, издавномъ назадъ тому семь лѣтъ, что спеченіе электричества состоить изъ шепловора и свѣта. Изъ наблюдений же вышеописанныхъ можно заключить, что сіи дѣйствія совершаются по движениямъ коловрашимымъ; я увѣренъ что сіи дѣйствія могутъ способствовать къ объясненію тѣхъ, которые имѣють отношеніе къ такъ называемой полярности свѣта. „

Одинъ изъ издавелей вышеупомянушаго журнала, Г. Арраго прибавляешь, что Женевскій Профессоръ Де ла Ривъ, — (который посредствомъ сильныхъ Вольтовыхъ приборовъ, имъ усовершенныхъ, открылъ весьма любопытныя явленія) — въ присущствіи его, Гг. Прево, Пикшета, Соссюра, Марса, Кандолля и проч. подтвердилъ опыты Г. Эршшеда.

Далѣ о новѣйшихъ электро-магнетическихъ опытахъ Г. Эршшеда пишушь слѣдующее въ *Bibliothèque universelle* (octobre 1820):

Электро-магнетическія дѣйствія, кажутся, зависяшь не отъ силы электричества, а отъ количества онаго. Ударъ большой элек-

трической бапарей, сообщенный посредством мetailической проволоки, не производитъ никакого движенія въ магнитной спирѣлкѣ. Непрерывное продолженіе электрическихъ искръ дѣйствуетъ на спирѣлку какъ обыкновенное электрическое притяженіе и опшпакиваніе; но, сколько можно увѣришься, искры не производятъ электро-магнетическаго дѣйствія. Гальванической столбъ, составленный изъ 100 паръ квадратныхъ пластинокъ и бумаги намоченной соленою водою, не оказываетъ примѣтнаго дѣйствія. Между шѣмъ, оказывается дѣйствіе отъ одной гальванической пары цинка и мѣди, имѣющей проводникомъ жидкость, состоящую изъ сѣрной, селифрянной кислоты и воды. Если поверхности обоихъ мetailовъ малы, то дѣйствіе оказывается, но оно усиливается по мѣрѣ увеличенія поверхностей.

Г. Эршведъ увѣряетъ, что посредствомъ двухъ пластинокъ, цинка и мѣди, соединенныхъ сверху мetailической проволокой, а снизу проводною жидкостью, можно дѣлать всѣ опыты, которые онъ произвелъ прежде посредствомъ сложнаго гальваническаго прибора.

~~~~~

За симъ должно сказать объ опытахъ Г. Ампера, разливающихъ новый свѣтъ на ис-

пыпанія Г. Эршпеда, относительно дѣйствія гальванизма на магнетизмъ. Г. Амперъ объявляетъ о новомъ явленіи, имянно: о взаимномъ дѣйствіи двухъ электрическихъ спруй безъ посредства магнита.

Вотъ главнѣйшія заключенія, выведенныя имъ изъ сего дѣйствія:

1) Двѣ электрическія спруи привлекаются, когда онѣ имѣютъ параллельное движеніе по одному направленію; онѣ отталкиваются, когда движущаяся параллельно по направленіямъ прошивнымъ.

2) Изъ сего слѣдуешь, что, когда металлическія проволоки, по коимъ текутъ сіи спруи, могутъ обращаться только въ плоскостяхъ параллельныхъ, то каждая изъ двухъ спруй стремится привести другую въ такое положеніе, въ которомъ бы она была ей параллельна, и текла по тому же направленію.

3) Сіи привлеченія и отталкиванія совершенно отличны отъ обыкновенныхъ привлеченій и отталкиваній.

4) Все явленія, предсказываемыя взаимнымъ дѣйствіемъ электрической спруи и магнита, открытыя Г. Эршпедомъ, входятъ въ законъ привлеченія и отталкиванія двухъ электрическихъ спруй, въ томъ случаѣ, въ которомъ сказано, принимая, что магнитъ есть собраніе электрическихъ спруй, произ-

водимыхъ дѣйствиемъ частицъ стали однѣхъ на другихъ, подобно пластинкамъ гальваническаго прибора и дѣйствующимъ по перпендикулярнымъ плоскостямъ къ линіи, соединяющей два полюса магнита.

5) Когда магнитъ принимаетъ известное положеніе по дѣйствию земнаго шара, то спруи его усрепляются по направленію противоположному къ кажущемуся движенію солнца, такъ, что когда приводятъ магнитъ въ противоположное положеніе, для того, чтобы полюсы, относящіяся къ полюсамъ земли, были того же рода, то тѣ же самыя спруи находятся по направленію кажущагося движенія солнца.

6) Известныя явленія, примѣчаемыя при дѣствіи одного магнита на другой, подходятъ также подъ сей законъ.

7) Тоже самое и при дѣствіи земнаго шара на магнитъ, допуская въ семь случаевъ электрическія спруи въ перпендикулярныхъ плоскостяхъ къ направленію уклоненія магнитной стрѣлки и копорая движется отъ запада къ востоку ниже сего направленія.

8) Нѣтъ никакой разности между полюсами магнита, кромѣ той, что одинъ полюсъ находится на правой, а другой на лѣвой сторонѣ отъ электрическихъ спруй, придающихъ стали магнитныя дѣствія.

9) Вольша показалъ, что два шѣла, изъ

коихъ одно наэлектризовано отъ прикосновенія съ металлами, а другое отъ шренія, дѣйствовали другъ на друга, во всѣхъ обстоятельствахъ, такъ, какъ бы они были наэлектризованы гальваническимъ приборомъ или обыкновенною электрическою машиною. Тотъ же родъ доказательства находится здѣсь, въ отношеніи къ сходству привлеченій и отталкиваній электрическихъ струй и магнитовъ. Въ обыкновенной теоріи магнетизма надлежитъ сдѣлать одну только переменъ: имянно, надлежитъ допустить, что магнетическія привлеченія и отталкиванія должны быть смѣшиваемы не съ шѣми, которыя происходятъ отъ природы электричества, но съ шѣми, которыя замѣнены Г. Амперомъ между двумя струями; сія-то вещества дѣйствуютъ въ оныхъ двухъ случаяхъ.

Г. Арраго, повтора опыты Г. Эршледа, убѣдился, что струя Вольтова столба обнаруживаетъ сильный магнетизмъ въ пластинкахъ желѣза или стали, которыя были совершенно лишены магнетизма и что соединительная проволока прибора имѣеть способность намагничивать магнитную стрѣлку, дѣйствію оной проволоки подверженную. Если сія стрѣлка желѣзная, то она лишается магнитныхъ свойствъ, какъ скоро уничто-

жились на нее вліяніе соединительной проволоки; если спирѣлка спальная, то она сохраняетъ магнетизмъ, какъ магнитная спирѣлка обыкновенными способами.

Другими опытами Г. Арраго убѣдился, что если спальная проволока намагничивается струею гальванизма, протекающею по длинѣ оной, то положеніе полюсовъ не опредѣляется направлениемъ струи и что общоиндуктивна ничтожныя, почти непримѣшныя, какковы на примѣрѣ, начало слабого намагничиванія, непримѣшная неправильность въ видѣ или сложеніи проволоки, могутъ измѣнять совершенно послѣдствія. Между тѣмъ, если гальваническая струя протекаетъ около спали по спиральной линіи; то всегда можно назначить впередъ, гдѣ будутъ сѣверной и южной полюсы.

Гг. Біошъ и Саваръ читали 30 Октябрю 1820 въ Парижской Академіи Наукъ разсужденіе, коего предметъ состоялъ въ опредѣленіи точнымъ измѣреніемъ физическихъ законовъ, слѣдуя которымъ металлическія проволоки, сообщенныя жъ двумя Вольфовыми столбами, дѣйствуютъ на магнитныя шѣла. Опыты, ими произведенные, привели ихъ къ слѣдствію, изъясняющему дѣйствіе, испытываемое частицею магнетизма южнаго и сѣвернаго, находящеюся въ какомъ бы ни было разстояніи

опъ тонкой цилиндрической проволоки, намагниченной гальваническою спруею. Если чрезъ точку, гдѣ находится сія частица, провеспи перпендикуляръ къ оси проволоки, то сила, возбуждающая частицу, будетъ перпендикулярна къ сей линіи и къ оси проволоки. Степень ея находится въ обратномъ отношеніи въ простому разстоянію. Свойства дѣйствія оной пѣже, какъ и магнитной спрѣлки, которая была бы помѣщена на округлости проволоки по направленію опредѣленному и всегда положительному въ отношеніи къ направленію гальванической спруи, такъ что частица магнетизма сѣвернаго и частица магнетизма южнаго будутъ понуждаемы сею силою по направленію противоположному, хотя всегда, слѣдуя тому же перпендикуляру, опредѣленному предыдущимъ устройствомъ.

Раствореніе золота новыми способами.

Г. Маркшейдеръ Власовъ открылъ новый средства растворять золото. Имянно, въ слѣдствіе опытовъ его, золото растворяется :

1) Въ винномъ спиртѣ, смѣшанномъ съ небольшимъ количествомъ дымящейся селишривной кислоты ;

2) Въ селишривной кислотѣ, налишпой на сахаръ, на Аравійскую камедь или драганшъ ;

4) Въ уксусной кислотѣ, смѣшанной съ селифрянной по равной часпи;

5) Въ уксусной кислотѣ, налишой на селифру;

6) Въ лимонной кислотѣ, смѣшанной съ селифрянною;

7) Въ селифрянной кислотѣ съ свинцовымъ сахаромъ.

Если растворяшь золото въ винномъ спиртѣ, смѣшанномъ съ дымищеюся селифрянною кислотою и ежели упошребляшь всегда различныя количества сихъ кислотъ и золота, то происходишь большее различіе въ цвѣсахъ жидкости и осадковъ, которые бывають: темновишневые, желтые, темнозеленые, бѣлые и м. д.

Примѣч. Подробное разсужденіе о семъ предметѣ читано Г. Власовымъ въ С. П. Бургскомъ Минералогическомъ Обществѣ, въ шрудяхъ котораго оное разсужденіе будетъ помѣщено. Сіи шруды въ скоромъ времени изданы будутъ иждивеніемъ почтеннаго Президента Минералогическаго Общества Тайнаго Совѣтника Барона В. И. Фипингофа.

Раствореніе платины новымъ способомъ.

Производъ вышеописанныя испытанія Г. Власовъ расшверилъ и платину въ винномъ спиртѣ, смѣшанномъ съ селифривашой кислотою.

Послѣ расшворенія черезъ нѣкоторое время происходитъ изъ сего раствора бѣлый осадокъ. Если же къ раствору, еще неслипшему съ осадка, прибавить раствора ѣдкаго кали, то бѣлый цвѣтъ осадка превращается въ черный.

*Краткая перепись новѣйшихъ открытій
Г. Власова.*

Краткое означеніе нижеслѣдующихъ открытій позволилъ намъ Г. Власовъ помѣстить здѣсь, предославъ себѣ подробности оныхъ предсавивъ ученому свѣту въ свое время:

1) Пропуская однажды чистый хлоръ черезъ перегнанную воду, Г. Власовъ оставилъ сію воду на долгое время на солнцѣ и въ ночь: въ сей водѣ произошелъ осадокъ, копорой по его изслѣдованіямъ сосполялъ изъ перекиси марганца.

2) Онъ открылъ самый надежный способъ производить всегда вѣрный взрывъ пороховыхъ минъ, хотя бы оныя успроены были за годъ и болѣе; сей способъ можетъ быть еще употребленъ и для взрыва мосновъ при репиродахъ и проч.

3) Онъ произвелъ много опытовъ, копорые приближили его къ открытію самага дешѣйшаго способа кипящій воду безъ помощи

всѣхъ, нынѣ упошребляемыхъ, пощильныхъ мащериаловъ.

Бронзирование мѣди.

Извѣстный Горный офицеръ Г. Любарскій нечаянно открылъ способъ бронзирования и даже *воронить* мѣдь посредствомъ дыма, происходящаго отъ сожиганія сушеной бычачьей крови. Такимъ образомъ покрываль онъ вычеканеннукъ, или оплмшую въ извѣстныя формы мѣдь (напр. медали, портрешпы и ш. п.) красивымъ и прочнымъ лакомъ бурого цвѣща съ пріятными радужными опшѣнками; обработанныя симъ способомъ вещи предшавляютъ подобіе бронзы. По его мнѣнію бурый цвѣщъ, принимаемый мѣдью, при дѣйствіи на оную кроваваго дыма, зависить отъ *силеюй кислоты*, находящейся въ семъ дымѣ; доскъ же отъ *эфирематическаго масла*, образующагося при сожиганіи крови.

О семъ открытіи было писано въ ученыхъ извѣстіяхъ, прилагаемыхъ при С. П. Бургскихъ вѣдомостяхъ (N 76 и 76, Ноября 1819) и въ прекрасномъ химическомъ журналѣ, издаваемомъ славнымъ химикомъ нашимъ А. И. Шереромъ подъ названіемъ: Allgemeine nordische Annalen der Chemie. (N X und XI. 1820).

Удобнѣйшее разложеніе желѣзныхъ рудъ.

Г. Аптекарь *Гельмъ* въ *Екатеринбургѣ*, изслѣдывая соспавныя часпи различныхъ желѣзныхъ рудъ, открылъ удобнѣйшее средство ошдѣляшь сужимъ пушемъ мешаллическія часпи ошъ земель, химически съ ними соединенныхъ. Важное и удивительное средство сіе заключается въ накаливаніи желѣзныхъ рудъ *съ нашатыремъ*, который, улелучиваясь, уносишь съ собою только мешаллическія часпи, оспавляя чиспыя земли въ видѣ бѣлаго порошка. Г. Любарскій, ошъ котораго мы получили сіи свѣдѣнія, увѣряешъ, что ошъ съ точностію повпорялъ вышеописанные опышы и нашель ихъ совершенно справедливыми.

Новый видъ Гіенны, въ Африкѣ.

Сей новый видъ Гіенны, которую Г. Темминкъ называешъ *разрисованною Гіенною*, по причинѣ песпрошы ея шерспи, приближаешся въ нѣкоторыхъ ошношеніяхъ къ собакамъ; имянно, у ней нравы и голосъ не споль суровы, какъ у другихъ Гіеннь; она не имѣешъ гривы на зашылкѣ и спишѣ; прями; переднія и заднія ноги почти равной длины. Вся шерсть сей Гіенны жестка, довольно длинна на спишѣ и хвосшѣ, которой не пушисть; цвѣшы ея сушь: охряный, шемнобурый и чиспый бѣлый. Вся длина ея ошъ морды до

Конца хвоста составляет 4 фута; высота же спереди 21, сзади 19, а голова 9 дюймовъ. Сіе животное, котораго открытиемъ обязаны мы новѣйшимъ Англійскимъ путешественникамъ, посѣщавшимъ разныя части южной Африки, живешь всегда довольно многочисленными стадами. Она преслѣдуетъ свою добычу днемъ, между тѣмъ какъ другія Гиенны ищутъ себѣ пищу ночью, уединенно или только парами. (Annales générales des sciences physique, janvier 1821.)

Sommea Calcitrara, еще растение неописанное, долженствующее составить новый родъ.

Г. Бори Сен-Винсентъ пишетъ о ней слѣдующее: *Sommea Calcitrara* родился въ Бразиліи и есть растение травянистое, раскидистое, котораго цилиндрическіе стволы слабы, не много вѣжны, бѣлы, совершенно гладки, снабжены нѣсколькими вѣтвями, вышиною отъ 2-3 сантиметровъ. Переменяющіеся листья имѣють цвѣтъ голубо-зеленой или особенный синеващо-зеленой; вѣжны и мясисты, выпянуты лопатками, имѣють стбельки весьма тонкіе въ черепкахъ при своемъ прикрѣпленіи; по тупы, округлены и очень цѣлы, но легко заоспрены и снабжены не ровными зубчиками отъ одного до трехъ

съ одной стороны или съ двухъ. Сія листва достигаютъ до 8 синшимешровъ въ ихъ наибольшей длинѣ, имѣя около двухъ синшимешровъ большой ширины; тогда они распростираются сюда и сюда, раскрываясь и опдѣляясь отъ стволу. Цвѣточные стебельки обыкновенно противоположены нѣкоторымъ листьямъ, нѣсколько ихъ короче, бѣлы и нѣжны, подобно стволу. Цвѣтки соединены въ головкѣ, чрезвычайно малы и внутри желтовато-бѣлы. Не большой палевой конусъ, образуемый центральными цвѣтками, смѣшанными подобно свербежницамъ, состоятъ почти всегда изъ выродковъ. Шипы въ чашечкѣ имѣютъ цвѣтъ блестящій соломенный и къ концамъ нѣсколько бурозапы; пять листочковъ обыкновенной чашечки или оберпочки, расположенные подъ сими шипами роскошно, падаютъ наружу и весьма неровны. Малѣйшій недостигаетъ иногда и одного синшимешра, между шѣмъ какъ самый большой имѣетъ вообще по крайней мѣрѣ три; ихъ опшѣнки, видъ, состояніе совершенно подобны другимъ листьямъ, отъ которыхъ они, кажется, отличаются только пропорціею, положеніемъ и мѣстомъ, занимаемымъ ими въ разположеніи цвѣтовъ. Вѣнчики зеленоваты, снаружи пыльные головки бурозапы, равно какъ и песники. Сѣмя имѣетъ цвѣтъ

пламенно-красный, особливо къ концу, такъ какъ и внутренность его гнѣздышка, кошорое споль блестятъ, чпо кажется покрытымъ лакомъ. (Annales g n rales des sciences physiques, octobre 1820).

Силипирометръ,

Г. Ади, въ Эдимбургѣ, изобрѣлъ инструменшъ, копорому онъ придалъ названіе *Силипирометра* и копорой служишъ къ означенію самой малѣйшей перемѣны въ тяжести атмосферы. Сей инструменшъ состоишъ изъ трубки съ двумя шариками, наполненной газомъ (лучшии газъ для сего есть водопворъ), и какою нибудь жидкостію (исключая ршуши), на копорую газъ, въ сей трубкѣ находящійся, не могъ бы дѣйснвовашъ, такъ какъ и воздухъ, прикосновенію копорого она нѣкошорымъ образомъ подвержена. Жидкостъ, предпочишаемая Г. Ади, есть миндальное масло, окрашенное краснымъ корнемъ. Трубка, такимъ образомъ наполненная, придѣлывается къ обыкновенному термометру.

Новый Гигрометръ.

Тотъ же физикъ изобрѣлъ новый гигрометръ. Сей инструменшъ состоишъ изъ маленкой трубки, сдѣланной изъ внутренней плевы просцаго просшника (*arundo phragmi-*

Лиз) и придѣланной на подобіе шарика къ верхней части термометрической трубки: все наполнено ртутью, которая восходитъ или упадаетъ, слѣдуя быстрому сжиманію или расширенію плевы, которой чувствительность столь велика, что малѣйшее увеличеніе влажности или сухости атмосферы сильно на нее дѣйствуетъ. (Revue Encycl.; Janvier 1820).

Крюометръ, новый инструментъ, измѣряющій степень холода.

Сей инструментъ состоитъ изъ конической вазы, сдѣланной изъ жести или мѣди. Во время холода вливаютъ въ сію вазу, по захожденію солнца, 100 куб. дюймовъ воды, имѣющей температуру пающаго льда, оставляютъ сію воду во время цѣлой ночи дѣйствію холода, и когда холодъ достигнетъ до высшей степени, что случается обыкновенно при захожденіи солнца, то пробиваетъ образовавшійся ледъ при опверстіи крюометра; выливаютъ посредствомъ сей скважины воду незамерзшую и измѣряютъ ея. Степень холода выводятъ изъ количества замерзшей воды. Изобрѣтатель сего инструмента Г. Флогергъ назначаетъ средства, какимъ образомъ опредѣлять отношеніе означеній *крюометра*, которыми онъ почитаетъ гораздо вѣрнѣе и точнѣе всѣхъ термометрическихъ, упо-

проблемныхъ нынѣ при обыкновенныхъ термометрахъ. (*Journal de Physique, février 1820*).

О радугѣ блага цвѣта.

Радуга блага цвѣта была наблюдаема Г. Сметгустомъ. Около двухъ часовъ пополудни, едѣлся на поверхности земли довольно большой туманъ, которой уменьшался въ верхнихъ часяхъ атмосферы. Радуга была видна черезъ туманъ, она была совершенно образована, только нѣсколько прерывалась въ срединѣ. Ширина оной была почти вдвое противъ обыкновенной радуги; цвѣтъ ея сѣрой; ближе къ землѣ, она была свѣтлѣе нежели у центра; въ каждой половинѣ была бѣлая полоса, особенно блестящая. (*Journal de Physique, avril 1820*).

Невозвратная и временная сѣдина волосъ.

Примѣры внезапной и невозвратной сѣдины волосъ, происходящей отъ чрезвычайной печали или отъ сильнаго вліянія на наши способности — не весьма рѣдки; но временная сѣдина отъ дѣйствія болѣзни и потомъ переходъ цвѣта волосъ въ первобытный естъ, можетъ быть, единственныи примѣръ. Сіе необыкновенное явленіе наблюдалъ Г. Компанъ, докторъ въ Сижанѣ, надъ женщиною 36 лѣтъ, которая была въ опасной го-

рячкѣ; въ 23 день болѣзни, волосы ея начали сѣдѣть; черезъ шесть дней спали совершенно сѣдыми; въ 30 день начали темнѣть и наконецъ въ 47 день приняли прежній цвѣтъ. (Annales cliniques).

Новое противоядіе противъ бѣдкой сулемы.

Г. Таддей, Профессоръ медицины въ больницѣ во Флоренціи, нашель, что клейстерное вещество пшеницы, растворенное въ водѣ съ мыломъ, разрушаетъ ужасныя дѣйствія, производимыя сулемою надъ живошными. (Revue Epsycl., août 1820).

Инструментъ для рисованья перспективы.

Г. Аурахеръ, Генераль-маіоръ, въ Австрійской службѣ, изобрѣлъ инструментъ, который онъ называетъ *картографъ*. Посредствомъ онаго можно рисовать перспективу съ большею точностію и накладывать шѣни. Въ сочиненіи, изданномъ имъ о семъ предметѣ, находится описаніе сего инструмента, коего строеніе весьма просто и способно къ употребленію для всѣхъ родовъ перспективы. (Revue Epsycl. juin 1820).

Средство поправлять картины, испорченныя измѣненіемъ свинцовыхъ бѣлилъ.

Углекислой свинецъ, подверженный нѣкошорое время сѣроводороднымъ парамъ, дѣ-

дается чернымъ, потому что онъ превращается въ сѣрное соединеніе; сія краска, употребленная съ масломъ и покрывающая лакомъ, защищающимъ ее отъ непосредственнаго прикосновенія воздуха, можетъ сохраняться долгое время; но для водяныхъ красокъ не должно ее употреблять, если желаютъ, чтобъ картины долго сохранялись; если много картинъ, рисунковъ и драгоценныхъ миниатюръ, въ которыхъ употреблены были свинцовыя бѣла, испорченныхъ или почернѣвшихъ отъ разныхъ испареній, отъ которыхъ не спарались ихъ предохранить.

Одинъ изъ отличныхъ Французскихъ артистовъ, имѣвшій прекрасную картину *Рафаэля*, поврежденную черными пылинами, находившимися на часахъ, покрывшихъ бѣлою краскою, просилъ *Г. Тенара* научить его спасти сія пылина. Сей химикъ, послѣ нѣсколькихъ опытовъ, вспомнилъ, что между безчленными телами, которыя представило ему открытіе окислоторенной воды (*l'eau oxigénée*), онъ замѣтилъ свойство ея мгновенно превращать черный сѣрный свинецъ въ сѣрнокислый свинецъ, имѣющій бѣлый цвѣтъ. *Г. Тенаръ* доставилъ сему артисту слабо окислоторенную воду (содержавшую отъ пыли или шесты часшей своей обѣщавши кислотора), посредствомъ которой онъ

нѣсколькими прикосновениями кисти свель
всѣ пышна. (Bulletin de la societe d'Encoura-
gement, juillet 1820).

Средство поправлять древнія медали.

Профессоръ Ланчелотти въ Неаполѣ от-
крылъ средство опнимать ржавчину, часіно
покрывающую древнія серебряныя медали.
Опыты свои производилъ онъ съ большимъ
успѣхомъ, погружая сначала медали въ водо-
шворо-хлоровую кислоту, потомъ въ жидкой
амміакъ и обширая ихъ полошномъ до пѣхъ
поръ, пока онъ совершенно очиснялся. (Re-
vue Encycl., octobre 1820).

*Лѣкарство отъ слѣпоты, причиненной бле-
скою снѣга.*

Докторъ Кутансо, прѣзжая черезъ Пер-
сію, зимою 1810, вдругъ лишился зрѣнія. Пер-
сіане поставили передъ нимъ большую чашу,
наполненную снѣгомъ; приблизили оную къ
его лицу и бросили въ нее раскаленный ка-
мень. Снѣгъ, мгновенно превращенный въ па-
ры, произвелъ въ немъ сильную испарину, ко-
порая поддерживалась еще покрываломъ, на-
кинутымъ на его голову. Сіе куреніе, произ-
веденное два раза, хотя весьма непріятно,
однакоже было очень дѣйствительнымъ: зрѣніе

его совершенно возстановилось. (*Journal de Sciences médicales, mars 1820*).

Новое лѣкарство отъ зоба, открытое докторомъ Куанде.

Зобъ есть по большой части опухоль безъ боли. Онъ различается въ величинѣ, по возрастамъ и поламъ; онъ больше удѣшей, нежели у возмужалыхъ, у женщинъ, нежели у мужчинъ; онъ имѣетъ нервы и кровяные сосуды, ему свойственные; сии послѣдніе приобрътающъ значительную величину и отъ того вырѣзываніе зоба часто невозможно и всегда опасно.

Непосредственная причина сей удивительной болѣзни еще неизвѣстна; вообще ее приписываютъ употребленію швердыхъ водъ, усилю, производимому шруднымъ родамъ, рвотою, кашлемъ, крикомъ и гнѣвомъ.

Пересеченная губка съ сихъ поръ сослужала основаніе всѣхъ лѣкарствъ, употребляемыхъ съ нѣкошорымъ успѣхомъ противъ зоба; но она производитъ нервныя судороги въ желудкѣ. Г. Куанде старался узнать, какое вещество въ губкѣ дѣйствовало сильнымъ образомъ противъ сей болѣзни, и нашелъ, что причиною сему былъ *Юдѣ*, хошя онъ и находится въ губкѣ въ маломъ количествѣ.

Онъ употребляетъ для лѣкарства *водо-творо-Юдовой кали*, копорой естъ соль, расплывающаяся и коей 48 грановъ въ одномъ унцѣ перегнанной воды предспавляютъ почти 36 грановъ Юда; но Г. Куанде предпочитаетъ растворъ 48 грановъ Юда въ одномъ унцѣ виннаго спирта въ 35 градусовъ, поелику сіе лѣкарство легче пригошовляется Онъ предписываетъ принимать его при раза отъ 10 до 20 капель въ полспаканѣ сиропа изъ волоснаго папоротника (*Adiantum capillus Veneris*) и воды. Дѣйствія сего лѣкарства чрезвычайны; черезъ восемь дней лѣченія опухоль размягчается и посепенно уменьшается; а въ продолженіе шеспи или десяти медвъ совершенно исчезаетъ.

Холодная выдѣлка гвоздей; способъ Г. Лемира въ Клерво.

Сія гвозди, выдѣланные безъ помощи огня посредствомъ плющильныхъ спанковъ и рѣзцовъ, соединяютъ въ себѣ при большой гибкости свойство держаться съ великою силой: ихъ оспрее въ нижней часпи препяспвуетъ дереву щеляться, направляя гвоздь такъ, чпобъ онъ пересѣкалъ волокно дерева. Слѣдуютъ работы, которымъ подвергается желзо послѣ плющенія, до приведенія онаго въ гвозди.

Первая работа. Рѣзцы, приводимые въ движеніе водянымъ колесомъ, служатъ къ разрѣзыванію, по перпендикулярному направленію къ жилкамъ, желѣзныхъ полосъ, имѣющихъ шплицу того рода гвоздей, которые въ видѣ назначено выдѣлывать. Пластины, производимая самъ дѣйствіемъ, имѣютъ длину ширину полосъ, ш. е. бшъ 6 до 7 дюймовъ, а ширину вышину гвоздя.

Вторая работа. Пластины разрѣзываются въ свою очередь на извѣстное число длинныхъ брусковъ, посредствомъ рѣзцовъ, изъ коихъ каждый рѣжетъ ихъ отъ 70 до 80 въ минушу. Сіи бруски, послѣ другихъ работъ, образуютъ гвозди, отпускаемые въ продажу. Жилки желѣза, будучи расположены по направленію длины гвоздей, производятъ то, что вязкость оныхъ увеличивается и позволяетъ сгибать ихъ, не опасаясь, чтобы они ломались.

Третья работа. Бруски или гвозди относятся въ печь для закалки, отъ коей они принимаютъ буровато красной цвѣтъ.

Четвертая работа. Для образованія головокъ у гвоздей, раздѣляютъ ихъ на три сорта: 1. Гвозди большіе, имѣющіе шплицу четырехгранную и полированную, кладущая въ шиски, сжимаемые горизонтальнымъ колесомъ, которое приводятъ въ движеніе; сіе

же самое колесо опускаешь на каждый гвоздь шляпную форму, копорая, ударивъ на часть гвоздя, выдавшуюся изъ шисковъ, образуешь на немъ шляпку, а впоричнымъ ударомъ даешь ей надлежащій видъ; 2. Гвозди меньшаго разбора прошивъ предыдущихъ, будучи сжаты шисками, получаютъ шляпки ошъ шрехъ или чешырехъ ударовъ молотка, приводимаго въ движеніе педалью; 3. Съ гвоздями, долженствующими имѣть шляпку весьма широкую и шпонкую, поступаешся слѣдующимъ образомъ: рабочникъ, нажимая педаль, сжимаетъ особеннаго устройства шиски, въ которыхъ вложены гвозди; попомъ чешырмя ударами ручнаго молотка образуешь шляпку.

Пятая работа: обработанные такимъ образомъ гвозди бывають покрывы слоємъ бурого окисла, ошъ чего они кажутся спарыми. Въ семъ видѣ ихъ кладуть съ ельною пыльною мукою въ чешырехъ-угольной ящикъ, черезъ которой проходишь ось водянаго колеса. Сей ящикъ приводится въ движеніе обращеніемъ колеса, а гвозди ошъ пренія лишаютъ покрывавшаго ихъ окисла и получаютъ пріятной блескъ. Послѣ сего они опускаются въ продажу.

Выгода сего способа, которую Г. Лемиръ имѣешь предъ обыкновенною обработкою, весьма значительна; она состоитъ, 1. въ цѣ-

нѣ горючаго матеріала, которой здѣсь не употребляется; 2. въ уменьшеніи ручной работы и въ скорости выдѣлки 3. наконецъ въ уменьшеніи угара, происходящаго бѣзъ дѣйствія огня при кованиі гвоздей. (Bulletin de la société d'encouragement, novembre 1820).

Полотно изъ ананаса.

Новое открытіе, полезное для Америки, состоитъ въ возможности дѣлать полотно изъ ананаснаго плода, котораго волокна соединяють прочностью съ тонкостью; онѣ удобно прядутся и дѣлать полотно весьма хорошаго качества. Сія ткань бѣлилась удобно въ Бразиліи и шамъ только съ выгодою можетъ обрабатываться; ибо въ семъ климатѣ ананасы растутъ на свободномъ воздухѣ, особенно на глинистой почвѣ. (Revue encycl, juin 1820).

Очищеніе пригорѣло - древесной кислоты.

Г. Штолце, аптекаръ въ Галль, открылъ способъ очищать древесную кислоту, перегаяя оной въ смѣшеніи съ сѣрною кислотою, съ окисломъ марганца и съ поварною солью. Г. Штолце подтвердилъ также способъ, предложенный профессоромъ Мейнекке, 1814, для сохранения мяса посредствомъ древеснаго уксуса. Онъ нашелъ, что, напирая сѣю кислотою нѣсколько разъ мершвое шло,

можно его превратить въ мумію. (Revue encycl., octobre 1820).

Составъ цемента, способнаго для заливанія желѣза въ камень и для соединенія различныхъ кусковъ металловъ.

Если взять по равной части желѣзныхъ опилокъ, сѣры и амміаковой соли въ горшѣ; смѣшашъ вмѣстѣ и смочить водою, такъ чшобъ смѣсь была густа: шо получится цементъ для соединенія желѣза съ камнемъ; но для соединенія металлическихъ кусковъ должно прибавить желѣзныхъ опилокъ. (Archives des découvertes, 1821).

Крашеніе шерстяныхъ матерій.

Г. Лабулей-Мариллакъ изобрѣлъ весьма простой и оспроумной способъ красить шерстяныя матеріи въ кускахъ, сколько прочно, какъ бы онѣ были крашены въ шерсти. Онъ сжимаетъ ихъ на днѣ чана цилиндрическимъ прессомъ, и когда прессъ поднимаютъ, шо образуется безвоздушное пространство въ волосяныхъ шрубочкахъ матеріи, которыя вдругъ наполняются краскою. (Revue Encycl. septembre 1820).

Средство дѣлать полотно негараемымъ.

Г. Гай Люссакъ увѣряетъ, что холстъ, обмоченный въ растворъ фосфорокислаго ам-

міяка и высушеный дѣлается нескараемымъ; соль на огнѣ плавится, амміакъ увеличивается, и около каждой нити остается родъ лака, состоящаго изъ фосфорной кислоты, предохраняющей холстъ отъ горѣнія. Сіе средство можетъ быть съ пользою употреблено для декорацій въ театрахъ и проч. (*Journal Pharmacie, novembre 1820*).

Несгораемый лакъ.

Различныя покушенія для приготовленія нескараемаго лака были безуспѣшны; увѣряють, что слѣдующее приготовленіе онаго исполняетъ совершенно сіе намѣреніе: распускають рыбей клей въ теплой или холодной водѣ, и приливають сюда сколькоже раствора квасцовъ, потомъ сею смѣсью покрываютъ вещи, которыя хотять сохранить отъ горѣнія. Для сего досташочно двухъ слоевъ, особенно, если къ жидкости прибавить не много уксусу. Въ деревянныхъ сосудахъ, приготовленныхъ такимъ образомъ, можно, какъ увѣряють, варить на огнѣ различныя вещи. И такъ надобно, чшобъ лакъ могъ защищать дерево отъ горѣнія, пропуская въ тоже время теплому. (*Jarbucher des Politech. Instituts, t. 1.*)

(Окончаніе въпредъ).

ОБЪЯВЛЕНІЯ

о новыхъ книгахъ.

1.

Въ Харьковской Университетской типографіи, съ одобренія Цензурнаго Комитета, печатается книга, подъ названіемъ: *Избранная мѣста изъ Русскихъ сочиненій и переводовъ въ стихахъ и прозѣ*. Книга сія состоятъ будетъ изъ двухъ частей. *Первая* часть заключаетъ въ себѣ образцы прозаическихъ сочиненій и переводовъ; а *вторая* произведенія поэзіи. Въ выборѣ образцовъ прозаическаго и стихотворческаго краснорѣчія соблюдена строгая разборчивость. Воспитывающееся юношество можетъ найти въ сей книгѣ матеріалы какъ для обогащенія памяти прекрасными произведеніями, такъ и для образованія сердца нравственными истинами.

Цѣна за обѣ части, состояющія около 25 печатныхъ листовъ, какъ въ Харьковѣ, такъ и съ пересылкою въ другіе города 5 руб. государсп. ассигн. Имяна особъ, кои благоволятъ подписаться на сію книгу, будутъ припечатаны въ концѣ второй части.

Желающіе имѣть оную могутъ адресоваться въ Харьковъ на имя фактора Университетской типографіи Коллежскаго Регистратора *Петра Федоровича Люби*.

2.

До сихъ поръ не было у насъ изданія Горация съ Рускими комментаріями. Съ удовольствіемъ прочитали мы въ 32 No *Сина Оцетства* объявленіе Г. Булгарина о семъ полезномъ предпріятіи. „Желая по возможности (говоритъ онъ) быть полезнымъ обществу, я рѣшился пополнить недоспашокъ въ Россійской Словесности изданіемъ *Избранныхъ Оды Горация съ комментаріями на Россійскомъ языкѣ*. Въ шрудъ моему руководствовался я изданіемъ Польскимъ, весьма почитаемымъ знашоками древнихъ языковъ. Вѣрность текста въ семъ изданіи соблюдена, сообразуясь съ Мичерликомъ и Варденбургомъ, а выборъ Оды сдѣланъ по Брауншвейгскому изданію Кеппена (*Encyclopädie der Lateinischen Classiker. Vierter Theil. Braunschweig. 1791.*), и выпущены только тѣ оды, кои, по излишней вольности въ выраженіяхъ, не сообразны съ нравами нашими. Въ комментаріяхъ объяснены всѣ шрудныя выраженія и піишическіе обороты.“ и проч.

Сіе изданіе выйдетъ въ нынѣшнемъ 1821 году. Оно будетъ состоять изъ двухъ час-

пей, въ каждой около 16 печатныхъ листовъ. Подписная цѣна безъ въсовыхъ денегъ здѣсь въ С. Петербургѣ за объ часни 10 руб. Подписка принимается въ Типографіи Над. Сов. Греча и въ книжныхъ магазинахъ брашьевъ Слѣниныхъ и Плавильщикова.

3.

Кратковъ Руководство къ Логикѣ, соч. Г. Барзеваскима и напечатанное изданіемъ ВЫСОЧАЙШЕ утвержденного Волнаго Общества Любителей Россійской Словесности. Логика сія, при возможной краткости, имѣеть полношу, ясность, естественный порядокъ и связь правилъ, словомъ: очень легкой способъ къ познанію хода умственныхъ способностей. Сочинитель, занимающійся преподаваніемъ Словесности, старался соблюсти въ сей книгѣ, что бы наука, показывающая дѣйствіе ума въ изысканіи истины, была понятною, какъ для слушателей, такъ и для читателей. Сіе сочиненіе разсмотривано было Ученымъ Комитетомъ Главнаго Правленія училищъ и по замѣчаніямъ его сочинителемъ исправлено.

4.

Гг. Подписавшіеся на Французскій переводъ Исторіи Государства Россійскаго, соч. Г-мъ Карамзинымъ (*Histoire de l'Empire de Russie, par M. Karamsin, traduite par M. de S.*

Thomas & Jauffret), симъ извѣщаются, что 7 и 8 томы уже оппечатаны и раздаются у Г. Сен-Флорана и прочихъ иносранныхъ книгопродавцевъ въ С. Петербургѣ. Сей важный трудъ, заслужившій справедливыя похвалы во всѣхъ Липшературныхъ Французскихъ Журналахъ, конечно приобрѣщетъ доспойнымъ переводчикамъ уваженіе и благодарность всѣхъ благомыслящихъ Россіянъ; ибо они познакомили Европу съ Исторіею нашего Отечества, они доказали окончаніемъ сего благороднаго предпріянія какъ дарованія свои, такъ и точность въ выполненіи своихъ обязанностей относительно къ Гг. подписавшимся (*).

У нѣхъ же Гг. книгопродавцевъ можно найти порпретъ Г. Карамзина, гравированный въ Парижѣ Г. Лоришономъ (Logichon), королевскимъ пенсіонеромъ, съ рисунка Г. Лагисъ (Laguiche) наблюдающаго надъ изданіемъ Греческой и Римской Иконографіи. Соединенные таланты сихъ двухъ художниковъ произвели сей перпретъ, въ копоромъ искусство гравировки и красота цѣлаго совокуплены съ разительнымъ сходствомъ лица. Продается по 5 рубл.

(*) 8 Томовъ Исторіи Государства Россійскаго, на Французскомъ языкѣ, на хорошей бумагѣ, въ 8 долю листа 50 рубл. въ 4 долю листа 75 рубл. На велевой бумагѣ вдвое.

ИМЯНА ОСОВЪ, БЛАГОВОЛИВШИХЪ ПОД-
ПИСАТЬСЯ НА СЕЙ ЖУРНАЛЬ 1821.

(*Продолженіе*).

Въ Києвъ.

Губернская Гимназія.

Въ Ярославль.

Ихъ Высокоблагородія:

Владиміръ Пешровичъ Ханьковъ.

Александръ Александровичъ Варенцовъ.

Въ Козловъ.

Его Сіяшельство Князь Александръ Алексан-
дровичъ Волконской.

Въ Тетюшахъ.

Его Высокоблагородіе Александръ Васильевичъ
Спраховъ.

Въ Житомиръ.

Его Сіяшельство Князь Евстахій... Сангушка.

Въ Новерадъ-Волинсколѣ.

Повѣтовый Маршалъ Оадей... Микуличъ.

Помѣщикъ Каешанъ... Водецкій.

Во Владиміръ (Волин: Губ:)

Маршалъ Пражмовскій.

Помѣщикъ Леванидовъ.

Въ Плесѣ.

Купецъ Михайла Сергѣевичъ Юдинъ.

Во Владиміръ.

ГГ Уѣздные Предводители Дворянства:

Шуйскій . . . Шимановскій.

Бывшій Муромскій . . . Бурцовъ.

———— Суздальскій . . . Куломзинъ.

———— Покровскій . . . Поливановъ.

———— Ковровскій . . . Всеволожскій.

Въ Ахтѣркѣ.

Маюрта Наспасья Николаевна Надаржинская.

Въ Суздаля.

Уѣздный Предвод: Дворян: Зайцовъ.

Въ Покровѣ.

Уѣздный Предвод: Дворян: Хмешевскій.

Въ Новоторкась.

Войсковой Спаршина Иванъ Пимановъ.

Въ Скурищенской Станицѣ.

Подполковникъ Спепанъ Себряковъ.

Въ Варшавѣ.

Лейбъ Гвардіи Липовскаго полка Прапорщикъ
Дмишривъ.

~~~~~

На полученіе сего Журнала 1818 года:

Г Самарскій Городничій Впоровъ.

~~~~~

На 266 стран: 13 строк: XV части напечатана
щели, чмшай куски.

~~~~~

ОГЛАВЛЕНІЯ

ПЯТНАДЦАТОЙ ЧАСТИ.

I. П Р О З А.

	Стр.
1. Донъ Карлосъ. Историческое происшествіе - - - - -	3, 148.
2. Записки о Голландіи 1815 - 33, 179	257.
3. Опытъ разбора Рускихъ синонимъ -	65.
4. Опытъ новыхъ разговоровъ на Рускомъ и Французскомъ языкахъ -	71.
5. Рѣчь - - - - -	128.
6. Опрывокъ изъ поэмы: Шиллонскій узникъ (<i>Лорда Байрона</i>) - -	299.
7. Маскарадъ. (Изъ II части <i>Hermite, de Londres</i>) - - - - -	311.

II. СТИХОТВОРЕНІЯ.

1. Недовѣрчивость (<i>Элегія</i>) - -	87.
2. Водопадъ - - - - -	90.
3. Маріи на развалинахъ Кароагена -	62.
4. Авторская клятва - - - - -	98.
5. Выборъ жены - - - - -	227.
6. Элегія - - - - -	236.
7. Пѣснь Скандинавскаго воина. Изъ Парни: Иснелъ и Аслега, пѣснь II. -	240.

	Справ.
8. Варону К. - - - - -	242.
9. Цвѣшокъ - - - - -	244.
10. Виргиліева эклога V Дафнисъ -	325.
11. Прощаніе съ жизнію. (<i>Изъ Жилъбера</i>)	337.
13. Прощаніе - - - - -	338.
12. Спихи, написанные на манускриптѣ поэта - - - - -	340.

III. С М Ъ С Ъ.

1. Приказъ, данный войску Графомъ Су- воровымъ, въ Варшавѣ 1795 года, по случаю праздника Св. Пасхи -	106.
2. О нѣкоторыхъ открытіяхъ въ наукахъ, искусствахъ и мануфакшурахъ въ про- шедшемъ 1820 году -	109, 246, 362.
5. Анекдоты - - - - -	121.
4. Записки Общества - - - - -	124.
5. Письмо Г. Почетнаго Члена Общества А. Н. Оленина къ Дѣйствительному Члену Г. И. Спасскому - - -	341.
6. Чертоги Скаура, или описаніе Римска- го дома: отрывокъ изъ путешествія въ Римъ Меровира, Свевскаго Принца, во время упадка Римской Республики. (Изъ <i>Revue Encyclopédique</i>). -	346.
7. Объявленіе о новыхъ книгахъ -	393.
8. Имена особъ, благоволившихъ подписа- тъ сей журналъ 1821 года. -	397.

